П. Коганъ.

Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Выпускъ I

П. Коганъ.

Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы.

Томъ первый.

ВЫПУСКЪ I.

Николаевская эпоха Западныя вліянія: сенъ-симонизмъ и гегеліанство. Бѣлинскій — Три главныхъ направленія въ русской литературѣ 40-хъ годовъ: офиціальная народность, славянофильство и западничество. Булгаринъ.—Хомяковъ. Кирѣевскіе. Аксаковъ. — Чаадаевъ. — Бѣлинскій — Герценъ.

Изданіе III.

Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній допущено для фундаментальныхъ библіотекъ военныхъ и юнкерскихъ училищъ.

Книгоиздательство „ЗАРЯ".
Москва—1911.

Типографія «Общественная Польза», уг 3-й Тверской-Ямской, д. 34-35.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ предлагаемыхъ „Очеркахъ по исторіи русской литературы“ я держался того же плана, какъ и въ вышедшихъ раньше очеркахъ по древней и западно-европейскимъ литературамъ. Я старался дать по возможности болѣе или менѣе полные очерки жизни и литературной дѣятельности главныхъ представителей русской литературы. Но при этомъ я не упускалъ изъ вида той задачи, которая представляется мнѣ наиболѣе важной въ каждомъ историко-литературномъ обзорѣ: знакомство съ корифеями нашей литературы должно раскрыть передъ читателемъ главныя вѣхи идейнаго пути, пройденнаго русскимъ обществомъ. Не претендуя дать полную картину смѣны философскихъ и общественныхъ идей, а также художественно-литературныхъ формъ, я старался, однако, повсюду въ избранныхъ мною крупнѣйшихъ произведеніяхъ русской литературы улавливать общія идеи, которыми жило общество. Первый выпускъ посвященъ писателямъ-публицистамъ, начало дѣятельности которыхъ относится къ 30-мъ и 40-мъ годамъ истекшаго столѣтія и во главѣ которыхъ стоятъ имена Бѣлинскаго и Герцена. Во второй выпускъ перваго тома войдетъ обзоръ литературной дѣятельности писателей-художниковъ, выступившихъ на литературное поприще въ эту же николаевскую эпоху, т.-е. тѣхъ писателей, плеяду которыхъ открываютъ имена Тургенева, Гончарова и т. д. Второй томъ будетъ посвященъ новѣйшей литературѣ вплоть до нашихъ дней. Указатель источниковъ, которыми я пользовался при составленіи этой книги, приложенъ въ концѣ.

П. К.

Май 1903 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Во второмъ изданіи перваго выпуска сдѣланы незначительныя измѣненія. Главный упрекъ критики теряетъ свое значеніе вслѣдствіе выхода въ свѣтъ второго выпуска „Очерковъ". Во второмъ выпускѣ сдѣланъ обзоръ главныхъ группъ, и направленій, обозначавшихся въ „оппозиціонной Россіи" 40-хъ—60-хъ годовъ. Отсутствіе такого обзора, какъ справедливо отмѣчено критикой, было бы большимъ пробѣломъ, но мнѣ казалось, что этотъ обзоръ болѣе умѣстенъ тамъ, чѣмъ здѣсь.

П. К.

Сентябрь 1909 г.

Отдѣлъ I.

Николаевская эпоха.—Западныя вліянія: сенъ-симонизмъ и гегеліанство.—Бѣлинскій.

I.

Николаевская эпоха.—Основной принципъ правительственной системы.—Бюрократія.—Чиновничество, церковь, армія, внѣшняя политика Россіи.—Общество.—Теоретическое обоснованіе системы „офиціальной народности".—Формула: православіе, самодержавіе, народность.—Прогрессивные элементы.—Наука.—Графъ Уваровъ.—Положеніе университетовъ.—Культурная роль университетовъ: Грановскій.—Положеніе литературы.

Содержаніе и тонъ русской литературы въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка опредѣлялись прежде всего тяжелыми условіями тогдашней дѣйствительности. Другимъ важнымъ факторомъ, оказывавшимъ воздѣйствіе на развитіе нашей литературы, были вліянія, шедшія съ Запада. Роль русской дѣйствительности николаевскаго царствованія была глубоко отрицательной. Она сводн-

лась къ подавленію всякой свободной мысли. Все, что стремилось къ лучшему будущему, стояло внѣ офиціальной жизни. Всѣ усилія власти были направлены къ тому, чтобы остановить естественное развитіе русскаго общества, утвердить старыя формы жизни и отжившія представленія. Вліянія, шедшія съ Запада, сыграли двоякую роль. Они не были однородны и разбивались на двѣ главныя струи. Одна шла глубоко вразрѣзъ съ господствующей системой, и потому ея отраженіе въ литературѣ столкнулось съ внѣшними препятствіями. Это были соціальныя ученія французскихъ мыслителей, идеи Сенъ-Симона и Жоржъ-Санда, и нѣтъ ничего удивительнаго, что николаевская полиція свои главные удары направила на писателей, проводившихъ эти идеи, а самыя идеи не могли получить полнаго и всесторонняго выраженія въ русской литературѣ. Вторая струя шла изъ Германіи. Опасность нѣмецкой философіи для существующаго уклада не представлялась столь очевидной. Системы Шеллинга и Гегеля могли быть предметомъ обсужденія, такъ какъ споры объ отвлеченныхъ вопросахъ съ меньшими треніями уживались рядомъ съ николаевскимъ режимомъ. Нельзя было критиковать язвы современной дѣйствительности, но можно было говорить объ общечеловѣческихъ идеалахъ. Не позволялось выяснять антихудожественный характеръ дутыхъ патріотическихъ драмъ, но разрѣшалось углубляться въ дебри эстетики и устанавливать художественныя цѣнности вообще. Тогдашняя цензура строго карала оцѣнку дѣйствительности съ точки зрѣнія цѣлесообразности и разумности, но она не всегда мѣшала выработкѣ общихъ широкихъ воззрѣній на міръ, жизнь и искусство. Устраненная отъ жизни, русская мысль на первыхъ порахъ радостно устремилась на высоты метафизическихъ умствованій. Германская философія послужила выходомъ для жаждущаго дѣятельности ума. Если не было прак-

тическаго примѣненія для бурлившихъ силъ русскаго творческаго генія, загнаннаго въ сторону отъ живой современности, то самыя силы въ неблагопріятной обстановкѣ тѣмъ болѣе закалялись. Запрещалось вступать въ бой, но не всегда удавалось запретить запасаться оружіемъ. Вотъ почему вліяніе нѣмецкой философіи, несмотря на ея отвлеченный характеръ, не прошло безслѣдно въ исторіи русской общественности. Разъ получивъ толчокъ къ высшимъ стремленіямъ, разъ переживъ пламенный порывъ къ міровой гармоніи, наши гегеліанцы не могли уже подходить къ мрачнымъ сторонамъ окружающей жизни безъ широкихъ точекъ зрѣнія, безъ энтузіазма, зажигавшаго жажду активнаго воздѣйствія на нее. Бѣлинскій петербургскаго періода съ его нетерпѣливымъ боевымъ пыломъ не могъ бы явиться безъ его московскихъ увлеченій.

Разсмотрѣніе упомянутыхъ факторовъ должно предшествовать изученію русской литературы.

14-е декабря было знаменательнымъ днемъ въ исторіи Россіи въ двухъ отношеніяхъ. Съ него ведетъ свое начало новѣйшая исторія русскаго освободительнаго движенія. Этотъ же день послужилъ началомъ той реакціоной системы, въ которой бюрократическій строй впервые ясно и глубоко сознаъ себя. Бюрократическая система получила всестороннее теоретическое обоснованіе, вобрала въ себя всѣ стороны жизни, привела къ строгому единству и законченному порядку все разнообразіе элементовъ общественной жизни. Декабрьскій переворотъ былъ задуманъ безъ народа, и идеи декабристовъ не имѣли глубокихъ корней не только въ народныхъ массахъ, но и въ сознательной части общества. Впечатлѣніе, произведенное декабрьскими событіями, было исходнымъ пунктомъ, опредѣлившимъ задачи новаго царствованія. Бдительный надзоръ съ цѣлью помѣшать повторенію декабрьскаго возстанія,—такова была эта задача. „Покончивъ съ мятежомъ и съ тайнымъ

обществомъ, правительство, — говоритъ Шильдеръ, — увидѣло передъ собою важную задачу: устранить на будущее время всякую возможность подобнаго явленія, чтобы всегда быть въ состояніи задушить въ самомъ зародышѣ всякій умыселъ враговъ существующаго порядка. Но для достиженія подобной цѣли нельзя было по-прежнему пренебрегать настроеніемъ общественнаго мнѣнія, отнынѣ надо было знать, что затѣвается въ обществѣ, какія мысли его волнуютъ, что въ немъ говорится, о чемъ оно размышляетъ; для успѣшнаго рѣшенія подобной задачи предстояло проникнуть въ сердце и тайные людскіе помыслы". Этой задачей опредѣлялись и методы, и средства системы. „Проникнуть въ сердце и тайные помыслы" было возможно только путемъ всесторонней бюрократической опеки надъ обществомъ и сложной системы полицейскаго сыска. Никакими средствами нельзя было пренебрегать, и неудивительно, что среди другихъ средствъ бдительнаго надзора начальникъ Третьяго Отдѣленія Бенкендорфъ указывалъ на то, что „вскрытіе корреспонденціи составляетъ одно изъ средствъ тайной полиціи и притомъ самое лучшее, такъ какъ оно дѣйствуетъ постоянно и обнимаетъ всѣ пункты имперіи".

Таковъ былъ основной принципъ системы. Посмотримъ, что она сдѣлала изъ русской жизни, науки и литературы. Россія была отдана во власть безконтрольнаго чиновничества, работа живыхъ общественныхъ силъ была замѣнена работой канцелярій, гдѣ создалась своя бумажная жизнь, замѣнившая настоящую. Усилія грандіозной бюрократической машины были направлены къ поддержанію стройности и порядка въ этомъ бумажномъ царствѣ. Чиновники были отвѣтственны только передъ высшими чиновниками, интересовались больше тѣмъ, чтобы угодить начальству, чѣмъ заботиться объ интересахъ населенія. Въ эту эпоху утверждалось то бумажное отношеніе къ дѣлу,

которое въ офиціальномъ терминѣ „все обстоитъ благополучно“,—терминѣ, полномъ безсознательнаго сатирическаго яда,—нашло свое лучшее выраженіе. Въ эту эпоху отливался въ свою окончательную форму тотъ типъ чиновника, который Островскій впослѣдствіи заклеймилъ въ своемъ „Доходномъ мѣстѣ“ и идеальную противоположность котораго Грибоѣдовъ опредѣлилъ стремленіемъ „служить дѣлу, а не лицамъ“. Чиновники были послушными орудіями въ рукахъ начальства, которое третировало подчиненныхъ какъ лакеевъ, а эти послѣдніе не находили лучшаго средства возстановить свое поруганное человѣческое достоинство, какъ примѣнять подобное же обращеніе къ еще болѣе мелкимъ чиновникамъ. Извѣстный дневникъ А. В. Никитенка даетъ обильный матеріалъ для характеристики нравовъ тогдашней бюрократіи. „Что такое Мусинъ-Пушкинъ? — пишетъ Никитенко въ январѣ 1846 года о попечителѣ учебнаго округа.—Не страдаетъ ли онъ повременамъ умопомѣшательствомъ? Какъ онъ обращается съ своими подчиненными! Недавно онъ позвалъ къ себѣ нѣсколькихъ учителей гимназіи и разругалъ ихъ „болванами, дураками, пустыми головами, шутами“ и пр. И онъ таковъ со всѣми подчиненными, имѣющими въ немъ нужду, кромѣ, впрочемъ, профессоровъ университета. На-дняхъ онъ одного изъ служащихъ у него прогналъ, грозя кулаками“. Отъ людей, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ подобной средѣ, конечно, нечего было ждать добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Взяточничество и вымогательства были страшнымъ бичемъ населенія, а взамѣнъ этого оно для удовлетворенія своихъ нуждъ не получало ничего, кромѣ никому не нужной безконечной бумажной переписки, характеръ которой прекрасно опредѣленъ откровеннымъ признаніемъ Фамусова „подписано—и съ плечъ долой!“ При господствѣ произвола чиновничество воспиталось въ убѣжденіи, что не оно при-

звано служить населенію, а, напротивъ, это послѣднее отдано ему въ полное распоряженіе. Никитенко такъ описываетъ генералъ-губернатора Дьякова, который „уже нѣсколько лѣтъ признанъ сумасшедшимъ, и, тѣмъ не менѣе, ему поручена важная должность генералъ-губернатора надъ тремя губерніями“. Каждый день его управленія тяжело доставался населенію. „Утро онъ обыкновенно проводитъ на конюшнѣ или на голубятнѣ: онъ страстный любитель лошадей и голубей. Всегда вооруженъ плетью, которую употребляетъ для собственноручной расправы съ правымъ и виноватымъ. Одну беременную женщину онъ велѣлъ высѣчь на конюшнѣ за то, что она пришла къ его дворецкому требовать 150 рублей за хлѣбъ, забранный у нея на эту сумму для генералъ-губернаторскаго дома. Портному велѣлъ отсчитать сто ударовъ плетью за то, что именно столько рублей былъ долженъ ему за платье“.

Произволъ и мертвый формализмъ царили во всѣхъ областяхъ государственнаго управленія. Церковь была частью бюрократической машины и находилась въ полномъ подчиненіи у свѣтской власти. Не было и тѣни религіозной свободы, дѣла о расколѣ трактовались какъ государственная тайна. Какъ и во всемъ, общество было устранено отъ участія въ обсужденіи важныхъ церковныхъ вопросовъ, и они рѣшались въ тайникахъ канцелярій. Русская армія была гордостью страны со времени наполеоновскихъ войнъ. Она считалась непобѣдимой, но внутри ея развивались язвы, подтачивавшія ея силы. Управляемая обычнымъ бюрократическимъ методомъ безъ участія общественнаго контроля, она подверглась общей участи, превратилась въ послушную машину безъ внутренней прочности. Хищничество и слѣпая вѣра въ силу бумажнаго воздѣйствія привели къ тому, что и здѣсь все обстояло благополучно только на бумагѣ. Въ дѣйстви-

тельности же рутина, невѣжество и отсутствіе инициативы не позволяли слѣдить за успѣхами военной техники, и крымскій разгромъ послужилъ жестокимъ урокомъ для бюрократической самонадѣянности. Во внѣшней политикѣ Россія являлась оплотомъ реакціи во всей Европѣ. Всюду, гдѣ вспыхивало революціонное движеніе, русскія войска являлись на помощь легитимизму. Именно въ эту эпоху положено было начало печальной славѣ Россіи, которая въ глазахъ передового европейскаго общества надолго осталась тормазомъ прогресса, политической свободы и научнаго изслѣдованія. Долгое время наше отечество служило пугаломъ для европейскихъ конституціонныхъ стремленій и предметомъ ненависти, которая рѣзко проявилась во время Крымской войны, когда на Россію ополчились не только враги, но и недавніе ея друзья. Обществу ничего не оставалось дѣлать при подобномъ режимѣ. Его не спрашивали, за него думали. Если, по ученію Монтескьё, гражданинъ имѣетъ право дѣлать все, чего не запрещаютъ законы, то, по принципамъ тогдашней бюрократіи, гражданамъ запрещается дѣлать все, на что не выдано соотвѣтствующаго разрѣшенія. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, объясняя закрытіе „Московскаго Телеграфа“, сказалъ между прочимъ о Полевомъ: „Надо было отнять у него право говорить съ публикой—это правительство всегда властно сдѣлать и притомъ *на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ*, ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ“. Само собою разумѣется, что на такихъ же *юридическихъ основаніяхъ* гр. Уваровъ могъ отнять у Полевого право читать и ходить, такъ какъ подобныя привилегіи не числятся въ правахъ русскаго гражданина. Если среди высшей администраціи появлялся честный чиновникъ, это производило впечатлѣніе чуда. Когда Перовскій возсталъ противъ мошенничествъ

безъ которыхъ, „какъ безъ воздуха“, не могутъ жить купцы, это „привело всѣхъ въ восторгъ“. Впервые министръ обратилъ вниманіе на настоящія народныя нужды. „А кажется,—говоритъ Никитенко,—тутъ нѣтъ ничего необычайнаго. Это только простое выполненіе своего долга. Однако это *величайшая рѣдкость* у насъ... всѣ мѣтятъ *поверхъ* Россіи, и никто не заботится о томъ, что бѣдной Россіи ѣсть нечего, что воры-чиновники грабятъ послѣднее достояніе народа, что правды въ ней нѣтъ, и пр., и пр.“.

Такова была дѣйствительность. Въ ней было мало новаго для русскаго обывателя, который, въ сущности, всегда былъ предметомъ правительственной опеки и не былъ избалованъ вниманіемъ къ его нуждамъ. Новаго въ николаевской эпохѣ было то, что она, быть-можетъ, впервые глубоко и всесторонне сознала себя, подыскала теоретическое обоснованіе полицейско бюрократическому режиму, создала своего рода философскую систему. 14-е декабря имѣло то значеніе, что за идеями какъ бы признана была сила, ихъ испугались. Явилось сознаніе, что съ идеями нужно бороться не однѣми только полицейскими мѣрами. Необходимо было создать что-нибудь похожее на идейную подкладку, на теоретическую предпосылку бюрократическаго произвола. И западнымъ соціальнымъ ученіямъ было противопоставлено свое доморощенное, явившееся прямолинейнымъ, наскоро состряпаннымъ обобщеніемъ существующаго порядка. Эта доморощенная политическая философія, за которой Пыпинъ утвердилъ названіе „офиціальной народности“, сохранилась до нашихъ дней на столбцахъ реакціонно-патріотическихъ органовъ. Ея основная идея заключалась въ томъ, что мертвящая бюрократическая система имѣетъ свои корни въ глубинахъ народнаго сознанія, соотвѣтствуетъ національному складу русскаго народа. Это былъ удачный оборотъ мысли, который долженъ былъ па-

рализовать разрушительное дѣйствіе шедшихъ съ Запада идей. Этимъ путемъ надѣялись сразу воздвигнуть преграду между Европой и Россіей. Нужно было сразу отдѣлить насъ отъ Запада. Такимъ образомъ николаевская эпоха не только положила начало всѣмъ тѣмъ идеямъ, которыми до сихъ поръ живетъ русская литература, она дала теоретическое оружіе и полицейскому русскому консерватизму. Застой былъ возведенъ въ идеалъ. Національный русскій характеръ былъ истолкованъ въ духѣ полной гармоніи съ стремленіями обскурантизма. „Мы, т.-е. люди XIX вѣка,— заявилъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, — въ затруднительномъ положеніи; мы живемъ среди бурь и волненій политическихъ. Народы измѣняютъ свой бытъ, обновляются, волнуются, идутъ впередъ. Никто здѣсь не можетъ предписывать своихъ законовъ. Но Россія еще юна, дѣвственна и не должна вкусить, по крайней мѣрѣ теперь еще, сихъ кровавыхъ тревогъ. Надобно продлить ея юность и тѣмъ временемъ воспитать ее. Вотъ моя политическая система... Мое дѣло не только блюсти за просвѣщеніемъ, но и блюсти за духомъ поколѣнія. Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ отъ того, что готовятъ ей теоріи, то я исполню мой долгъ и умру спокойно. Вотъ моя *теорія*“.

Итакъ, „движеніе впередъ“ было признано несоотвѣтствующимъ національнымъ потребностямъ русскаго народа. *Теорія*, это слово все-таки было произнесено, хотя покуда теоріей было объявлено только отрицаніе всякихъ теорій. Ея основная мысль, что Россія — особое государство, что историческіе законы, выяснившіеся изъ развитія старшихъ народовъ, для Россіи не примѣръ,—эта основная мысль чисто отрицательнаго характера обусловила и всѣ другіе принципы офиціальнаго народничества, сообщивъ имъ тоже характеръ отрицанія. Эта теорія идеализировала рус-

скій народъ не за тѣ новыя соціальныя и политическія истины, которыя онъ могъ противопоставить Западу, не за свой особый путь развитія и поступательнаго движенія. Она усматривала оригинальность русскаго народа въ отсутствіи способности къ какому бы то ни было развитію, въ его якобы органической ненависти ко всякому прогрессивному движенію, въ его косности и преданности старому политическому и общественному укладу, который представлялся застывшимъ и незыблемымъ. Здѣсь кстати замѣтить, что эта идея неподвижности была главной чертой, отличавшей офиціальное народничество отъ славянофильства, которое тоже исходило изъ противопоставленія Россіи Западу, но которое, какъ мы увидимъ, было въ значительной степени прогрессивнымъ ученіемъ, соединяло идеализацію русской старины и русскаго національнаго характера съ идеей развитія и вѣрило въ возможность поступательнаго движенія Россіи на самобытныхъ началахъ.

Что же противопоставляло офиціальное народничество Западу въ русскомъ народѣ въ качествѣ его оригинальныхъ національныхъ свойствъ? Русскій народъ въ религіозномъ отношеніи не знаетъ тѣхъ потрясеній, которыя пережило западное общество. Православіе — первый самый главный устой русскаго народа. Онъ не знаетъ сектантскаго вольнодумства и протестантскаго раціонализма. И если дѣйствительность рѣзко противорѣчила этому оптимизму офиціальной церкви, если расколъ и распространеніе сектантства являлись живымъ опроверженіемъ этого воззрѣнія, то теорія не хотѣла видѣть того, что происходило въ дѣйствительности. Она объявляла расколъ недоразумѣніемъ, результатомъ крамолы и преступной воли и не сомнѣвалась въ томъ, что полицейскими мѣрами удастся искоренить это явленіе, нарушавшее офиціальную гармонію, — вѣчная ошибка самонадѣян-

ной бюрократіи, отождествляющей себя и народъ и видящей въ нежелательныхъ для нея, но естественныхъ явленіяхъ народной жизни только проявленіе преступности.

Въ политическомъ отношеніи такимъ же незыблемымъ устоемъ являлось самодержавіе, которое понималось офиціальной народностью въ видѣ полицейско-бюрократическаго строя. И здѣсь Россія противопоставлялась Западу не какъ носительница идеи оригинальнаго политическаго строя, въ которомъ силы народа получали возможность свободно дѣйствовать и развиваться. Незыблемость самодержавнаго принципа теорія обосновывала отсутствіемъ потребностей въ народѣ, отсутствіемъ въ немъ политическаго честолюбія, общественнаго инстинкта и склонности къ управленію. Политическая оригинальность Россіи сводилась, такимъ образомъ, тоже къ политической пассивности и косности. Это свойство было положено въ основу третьяго принципа офиціальной теоріи — принципа народности. Въ сущности, этотъ третій принципъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ сочетаніемъ двухъ первыхъ; что разумѣлось подъ нимъ, всего лучше показываетъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 27-го мая 1847 года, предписывавшій, что „русская народность въ чистотѣ своей должна выражать безусловную приверженность къ православію и самодержавію“, а „все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ, есть примѣсь чуждыхъ понятій, игра фантазіи или личина, подъ которою злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей“. Русскому народу приписывалось благочестіе и смиреніе. Отреченіе считалось чуть ли не главной его добродѣтелью. Крѣпостное право и невѣжество провозглашались основами народной жизни. Россія отстала отъ западной науки, и въ этомъ ея счастье и оригинальность, такъ

какъ западная наука и философія подорвали авторитетъ вѣры и власти. Россія до сихъ поръ не избавилась отъ рабства, но это свойственно духу русскаго народа, такъ какъ онъ не нуждается въ личной свободѣ и не желаетъ выходить изъ патріархальнаго строя жизни, при которомъ помѣщикъ является отцомъ и покровителемъ своихъ крестьянъ. Русскому народу не предоставлено право голоса въ рѣшеніи своей участи, но онъ и не любитъ властвовать и по національному складу своему требуетъ надъ собой опеки. Словомъ, патріархальный строй мыслей и жизни, свойственный всякому народу въ извѣстную стадію его развитія, объявлялся вѣчной основой русской народности только потому, что эта стадія развитія затянулась въ Россіи позднѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Если дѣйствительность и здѣсь часто нарушала стройность теоріи, если крестьянскіе бунты, убійства помѣщиковъ и голодовки противорѣчили розовому взгляду на патріархальный бытъ, то теорія усматривала, какъ и всегда, причину не въ своемъ собственномъ несовершенствѣ, а въ частныхъ преступныхъ усиліяхъ. Когда дѣйствительность не всегда укладывалась въ рамки теоріи, когда факты говорили, что смиреніе и отреченіе — далеко не безспорныя качества русскаго народа, теорія не стремилась развиваться въ духѣ заявляющихъ о себѣ новыхъ потребностей. Она говорила, что нужно раздавить самыя потребности. Если есть недостатки, то они происходятъ не отъ несовершенства законовъ и учрежденій, а отъ неисполненія этихъ законовъ и отъ людскихъ пороковъ. Средствами къ исправленію людей должны служить усиленіе надзора, строгое воспитаніе, строгая цензура книгъ и т. д. Словомъ, подавленному и угнетенному обществу рекомендовалось уничтожить въ себѣ послѣднія стремленія къ лучшей жизни, даже самыя попытки критики.

Лучшей аргументаціей своей непогрѣшимости система считала ссылку на внѣшнее величіе и могущество Россіи. Огромное пространство ея территоріи, страхъ, внушаемый ея арміей сосѣдямъ, спокойствіе внутри страны, противопоставляемое волненіямъ на Западѣ,—все это въ глазахъ системы офиціальной народности являлось лучшимъ свидѣтельствомъ ея превосходства надъ западными державами. Мы уже видѣли, какія внутреннія язвы подтачивали государственный организмъ, готовя ему гибель, какъ непрочны были эти кажущіяся спокойствіе и могущество. Еще до Крымской войны, которая была фактическимъ пораженіемъ этой системы, болѣе проницательные враги Россіи, не обольщавшіеся ея внѣшней силой, называли ее „колоссомъ на глиняныхъ ногахъ“.

Такова была офиціальная господствующая Россія. Таковъ былъ строй русской жизни и теоретическія основы, на которыя онъ опирался. Но рядомъ съ этой Россіей жила другая: критическая, оппозиціонная, подавленная и гонимая, составлявшая меньшинство, но пламенно рвавшаяся впередъ изъ этого застоя и подготовлявшая будущее. Ей почти не было мѣста въ офиціальной дѣйствительности, но она тѣмъ не менѣе чувствовалась, проявлялась и среди гоненій шла къ торжеству новыхъ идей и воззрѣній, потому что это торжество было неизбѣжно вслѣдствіе естественнаго развитія страны. Таковъ всегда ходъ борьбы между матеріальной и духовной силой. Физическое торжество первой и подавленность второй являются невѣрными показателями истиннаго соотношенія силъ борющихся сторонъ. Внутренній процессъ совершается по большей части въ направленіи, противоположномъ внѣшнему. Часто чѣмъ больше торжествуетъ грубая сила, тѣмъ шире становится область, захватываемая

потокомъ новыхъ идей. Могучая въ мѣрахъ внѣшняго воздѣйствія, матеріальная сила не въ состояніи услѣдить за движеніемъ идей, какъ бы беззастѣнчиво и прямолинейно ни дѣйствовала она. И николаевская эпоха не избѣжала этого закона. Общественная мысль зрѣла и развивалась вопреки всѣмъ усиліямъ николаевской полиціи. Чтобы понять обстановку, въ которой приходилось дѣйствовать оппозиціонной Россіи, необходимо охарактеризовать положеніе тогдашней науки и литературы. Это были два единственныхъ пути, которыми среди всеобщаго застоя двигалось дѣло русскаго прогресса.

Надзоръ за этими путями находился въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, который былъ верховнымъ властителемъ въ дѣлѣ народнаго образованія и главою цензурнаго вѣдомства, т.-е. безконтрольнымъ властелиномъ русской литературы и печати. 21-го марта 1833 г. на постъ министра народнаго просвѣщенія былъ назначенъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, взгляды котораго опредѣляются приведенной выше тирадой его. А между тѣмъ Уваровъ былъ просвѣщеннымъ человѣкомъ по сравненію со своими предшественниками Шишковымъ и Ливеномъ, и его взгляды представлялись еще слишкомъ смѣлыми по тогдашнему времени. Незадолго до своего назначенія министромъ Уваровъ въ качествѣ товарища министра былъ командированъ для осмотра московскаго университета. Въ отчетѣ, представленномъ имъ Императору Николаю, онъ указывалъ на то, что въ основѣ правильнаго образованія должны лежать „истинно-русскія охранительныя начала православія, самодержавія и народности, составляющія послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества“. По мнѣнію Уварова, „въ нынѣшнемъ положеніи вещей и умовъ нельзя не умножать, гдѣ только можно, число умственныхъ

плотинъ". Какъ смотрѣлъ Уваровъ на крѣпостное право, всего лучше видно изъ его мыслей, записанныхъ Погодинымъ. Онъ считаетъ, что этотъ институтъ не можетъ быть тронутъ „безъ всеобщаго потрясенія". Крѣпостное право одно осталось отъ всего, что было „прежде Петра I", и вопросъ о немъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи. И даже этотъ бюрократъ съ крѣпостническими взглядами не могъ удержаться до конца николаевскаго царствованія. Въ концѣ 40-хъ годовъ, когда началась эпоха террора въ области науки и литературы, Уваровъ оказался слишкомъ либеральнымъ. Въ началѣ 1849 г. среди другихъ мрачныхъ слуховъ распространились слухи о готовящемся закрытіи всѣхъ университетовъ. Это уже было нѣчто большее, чѣмъ уваровщина, и Уваровъ рѣшился на смѣлый шагъ. Въ „Современникѣ" появилась безъ подписи автора статья „О назначеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи". Самъ Уваровъ былъ редакторомъ и цензоромъ статьи. Мысли, проводимыя въ ней, были ультраблагонамѣренны. Существованіе университетовъ оправдывалось тѣмъ, что „отсюда образованные, благородные юноши ежегодно исходятъ на вѣрное служеніе обожаемому Монарху". Назначеніе университетовъ опредѣлялось такъ: „разливать благотворный свѣтъ современной науки, не меркнущій въ вѣкахъ и народахъ, хранить во всей чистотѣ и богатить отечественный языкъ, органъ нашего православія и самодержавія, содѣйствовать развитію народной самобытной словесности, этого самопознанія нашего и цвѣта жизни, передавать юному поколѣнію сокровища мудрости, освященной любовью къ вѣрѣ и престолу". И эта статья показалась опасной и навлекла на Уварова неудовольствіе государя! „Комитетъ 2-апрѣля 1848 г.", учрежденный потому, что существующихъ органовъ

для пресѣченія вредныхъ идей казалось, повидимому, мало, призналъ статью объ университетахъ предосудительной, несмотря на идеи „преданности государю и любви къ Россіи". Комитетъ находилъ дерзостью тотъ фактъ, что „частное лицо принимаетъ на себя разбирать и опредѣлять тономъ законодателя сравнительную пользу учрежденій государственныхъ, каковы университеты и другія учебныя заведенія". По мнѣнію комитета, „сіи разсужденія могли бы быть представлены отъ автора на благоусмотрѣніе высшаго начальства въ видѣ скромныхъ желаній человѣка, почитающаго себя знакомымъ съ этимъ дѣломъ". На объясненіи, представленномъ Уваровымъ, императоръ Николай I положилъ резолюцію, въ которой между прочимъ было сказано: „Нахожу статью, пропущенную въ „Современникѣ", *неприличною*, ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственныя учрежденія, *для отвѣта на пустые толки*, не согласно ни съ достоинствомъ правительства, ни съ порядкомъ у насъ, къ счастью, существующимъ. Должно *повиноваться*, а разсужденія свои держать *про себя*". Въ концѣ 1849 года графъ Уваровъ вышелъ въ отставку, уступивъ свое мѣсто Ширинскому-Шихматову, котораго тогдашніе каламбуристы называли Шахматовымъ, увѣряя, что „съ назначеніемъ его и министерству, и самому просвѣщенію въ Россіи данъ не только *шахъ*, но и *матъ*".

Нетрудно догадаться, въ какомъ положеніи находилось дѣло народнаго образованія подъ руководствомъ подобныхъ администраторовъ. Вскорѣ мы увидимъ, что переживалъ Бѣлинскій, столкнувшись въ университетѣ съ той муштрой, которая практиковалась по отношенію къ студентамъ. Уже въ концѣ александровскаго царствованія, когда правительство отъ либеральныхъ начинаній первой половины царствованія перешло къ открытой реакціи, универси-

теты подверглись гоненіямъ. Въ 1819 году знаменитый Магницкій, „членъ главнаго училищъ правленія“, произвелъ ревизію казанскаго университета, а вскорѣ въ качествѣ попечителя казанскаго округа совершилъ полный разгромъ его или, какъ тогда выражались, коренныя реформы. Во что превратились профессорскія каѳедры при Магницкомъ, всего лучше показываютъ инструкціи, которыя давались профессорамъ относительно плановъ преподаванія. „Благоразумное преподаваніе политическаго права“ должно было показать, что „правленіе монархическое есть древнѣйшее и установлено Самимъ Богомъ“. Профессоръ теоретической и опытной физики „обязанъ во все продолженіе курса своего указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познаній непрестанно окружающихъ насъ чудесъ“. Профессора медицинскихъ наукъ должны были предотвратить „то ослѣпленіе, которому многіе изъ знатнѣйшихъ медиковъ подверглись отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего, впадая въ гибельный матеріализмъ именно отъ того, что наиболѣе премудрость Творца открываетъ“. Наконецъ, профессору исторіи вмѣнялось въ обязанность „распоряженіями по части учебной и духовной Владимира Мономаха“ доказать, что Россія „въ истинномъ просвѣщеніи упредила многія современныя государства“. Неудивительно, что большинство профессоровъ не могло удовлетворять подобнымъ требованіямъ и было уволено Магницкимъ, а тѣ, кто остались, открывали слушателямъ своеобразныя истины въ родѣ того, что „гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ, какъ говорилъ профессоръ математики, есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ“. При императорѣ

Николаѣ правительство обращаетъ особое вниманіе на университеты. Принимаются всякія мѣры для того, чтобы обезпечить благонамѣренное вліяніе университетовъ. Для этого прежде всего правительство стремится превратить ихъ въ спеціальные дворянскіе институты. Въ секретномъ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ указывалось на то, что „возрастающее повсюду стремленіе къ образованію“ грозитъ „поколебать порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній“. Были приняты мѣры къ тому, чтобы затруднить доступъ въ университеты дѣтямъ купцовъ и мѣщанъ. Надзоръ за студентами пріобрѣлъ характеръ мелочного и придирчиваго вмѣшательства въ ихъ жизнь. Студенты разсматривались не какъ взрослые люди, а какъ дѣти, требующія опеки. Даже ихъ поведеніе, манеры, прическа, „наружный образъ“ стали предметомъ надзора.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ стѣсненія, университеты уже начали выполнять свою высокую культурную миссію. Правительство Николая I недаромъ обратило такое серьезное вниманіе на разсадники знанія. Сквозь оковы, наложенныя на нихъ желѣзной рукой, пробивалась прогрессивная мысль. Въ университетахъ сосредоточивается все лучшее въ области ума и таланта, что было тогда въ Россіи. Никакіе цензоры и жандармы не въ состояніи услѣдить за развитіемъ „вредныхъ“ идей и, по справедливому замѣчанію И. Н. Бороздина, вся послѣдующая освободительная борьба въ основныхъ ея фазисахъ тѣсно связана съ русскими университетами. Особенно крупную просвѣтительную и общественную роль сыгралъ московскій университетъ, который меньше другихъ подвергался гоненіямъ, отчасти благодаря тому, что

попечителемъ его состоялъ графъ Строгановъ, сравнительно просвѣщенный и либеральный человѣкъ. Такіе профессора, какъ Грановскій, были свѣтлымъ явленіемъ на мрачномъ фонѣ русской жизни. „Жандармы“ просмотрѣли выступленіе на сцену Кудрявцева, Соловьева, Кавелина, Пирогова и другихъ. Прямолинейный полицейскій умъ направлялъ свою силу на тѣ явленія, которыя непосредственно становились въ оппозицію царившему гнету. Тамъ, гдѣ прогрессивныя идеи облекались въ болѣе сложныя формы, борьба съ ними требовала тонкаго ума, которымъ не обладала бюрократія, и эта борьба не могла быть столь же успѣшной, удары опекающей власти не всегда были направлены противъ главныхъ позицій врага. Этимъ объясняется, почему при всѣхъ стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ такіе профессора, какъ Грановскій, успѣли выполнить свою высокую культурную миссію и, по выраженію Герцена, сыграть роль „миссіонеровъ человѣческой религіи“. Въ научной работѣ, даже лишенной боевого пыла, таились идеи, подготовлявшія паденіе обскурантизма. Университеты уже въ николаевскую эпоху пріобрѣтаютъ тѣ черты, которыя впослѣдствіи они удержали въ качествѣ обычныхъ явленій, присущихъ высшей школѣ. Эти явленія—подозрительное отношеніе къ университетамъ правительства, высокій авторитетъ имени профессора не только въ качествѣ представителя науки, но и въ качествѣ общественнаго учителя, беззавѣтная самоотверженность студентовъ въ качествѣ застрѣльщиковъ, а иногда и единственныхъ жертвъ освободительной борьбы, наконецъ, тѣсная связь между университетской наукой и публицистикой,—все это превращало университеты въ главные, повременамъ единственные оазисы бѣдной русской общественности, гдѣ никогда не замирали научная мысль и соціальный инстинктъ.

Съ университетами тѣсно связано развитіе русской литературы. Положеніе этой послѣдней мало отличалось отъ положенія науки. До 1848 года дѣйствовалъ цензурный уставъ 1828 года, по которому, какъ выразился одинъ цензоръ, можно было даже и „*Отче нашъ* истолковывать якобинскимъ нарѣчіемъ“. Разрушительное дѣйствіе этого устава усиливалось практикой, которая установилась при его примѣненіи. Въ упомянутомъ уже выше докладѣ Уварова будущій министръ коснулся не только университетовъ, но и цензуры. Уваровъ высказывалъ ту мысль, что недостаточно „укротить въ журналистахъ порывъ заниматься предметами, до государственнаго управленія относящимися“. Вникнувъ „ближе въ сей предметъ“, Уваровъ убѣдился, что „вліяніе журналовъ на публику не безвредно и съ литературной стороны; развратъ нравовъ пріуготовляется развратомъ вкуса“. Этимъ опредѣлялся характеръ отношеній цензуры къ печати. Нѣтъ надобности приводить классическіе примѣры подвиговъ цензуры. Они слишкомъ хорошо извѣстны. Достаточно ограничиться небольшимъ отрывкомъ изъ дневника Никитенка, хотя и относящимся къ началу 50-хъ годовъ, но характернымъ для всей николаевской эпохи. „Дѣйствія цензуры,—говоритъ онъ,—превосходятъ всякое вѣроятіе. Чего этимъ хотятъ достигнуть? Остановить дѣятельность мысли? Но вѣдь это все равно, что велѣть рѣкѣ плыть обратно. Вотъ изъ тысячи фактовъ нѣкоторые самые свѣжіе. Цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариѳметики, потому что между цифрами какой-то задачи помѣщенъ рядъ точекъ. Онъ подозрѣваетъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариѳметики. Цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ одной географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимостью,

чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Цензоръ Пейкеръ не пропустилъ одной метеорологической таблицы, гдѣ числа мѣсяца означены по старому и по новому стилю обыкновенно принятою формулою: $\frac{\text{по стар. стилю}}{\text{по нов. стилю}}$. Онъ потребовалъ, чтобы наверху черточки стояло *по новому* стилю, а слова *по старому* — внизу. Таблицы между тѣмъ, какъ состоящія изъ цифръ, представлены были на разсмотрѣніе уже по напечатаніи, такъ какъ нельзя было предвидѣть, чтобы онѣ могли подвергнуться запрещенію. Издателю предстояло все вновь печатать. Онъ обратился къ попечителю, и, наконецъ, тотъ, по долгомъ и глубокомъ размышленіи, насилу согласился разрѣшить, чтобы таблицы остались въ первоначальномъ видѣ".

Эта краткая выписка краснорѣчивѣе всѣхъ цензурныхъ уставовъ и циркуляровъ той эпохи. Она ярко рисуетъ практику цензурнаго дѣла. По ней нетрудно видѣть, въ какихъ тискахъ билась русская мысль. Такова была дѣйствительность николаевской эпохи. Неудивительно, что литература не сразу нашла пути къ этой дѣйствительности, огражденной всевозможными заставами отъ вторженія критики и просвѣщенной мысли. Неудивительно, что литература начала съ отвлеченныхъ умствованій и утопическихъ мечтаній. Она создавала тѣ туманные идеалы истины и практическаго дѣла, которыми издалека озаряла недоступную ей реальную жизнь. Она не могла сразу облечь эти идеалы въ тѣлесную форму, и долго въ лучшихъ умахъ и благородныхъ сердцахъ преобладалъ страстный наивный идеализмъ, не претворенный въ конкретное дѣло, горѣлъ тотъ энтузіазмъ, который разрѣшался либо увлекательнымъ паѳосомъ, либо ге-

роическимъ порывомъ. А идеи, шедшія съ Запада, давали богатую пищу для этой умственной жизни.

II.

Западныя вліянія. — Различіе историческихъ условій, вліявшихъ на развитіе общественной мысли въ Германіи и во Франціи.—Нѣмецкая метафизическая философія.—Локкъ и Юмъ.—Кантъ и его ученіе о познаніи.—Фихте.—Шеллингъ.—Гегель.—Абсолютная идея; діалектическій методъ; гегеліанство и дѣйствительность.

Въ этихъ идеяхъ нетрудно подмѣтить двѣ основныя струи. Въ одной чувствовалось біеніе соціальнаго пульса новой жизни. Другая уносила отъ земли въ потусторонній міръ, подальше отъ жизни, въ область абстрактныхъ построеній. Изъ Франціи распространялось первое теченіе, изъ Германіи шло второе. Было много причинъ, въ силу которыхъ нѣмецкая мысль долгое время уклонялась въ сторону отъ соприкосновенія съ дѣйствительной жизнью. Въ первую половину XVII столѣтія Германія представляла собою арену, гдѣ справлялъ свои кровавыя оргіи религіозный фанатизмъ. Тридцатилѣтняя война, доведшая населеніе до нищеты, голода и людоѣдства, обезцѣнившая человѣческую жизнь, превратившая цвѣтущіе города въ груды развалинъ, а лѣса и нивы — въ безплодныя пустыни, надолго остановила культурное развитіе страны. Эта война закончилась Вестфальскимъ миромъ, раздробившимъ Германію на сотни мелкихъ самостоятельныхъ полугосударствъ-полупомѣстій. Эта разрозненность политическихъ интересовъ надолго убила національную политическую и соціальную мысль

въ Германіи и вызвала горячее стремленіе найти въ общности умственныхъ интересовъ единство, котораго не было въ политической жизни. Извѣстно, какъ долго держался установленный Вестфальскимъ миромъ строй германской государственной жизни, и какъ долго не могла оправиться Германія отъ удара, нанесеннаго ей Тридцатилѣтней войной. Въ XVII столѣтіи, когда въ Англіи Локкъ создавалъ свои великія государственныя, религіозныя и педагогическія идеи, когда во Франціи рядомъ съ ложно-классической поэзіей, отражавшей блескъ расцвѣтшаго абсолютизма, раздавались уже могучіе удары общественно-сатирическаго бича въ комедіяхъ Мольера,—въ это время въ Германіи ни въ художественной литературѣ (если не считать романа Гриммельсгаузена [1]), ни въ области научной и философской мысли (если не считать одиноко стоящаго Лейбница) мы не встрѣчаемъ почти ничего, на чемъ можно было остановить внимательный взоръ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія, когда во Франціи уже началась подготовка политическихъ идей, приведшихъ къ революціи, въ Германіи развивались эстетическіе и философскіе споры. И, наконецъ, во второй половинѣ XVIII вѣка, когда во Франціи разразилась политическая буря, въ Германіи, гдѣ тоже наступала своя эпоха просвѣщенія, она выразилась въ преобладаніи художественныхъ и отвлеченныхъ интересовъ. Даже Шиллеръ, съ его пламеннымъ стремленіемъ къ свободѣ, получившій отъ революціи званіе французскаго гражданина за своихъ „Разбойниковъ“, относился отрицательно къ французской революціи и кончилъ свою литературную дѣятельность разрывомъ съ дѣйствительностью и культомъ искусства. Величайшій же поэтъ этой эпохи Гёте не скрывалъ своего отвращенія къ революціи. Невозмутимымъ взоромъ олимпійца

---

[1]) См. подробнѣе мои „Очерки по ист. зап.-европ. лит.“. Т. I.

смотрѣлъ онъ на волнующееся человѣчество, и въ то время, какъ во Франціи лились потоки крови за судьбы человѣческаго общества, онъ продолжалъ работать надъ своимъ Фаустомъ, мученикомъ теоретической мысли [1]). Въ 1830 году происходилъ во французской академіи знаменитый споръ между Кювье и Сентъ-Илеромъ [2]), а 2-го августа 1830 года въ Веймарѣ, гдѣ жилъ Гёте, были получены извѣстія объ іюльской революціи. „Что скажете о великомъ событіи?—обратился Гёте къ одному знакомому, пришедшему навѣстить его;—вулканическая кора прорвалась; все залито пламенемъ; это уже не разсужденіе при закрытыхъ дверяхъ".—„Страшная исторія, — отвѣтилъ пріятель,—но другого и нельзя было ожидать въ такихъ обстоятельствахъ и при такомъ министерствѣ; дѣло должно было кончиться изгнаніемъ королевской фамиліи".—„Мы не понимаемъ другъ друга,—возразилъ Гёте,—я вовсе не говорю объ этомъ народѣ; меня занимаетъ совсѣмъ другое. Я говорю о публичномъ спорѣ въ академіи между Кювье и Сентъ-Илеромъ, — о спорѣ, который имѣетъ такое великое значеніе для науки" [3]). Въ этомъ разсказѣ отразился не только Гёте, но и преобладающіе интересы интеллигентной Германіи. Для нея волнующіеся милліоны обозначались пренебрежительной кличкой „этотъ народъ", а споръ Кювье и Сентъ-Илера былъ вулканическимъ пламенемъ. Въ первой половинѣ XIX вѣка и германская и французская мысль остались вѣрны себѣ; Гегель царитъ надъ первой, Сенъ-Симонъ—надъ второй. Великій спекулятивный умъ, жадно стремящійся проникнуть въ тайны потусторонняго міра, и соціальный мечтатель съ пла-

---

[1]) См. подробнѣе тамъ же.

[2]) Подробнѣе о Кювье и Сентъ-Илерѣ см. во II т. моихъ „Очерковъ по ист. зап.-евр. лит.".

[3]) *Шаховъ*. Гёте и его время. Стр. 296—297. Изд. 3-е.

менной любовью къ землѣ, къ страждущему и угнетаемому человѣчеству,—таковы два образа, которымъ долго поклонялась русская молодежь, искавшая приложенія своимъ умственнымъ силамъ и своему благородному порыву.

Новая нѣмецкая философія ведетъ свое начало отъ Иммануила Канта (1724—1804). Мы не имѣемъ въ виду дать здѣсь очерка этой философіи. Но для пониманія литературныхъ направленій въ Россіи необходимо остановиться на ея основныхъ идеяхъ. Канту принадлежитъ самое глубокое обоснованіе такъ-называемой *критической* философіи. Задача этой философіи заключалась въ томъ, чтобы установить границы нашего познанія. До Канта мы встрѣчаемся въ Германіи съ господствомъ метафизическаго направленія. Метафизика стремилась найти рѣшеніе вопросовъ о такихъ предметахъ, которые находятся за предѣлами нашего чувственнаго опыта. Она стремилась разрѣшить вопросъ о первоначальныхъ основахъ всякаго бытія, о Богѣ, о сущности міра и т. д. Такова задача, поставленная себѣ метафизикой,—задача, которая представляетъ полную противоположность цѣли, поставленной впослѣдствіи позитивной философіей. Послѣдняя отказалась совершенно отъ познанія сверхчувственнаго, потусторонняго міра. Позитивная философія ограничила свою задачу изслѣдованіемъ вопросовъ, относящихся къ тѣмъ явленіямъ, которыя доступны нашимъ чувствамъ. Она считаетъ иной міръ недоступнымъ нашему познанію. Различіе задачъ обусловливаетъ и различіе методовъ. Метафизика для осуществленія своей цѣли пользуется главнымъ образомъ умозрѣніемъ, позитивизмъ—опытомъ и наблюденіемъ, почему методъ перваго направленія носитъ названіе спекулятивнаго, а методъ второго направленія называется эмпирическимъ. Само собою разумѣется, что ни Бога, ни сущности міра, ни другихъ предметовъ метафизики, кото-

рыхъ нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать, невозможно познать путемъ опыта и наблюденія. Поэтому метафизику приходится для познанія ихъ обращаться къ своему разуму, искать внутри себя отвѣта на относящіяся къ нимъ вопросы, вѣрить, что внутри насъ уже отъ природы заложены идеи объ этихъ предметахъ. Такимъ образомъ, умозрительный методъ основанъ на убѣжденіи въ томъ, что въ человѣкѣ существуютъ прирожденныя идеи уже до всякаго опыта и наблюденія. Не касаясь спорныхъ вопросовъ о метафизическомъ направленіи, принимавшемъ въ разныя времена разные оттѣнки, необходимо, однако, замѣтить, что указанные два признака, всегда въ общемъ оставались ея преобладающими признаками. Въ окружающемъ насъ мірѣ она старалась отыскать не относительные законы, управляющіе его жизнью и доступные человѣческому научному изслѣдованію. Она стремилась найти высшее абсолютное начало, изъ котораго можно было бы сразу объяснить все разнообразіе формъ жизни этого міра, и, во-вторыхъ, она стремилась познать этотъ абсолютъ, извлекая его свойства и сущность изъ человѣческаго разума.

Неудивительно, что при такихъ задачахъ и методахъ философія часто переходила въ область фантазіи. Стоило столкнуться съ какимъ-нибудь явленіемъ, которое не поддавалось научному объясненію, и тотчасъ же для его объясненія абсолюту произвольно приписывалось новое свойство, благодаря которому явленіе становилось совершенно понятнымъ. Чтобы подтвердить фактъ существованія такого свойства, ссылались на прирожденную идею, говорящую намъ объ его существованіи. Возьмемъ, напримѣръ, такое явленіе, какъ поднятіе воды въ трубочкѣ, изъ которой выкачанъ воздухъ и которая опущена въ сосудъ съ водою. Путемъ наблюденія и опыта изслѣдователи пришли къ заключенію, что явленіе это объясняется давленіемъ

воздуха. Но для метафизика, искавшаго объясненія внутри самого себя, отводившаго опыту второстепенное значеніе, приходилось придумать какое-нибудь свойство для абсолютной силы. И явленіе объяснялось тѣмъ, что природа боится пустоты. При этомъ философія не замѣчала, что она произвольно приписывала абсолюту первое приходившее въ голову свойство человѣка. Любой пробѣлъ въ научномъ изслѣдованіи природы, исторіи и общественной жизни заполнялся легко и просто при помощи ученія о прирожденныхъ идеяхъ.

Еще до появленія главныхъ философскихъ произведеній Канта философская мысль возстала противъ фантастовъ, произвольно наполнившихъ міръ безчисленными силами. Со времени Бэкона (1561—1626) начинается исторія постепенныхъ завоеваній эмпирическаго метода. Въ своемъ сочиненіи „Novum Organon" онъ развиваетъ ту мысль, что понятія и законы, извѣстные намъ, составляются такимъ образомъ. Мы собираемъ факты, наблюдаемъ ихъ и производимъ надъ ними опыты и только тогда приходимъ къ этимъ общимъ понятіямъ и законамъ, т.-е. пріобрѣтаемъ тѣ общія знанія, которыя даютъ намъ возможность постигнуть единичное. Такимъ образомъ, уже Бэконъ этимъ индуктивнымъ методомъ нанесилъ ударъ метафизической философіи, предполагавшей въ насъ отъ природы наличность того, что еще нужно было найти, т.-е. наличность этихъ общихъ знаній. Еще болѣе рѣзко расходится съ ученіемъ о прирожденныхъ идеяхъ философія другого англійскаго мыслителя, Джона Локка (1632—1704). По ученію Локка, тѣ идеи, которыя философія считаетъ врожденными, въ дѣйствительности эмпирическаго происхожденія, т.-е. получились путемъ опыта. Въ умѣ не можетъ быть ничего такого, чего раньше не было въ чувственномъ воспріятіи. Наша душа — листъ бѣлой бумаги, чистая

доска (tabula rasa), на которой можно вывести все, что угодно. Прирожденныхъ идей нѣтъ уже по одному тому соображенію, что нѣтъ ни одной идеи, которая бы признавалась всѣми. Дѣти и дикари сначала узнаютъ отдѣльные предметы, а потомъ уже пріобрѣтаютъ постепенно общія понятія, вытекающія изъ нихъ. Локкъ ставитъ своей главной задачей показать, какимъ образомъ возникаютъ идеи въ нашемъ умѣ. Процессъ этотъ, какъ извѣстно, Локкъ представляетъ такимъ образомъ. Существуетъ двоякаго рода опытъ: во-первыхъ, внѣшній опытъ или ощущеніе. Окружающее производитъ извѣстное раздраженіе на наши органы внѣшнихъ чувствъ, и мы составляемъ посредствомъ внѣшняго опыта идеи ощущенія. Внутренній опытъ или рефлексія — это внутренняя дѣятельность нашей души надъ полученными впечатлѣніями, дающая болѣе сложныя идеи, идеи рефлексіи. Само собою разумѣется, что идеи ощущенія должны возникнуть ранѣе идей рефлексіи. Это ученіе Локка имѣло важныя послѣдствія. Оно намѣчало важную задачу, именно — изслѣдованіе самой нашей познавательной способности. Вмѣсто произвольныхъ умствованій метафизики она впервые ясно формулировала принципы и критеріи объективнаго познанія.

Рядомъ съ Локкомъ въ качествѣ противника метафизическаго направленія необходимо поставить англійскаго же мыслителя Давида Юма (1711—1776), съ его философіей критическаго скептицизма. Юмъ выводитъ всѣ наши идеи изъ чувственныхъ впечатлѣній. Мы комбинируемъ эти впечатлѣнія и въ концѣ-концовъ у насъ образуются привычныя комбинаціи, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ ассоціаціи. Изъ этихъ ассоціацій и состоятъ самыя сложныя наши понятія. Такимъ образомъ, эти понятія не есть нѣчто, объективно существующее внѣ насъ; они не представляютъ собою и прирожденныхъ идей. Они состоятъ

исключительно изъ упомянутыхъ ассоціацій. Словомъ, въ итогѣ Юмъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, что и Локкъ: понятія получаются изъ опыта, а прирожденныхъ идей не существуетъ. Эту точку зрѣнія Юмъ примѣняетъ къ изслѣдованію понятія причинности. Оно получается въ насъ въ силу того же закона ассоціаціи. Воспринимая рядъ впечатлѣній, мы привыкаемъ группировать ихъ такимъ образомъ, что изъ двухъ явленій то, которое неизмѣнно предшествуетъ другому, мы считаемъ причиной, а второе — слѣдствіемъ. Отсюда ясно, что ко всему выходящему за предѣлы опыта понятіе причинности не можетъ быть приложено, и Юмъ своимъ скептицизмомъ являлся такимъ же врагомъ метафизики, какъ и Локкъ. Оба эти мыслителя расчистили путь критической философіи. Но, провозгласивъ опытъ единственнымъ источникомъ нашего познанія, они мало удѣлили вниманія самой познавательной способности.

Этотъ пробѣлъ и должна была пополнить философія Канта. Догматическая метафизика не отводила никакого мѣста опыту. Скептическое направленіе все выводило изъ опыта. Кантъ не примкнулъ ни къ той, ни къ другому; онъ стремится выяснить роль мышленія и опыта въ созданіи реальнаго знанія, указать, по выраженію Вундта, естественныя границы каждому изъ обоихъ источниковъ познанія. Средній путь, найденный Кантомъ, между раціоналистами и эмпириками, заключался въ слѣдующемъ. Онъ сходился съ Юмомъ въ томъ отношеніи, что признавалъ, что понятія наши могутъ прилагаться только въ области опыта. Но, съ другой стороны, онъ признавалъ, что нашему разуму свойственно нѣчто апріорное, нѣчто предшествующее опыту. Это „нѣчто“ есть апріорныя функціи нашего познанія, особая способность нашей организаціи познавать всѣ воспріятія въ опредѣленныхъ формахъ. Эти формы предшествуютъ опыту. Уже

для того, чтобы какой-нибудь опытъ сталъ возможнымъ, необходимо заранѣе имѣть способность, напримѣръ, соединять сказуемое съ подлежащимъ, причину съ слѣдствіемъ. Итакъ, вопросъ рѣшался въ концѣ-концовъ слѣдующимъ образомъ: формы познанія представляютъ собою апріорную способность нашей организаціи. Но компетенція этихъ формъ простирается только на тѣ предметы, которые даются намъ опытомъ. Т.-е. согласно съ ученіемъ эмпириковъ выходило, что мы все-таки не можемъ познать ничего лежащаго за предѣлами опыта. Но вносилась и существенная поправка: одинъ опытъ не объясняетъ всего процесса познанія. Критическая философія утверждала, что существуютъ до опыта логическія понятія, въ которыхъ мы необходимо мыслимъ сущее и безъ которыхъ мы ничего мыслить не можемъ. Но, съ другой стороны, эти понятія или, вѣрнѣе, эти доопытныя способности сами по себѣ безъ опыта не могутъ проявиться. Только въ матеріалѣ, доставляемомъ опытомъ, они получаютъ жизнь.

Что же это за апріорныя понятія? Кантъ подвергаетъ ихъ изслѣдованію. Уже наша чувственность обладаетъ такими прирожденными понятіями. Когда какой бы то ни было предметъ производитъ раздраженіе одного изъ нашихъ органовъ чувствъ, то въ этомъ актѣ все случайное дается опытомъ, все имѣющее характеръ всеобщности и необходимости является функціей познанія. Такими необходимыми формами чувственнаго созерцанія, по Канту, служатъ пространство и время. Если мы думаемъ о видѣнной нами розѣ, что ея больше нѣтъ, то одно представленіе останется,—это именно представленіе о пространственныхъ отношеніяхъ частей цвѣтка между собою и къ другимъ предметамъ, а съ другой стороны, останется въ сознаніи и соотношеніе во времени представленія о данной розѣ съ прочими существовавшими до и

послѣ представленіями. Воззрѣнія пространства и времени не могутъ сравниться ни съ какими другими воззрѣніями. Мы можемъ представить себѣ, что нѣтъ видимаго міра, нѣтъ отдѣльныхъ предметовъ, о которыхъ мы получили представленіе, но представить себѣ, что нѣтъ пространства и времени, мы не можемъ. Слѣдовательно, время и пространство всеобщи и необходимы, они принадлежатъ не внѣшнему міру, а намъ самимъ. Они — чистыя воззрѣнія, не имѣющія внѣшняго объекта. Они апріорны и доопытны. Но они не имѣютъ жизни, пока опытъ не даетъ имъ содержанія, не доставляетъ для нихъ матеріала. Такова первая ступень познанія, именно чувственное познаніе. Въ ней апріорными элементами, формами являются время и пространство, а содержаніемъ, эмпирическимъ элементомъ, служатъ впечатлѣнія нашихъ органовъ чувствъ.

Вторая ступень познанія — дѣятельность разсудка. Здѣсь тоже Кантъ различаетъ апріорный и эмпирическій элементы. Дѣятельность разсудка состоитъ прежде всего въ образованіи понятій. Видя цѣлый рядъ столовъ, мы отвлекаемъ ихъ существенные признаки и создаемъ понятіе о столѣ вообще, понятіе стола, не существующаго какъ конкретный предметъ, но такое, въ которое входятъ всѣ отдѣльные столы. Далѣе изъ понятій разсудокъ образуетъ сужденія. Цѣлый рядъ видѣнныхъ нами молній даетъ намъ возможность составить себѣ понятіе о молніи. Цѣлый рядъ испытанныхъ колебаній воздуха далъ намъ возможность составить себѣ понятіе о сотрясеніи воздуха вообще. Но почему мы знаемъ, что первая (молнія) является причиной второго (сотрясенія воздуха)? Откуда мы знаемъ, что оба эти понятія находятся другъ къ другу въ отношеніи причины и слѣдствія? Кто намъ далъ право соединить эти два образованныя нами понятія другъ съ другомъ посредствомъ понятія

„производитъ“ и сказать „молнія производитъ сотрясеніе воздуха“. Правда, мы имѣли возможность наблюдать, что второе всегда слѣдуетъ за первой. Но откуда мы знаемъ, что оно всегда и будетъ слѣдовать за ней? Ясно, что эта связь не дана намъ опытомъ. Ее надо искать въ самой познавательной способности. Эти связующія понятія Кантъ называетъ категоріями. Категоріи—такія же чистыя формы разсудка, какъ пространство и время — чистыя формы чувственности. Кантъ считаетъ, что всѣхъ категорій, принадлежащихъ разсудку, двѣнадцать, или, вѣрнѣе, четыре, изъ которыхъ каждая подраздѣляется на три второстепенныя. Иначе говоря, разсудокъ до опыта располагаетъ двѣнадцатью принципами мышленія, которыми онъ пользуется для установленія связи между понятіями, получаемыми при помощи опыта. Эти категоріи: количества (единство, множество, все), качества (положеніе, отрицаніе, ограниченіе), отношенія (субстанція, причинность, взаимодѣйствіе) и модальности (возможность и невозможность, бытіе и небытіе, необходимость и случайность). Разсудокъ не можетъ соединять понятія иначе какъ по одной изъ этихъ формулъ, но, съ другой стороны, эти формы не есть сверхъопытныя идеи, онѣ только способности разсудка, и, если бы не было опытнаго матеріала, эти способности не могли бы проявиться. Хотя Кантъ былъ врагомъ догматической метафизики, но, несомнѣнно, въ этомъ предвзятомъ дѣленіи чувствуется ея вліяніе.

Такимъ образомъ, чувственное созерцаніе, возможное благодаря присущимъ намъ понятіямъ времени и пространства, позволяетъ намъ получить чувственныя представленія и составляетъ первую ступень процесса познанія. Дѣятельность разсудка, возможная благодаря присущимъ намъ категоріямъ, позволяетъ разсудку образовывать понятія и сужденія и составляетъ вторую ступень процесса познанія. Наконецъ, третью

ступень представляютъ разумъ и идеи. Человѣческій разумъ не довольствуется сужденіями. Связавъ, напр., два понятія посредствомъ категоріи причинности, онъ продолжаетъ свою работу дальше. Выведя сужденіе, что молнія — причина сотрясенія воздуха, онъ ищетъ причины самой молніи, затѣмъ причины этой причины и т. д., пока не доходитъ до сознанія необходимости первой, абсолютной причины, для которой нѣтъ причины. Мы создаемъ такимъ образомъ идею первой причины. Такимъ же путемъ получаются и другія идеи— о душѣ, о вселенной и т. д. Эти идеи отличаются отъ продуктовъ нашей познавательной способности на двухъ первыхъ ступеняхъ ея дѣятельности, т.-е. отъ представленій, понятій и сужденій. Онѣ не обладаютъ такой точностью и ясностью, какой обладаютъ наши представленія о чувственныхъ предметахъ. Представленія и понятія соотвѣтствуютъ извѣстнымъ реальнымъ предметамъ, идеи никакимъ реальнымъ предметамъ не соотвѣтствуютъ. Онѣ являются какъ результатъ сознанія ихъ необходимости въ нашемъ разумѣ. Величайшая опасность именно въ томъ и заключается, что мы склонны вѣрить, что за каждой идеей стоитъ чувственный предметъ, подобно тому, какъ за понятіемъ стола стоитъ реальный столъ. Докантовская метафизика склонна была за идеями души, вселенной, божества предполагать существованіе реальной души, реальной вселенной и реальнаго божества, которыя могутъ быть предметомъ познанія. Въ дѣйствительности же они только постулаты, требованія нашего разума. Мы видѣли, что свойства познавательной способности—пространство, время, категоріи—приложимы только въ области эмпирическаго матеріала. А абсолютное, безусловное не можетъ быть объектомъ опыта, оно не можетъ быть матеріаломъ чувственныхъ впечатлѣній, которыя являются основами всякаго знанія. „Пока мы считаемъ эти идеи только идеями, то-есть

абсолютными и непознаваемыми, до тѣхъ поръ мы стоимъ на стезѣ истины, но какъ только начинаемъ производить попытки къ ихъ познанію, мы тотчасъ впадаемъ въ бездну заблужденій". Ошибка прежней метафизики въ томъ и заключалась, что она занималась изслѣдованіями о Богѣ и душѣ, выводила спекулятивнымъ путемъ ихъ свойства, создавала на основаніи ихъ произвольныя построенія относительно морали, религіи. Великая заслуга Канта заключается въ томъ, что онъ доказалъ безплодность человѣческихъ усилій познать абсолютное, познать идеи. Но если познать идей нельзя, то онѣ служатъ пограничными пунктами нашего познанія и указываютъ направленіе, которому долженъ слѣдовать умъ человѣка. „Идеи могутъ разсматриваться какъ цѣли, къ которымъ слѣдуетъ стремиться. Напримѣръ, нравственнаго совершенства нѣтъ на землѣ,—оно лишь идея нашего разума, а не реальный предметъ, тѣмъ не менѣе къ нему слѣдуетъ стремиться всѣми силами души". Идеи,—говоритъ Кронпенбергъ,—направляютъ, по ученію Канта, всякое человѣческое стремленіе высшаго порядка какъ въ области познанія, такъ и въ сферѣ практической дѣятельности. „Идеи даютъ не то, что есть, а то, что должно быть". Такимъ образомъ Кантъ опредѣлилъ границы нашего познанія, установивъ, что оно не можетъ переходить за предѣлы опыта, обратиться на область сверхчувственнаго. Онъ разграничилъ область знанія и вѣры, устранивъ ихъ смѣшеніе и указавъ первому совершенно ясныя задачи.

Но если Кантъ установилъ, что областью познанія можетъ быть только опытъ, если чистому разуму онъ поставилъ опредѣленныя границы, то, съ другой стороны, онъ призналъ, что существуютъ извѣстные доопытные, апріорные постулаты. Существуютъ безусловные нравственные законы, извѣстныя познанія, имѣющія характеръ всеобщности и необходимости, суще-

ствуютъ до всякаго опыта. Эти нравственные законы опредѣляютъ нашу дѣятельность. Здѣсь Канту приходится согласовать возникающее противорѣчіе. Если нравственный законъ не чувствуется, какъ ярмо, и является предметомъ уваженія даже при всѣхъ отступленіяхъ отъ него, то ясно, что онъ не навязанъ намъ чужой волей, а исходитъ отъ насъ самихъ. Нравственная дѣятельность — свободная дѣятельность. Между тѣмъ критическая философія Канта, какъ мы видѣли, привела его къ выводу, что свободы въ мірѣ нѣтъ, что все совершается въ непрерывной причинной связи, все заключено въ желѣзную цѣпь необходимости. Отсюда слѣдуетъ, что свободы слѣдуетъ искать внѣ природы, въ высшей, чѣмъ она, сферѣ. Она не предметъ познанія. Человѣкъ принадлежитъ чувственному и эмпирическому міру, онъ—созданіе природы и подчиненъ, какъ все прочее, закону причинности, т.-е. не свободенъ. Но, съ другой стороны, какъ существо разумное, онъ долженъ быть свободнымъ и принадлежать къ умопостигаемому міру. Въ человѣкѣ какъ бы два характера. Его эмпирическій характеръ—результатъ необходимости. Всякая черта его, всякое душевное движеніе — неизбѣжный результатъ всего предыдущаго. Но рядомъ съ эмпирическимъ долженъ существовать другой умопостигаемый характеръ, принадлежащій къ міру свободы, которая для насъ непознаваема. Умопостигаемый характеръ является корнемъ эмпирическаго. Всякій, совершая какой-нибудь поступокъ, сознаетъ желѣзную силу необходимости, но въ то же время чувствуетъ и свою свободу, т.-е. чувствуетъ, что могъ бы поступить иначе. Лучшее доказательство этой зависимости эмпирическаго характера отъ умопостигаемаго—раскаяніе. Въ моментъ совершенія поступка онъ подчиняется естественной необходимости; въ моментъ раскаянія чувствуетъ, что въ корнѣ корней его характеръ свободенъ. Такъ старает-

ся Кантъ примирить необходимость съ свободой. Чистый разумъ человѣка оперируетъ только въ сферѣ опыта, для него свобода—идея, нѣчто непознаваемое, потому что она не соотвѣтствуетъ никакому реальному предмету. Для практическаго разума свобода является чѣмъ-то дѣйствительно существующимъ. Она—постулатъ практическаго разума. Богъ, вселенная, душа для практическаго разума—реальныя существованія, для чистаго разума они непознаваемы. Человѣкъ является какъ бы гражданиномъ двухъ міровъ—чувственнаго, или міра природы, гдѣ онъ подчиненъ необходимости, и умопостигаемаго, или міра свободы, гдѣ онъ свободенъ.

Это ученіе Канта, внесшее извѣстную ясность въ область познанія, въ то же время страдало отсутствіемъ единства міровоззрѣнія. Кантъ изгналъ изъ области познанія сверхчувственный міръ, но въ то же время не отвергъ этого міра, а, напротивъ, призналъ его первенство. Кантъ объявилъ, что къ области нашей познавательной способности относится только міръ явленій, феноменовъ, т.-е. міръ такихъ предметовъ, которые дѣйствуютъ на наши ощущенія, являются матеріаломъ опыта. Что такое вещь въ себѣ — das Ding an sich, т.-е. сущность вещей, „нуменъ", мы не можемъ познать. И, тѣмъ не менѣе, Кантъ не устранилъ этого міра нуменовъ. Онъ все-таки косвенно признаъ хотя и проблематическое существованіе этихъ сверхчувственныхъ предметовъ, призналъ ихъ воздѣйствіе на наши чувства и этимъ до извѣстной степени впалъ въ тотъ догматизмъ, которому объявилъ войну. Послѣдующая философія въ значительной степени вернулась къ докантовской метафизикѣ. Она стремится установить единство міровоззрѣнія, недостающее ученію Канта, стремится снова познать абсолютное единое начало, изъ котораго сразу объясняется все разнообразіе видимаго міра. Величайшимъ изъ преемниковъ

Канта, обрѣвшимъ это единство въ цѣльной философской системѣ, былъ І. Г. Фихте (1760—1814). Для Канта законы познанія и нормы нравственности раздѣлены рѣзкой границей. Фихте стремится уничтожить этотъ дуализмъ. По его мнѣнію, философія начинается съ того, что „*я*“ сознаю себя. Можно сомнѣваться въ реальности чего угодно. Но нельзя сомнѣваться въ реальности „*я*“. Но для того, чтобы „*я*“ могло опредѣлить себя, оно должно отличить себя отъ всего остального, потому что опредѣленіе чего бы то ни было невозможно, если не представить противоположнаго, чѣмъ оно ограничено. Нельзя мыслить *А*, если не мыслить въ то же время *не-А*, т. е. нѣчто такое, что не входитъ въ *А*. Вотъ почему и „*я*“ не можетъ дойти до сознанія себя, если не противопоставить себѣ нѣчто противоположное, „*не-я*“: всякій „субъектъ“ сознаетъ нѣчто служащее для него „объектомъ“. Такимъ образомъ, и „*я*“ и то, что мнѣ кажется внѣ меня лежащимъ міромъ, въ сущности только противопоставленія въ актѣ самосознанія. Это слѣдуетъ особенно замѣтить, потому что мы склонны это „*не-я*“ принять за особое существованіе, считать внѣшній міръ за нѣчто отдѣльное отъ нашего „*я*“, за нѣчто чуждое ему. Мы склонны забыть, что то, что намъ кажется отдѣльнымъ отъ насъ внѣшнимъ міромъ, есть, въ сущности, созданіе нашего „*я*“, созданіе, необходимое для нашего „*я*“, чтобы оно могло сознать самого себя. Внѣшній міръ не что иное, какъ нѣчто извлеченное нашимъ „*я*“ изъ себя въ актѣ самопознанія. Между тѣмъ этотъ продуктъ творческой дѣятельности духа принимаютъ за потустороннюю реальность. Внѣшній міръ, „*не-я*“, является лишь той функціей, черезъ которую „*я*“ ограничиваетъ и опредѣляетъ себя. Фихте создаетъ сложную и запутанную картину того, какъ субъектъ объективируетъ весь внѣшній міръ. Наше эмпирическое „*я*“ заставляетъ предполагать безсознательное „*я*“, абсо-

лютно свободное, сверхъ-индивидуальное. Оно и есть основа мірового бытія. Такимъ образомъ Фихте вернулся къ докантовской метафизикѣ. Онъ нашелъ въ лицѣ абсолютнаго субъекта то безусловное начало, дѣятельностью котораго объясняется весь міръ. Онъ объявилъ внѣшній міръ призракомъ и иллюзіей, принимающей видъ реальности только въ актѣ самопознанія абсолютнаго субъекта.

Въ философіи Фихте познанію природы отводилось второстепенное мѣсто. Внѣшній міръ обращался въ призракъ, въ порожденіе нашего „я". Шеллингъ (1775—1854 г.), вмѣстѣ съ Фихте и Гегелемъ имѣвшій огромное вліяніе на Бѣлинскаго и его сверстниковъ, внесъ въ этомъ отношеніи существенное измѣненіе въ систему Фихте. Для послѣдняго природа была лишь средствомъ реализаціи нравственной цѣли. Но уже Фихте видѣлъ въ ней произведеніе разума, т.-е. далъ толчокъ той идеѣ, что ея жизнь представляетъ извѣстную цѣлесообразность, даетъ возможность отыскать въ ней печать этого разума. Но Фихте самъ не занялся дѣломъ изученія природы. Онъ не стремился все разнообразіе явленій подраздѣлить такимъ образомъ, чтобы природа предстала въ видѣ цѣлесообразнаго цѣлаго. Представить природу въ видѣ великой системы, возникшей изъ разума, который при помощи ея преслѣдуетъ опредѣленную цѣль, — такую задачу поставилъ предъ собою Шеллингъ въ своей натурфилософіи. Это стремленіе Шеллинга совпало съ стремленіями современнаго ему естествознанія перейти отъ изслѣдованія фактовъ и частностей къ установленію связей между различными силами природы, къ общимъ взглядамъ. Но натуралистъ и натурфилософъ не одно и то же. Первый изслѣдуетъ природу какъ данный объектъ. Онъ изслѣдуетъ ея внѣшнія явленія и не стремится проникнуть въ ея сущность, узнать намѣренія создавшаго ее разума. Для натурфилософа глав-

ная задача—отыскать именно духовное начало, внутренній субъектъ, стоящій за внѣшнимъ объектомъ. Натуралистъ пользуется эмпирическимъ методомъ, натурфилософъ можетъ отыскать сущность природы, стоящій за ней разумъ, апріорнымъ путемъ, пользуясь данными опыта только для провѣрки своихъ апріорныхъ построеній. И Шеллингъ нарисовалъ цѣльную поэтическую картину жизни природы, гдѣ наука и фантазія причудливо переплетались между собою. Онъ воспользовался и данными естествознанія. Но онъ, не задумываясь, заполнилъ поэтическими вымыслами всѣ пробѣлы, которые оставило несовершенство науки, и природа изъ собранія случайныхъ явленій и законовъ превратилась въ колоссальный одухотворенный организмъ. Всѣ отдѣльныя явленія, всѣ существа, населяющія міръ, всѣ ихъ дѣйствія перестали быть случайными обособленными элементами. Все это части единаго организма. Все это—проявленія единой міровой души, ступени единаго жизненнаго процесса. Такимъ образомъ, Шеллингъ началъ съ того же исходнаго пункта, съ котораго началъ и Фихте. У него все познаніе тоже развивается изъ абсолютнаго „*я*“. У него природа тоже не есть нѣчто существующее внѣ духа. Она возникаетъ въ духѣ. Безсознательное „*я*“ порождаетъ внѣшній міръ, какъ средство сознать себя. И когда сознаніе пробуждается, это порожденное имъ „*не-я*“ представляется сознанію какъ нѣчто извнѣ данное. И Фихте исходилъ изъ этой же мысли. Но Шеллингъ въ противоположность ему рѣшилъ показать процессъ развитія природы, какъ созданія духа, на самой конкретной дѣйствительности. И Шеллингъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ постепенно отклонился отъ точки зрѣнія Фихте, и какъ природа изъ объекта, существующаго только въ сознаніи, постепенно превратилась въ самостоятельный объектъ, существующій внѣ сознанія, а само сознаніе стало чѣмъ-то вторич-

нымъ, проявляющимся лишь на извѣстной стадіи развитія природы. Если Фихте,—говоритъ Виндельбантъ въ своей „Исторіи философіи"—,показывалъ, какъ „*я*" ради своей практической цѣли утверждаетъ природу въ качествѣ „*не-я*", какъ „*я*" становится природой, то натурфилософія преслѣдовала противоположную задачу—вывести, какъ природа становится „*я*". Бытіе и мышленіе, субъектъ и объектъ въ догматической метафизикѣ и критической философіи играли неравноцѣнную роль. Первая считала природу независимой отъ познанія, вторая признавала ея продуктомъ познанія. Уже Фихте положилъ начало *философіи тожества*, т.-е. ученію, согласно которому бытіе и необходимые акты разума тожественны, такъ какъ ученіе Фихте въ самой природѣ видѣло не что иное, какъ одинъ изъ актовъ духа. Шеллингъ былъ истиннымъ творцомъ философіи тожества. У него ступени познанія находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ ступенями природы, такъ какъ и познаніе и бытіе, субъектъ и объектъ, оба коренятся въ общей высшей сущности, въ абсолютномъ познаніи. Въ этомъ абсолютномъ познаніи, которое одновременно является абсолютнымъ тожествомъ, въ этомъ Разумѣ кроется источникъ всѣхъ конечныхъ вещей. Субъективное и объективное присуще всѣмъ конечнымъ вещамъ, которыя суть не что иное, какъ формы или виды обнаруженія абсолютнаго тожества. Словомъ, и Фихте, и Шеллингъ вернулись къ основной задачѣ метафизической философіи, оба стремились познать абсолютъ, причемъ для Фихте это былъ абсолютный субъектъ, для Шеллинга—абсолютное тожество, въ которомъ субъектъ и объектъ — одно.

Но Шеллингу, по справедливому замѣчанію Куно-Фишера, для довершенія своей системы оставалось рѣшить послѣдній вопросъ. Какимъ образомъ „*я*" завершаетъ свое самопознаніе? Какимъ образомъ „*я*",

представляющее собою абсолютное тожество, поставившее само себя, въ концѣ-концовъ можетъ созерцать себя и не только созерцать себя какъ объектъ, но также познавать себя какъ свой продуктъ, т.-е. какъ объектъ, поставленный самимъ „я". Самосозерцаніе „я", по ученію Шеллинга, можетъ завершиться только въ такомъ объектѣ, въ которомъ оно познаетъ свой собственный продуктъ и вполнѣ сознаетъ свою собственную дѣятельность. Эта задача можетъ быть рѣшена не созерцаніемъ природы, а только созерцаніемъ искусства. Отсюда тотъ культъ искусства, который имѣлъ такое огромное вліяніе на романтическую школу въ Германіи, а у насъ на Бѣлинскаго и его друзей. Творенія искусства—отраженія міровой души, единаго Разума, отъ котораго исходитъ весь міръ. Художественная дѣятельность имѣетъ творческій характеръ, она свободна и въ то же время подчинена принужденію, она сознательна и безсознательна, она имѣетъ обдуманный характеръ и въ то же время импульсивный, она создаетъ безсознательно, а формируетъ съ помощью сознанія и рефлексіи. Личность художника Шеллингъ окружаетъ особымъ ореоломъ. Поэты-художники принадлежатъ къ числу рѣдкихъ роковыхъ демоническихъ людей; ими руководитъ высшая сила, у нихъ есть рокъ. „Художникъ инстинктивно вкладываетъ въ свое произведеніе, кромѣ того, что онъ выразилъ въ немъ съ очевиднымъ намѣреніемъ, какъ бы цѣлую безконечность, которую ни одинъ конечный разсудокъ не способенъ развить вполнѣ". Художественное произведеніе заключаетъ въ себѣ выраженіе „безконечной гармоніи". Словомъ, въ художественномъ созерцаніи завершается самосозерцаніе „я", философіей искусства заканчивается шеллинговская система, носящая названіе „трансцендентальнаго идеализма". Въ своей „Syst. des transc. Ideal." Шеллингъ написалъ знаменитыя восторженныя слова въ честь

искусства, которыя стали евангеліемъ романтиковъ и эстетовъ. „Искусство есть истинный и вѣчный организмъ и въ то же время документъ философіи, постоянно и все вновь подтверждающій то, чего философія не можетъ выразить во внѣшней формѣ, именно—изображающій безсознательное въ его дѣятельности и творчествѣ и его первоначальное тожество съ сознательнымъ. Искусство есть высочайшее явленіе для философа именно потому, что оно какъ бы раскрываетъ ему Святая Святыхъ, гдѣ въ вѣчномъ и первоначальномъ единствѣ въ единомъ пламени пылаетъ то, что обособлено въ природѣ и въ исторіи и что вѣчно должно расходиться въ жизни и дѣятельности, а также въ мышленіи. Взгляды на природу, искусственно создаваемые философами, въ искусствѣ являются первоначально и естественно. Природа есть поэма, написанная первотаинственными чудесными письменами. Однако если бы загадка могла раскрыться, мы бы увидѣли въ ней *Одиссею духа*, который, чудесно обманываясь, ища себя, бѣжитъ отъ самого себя; въ самомъ дѣлѣ, смыслъ міра проглядываетъ сквозь чувственную оболочку его лишь такъ, какъ значеніе словъ — сквозь ихъ звуки, какъ страна фантазіи, составляющей предметъ нашихъ желаній, сквозь полупрозрачный туманъ“.

Если упростить и грубо формулировать эту тонкую философію искусства, она сведется къ ясной формулѣ. Послѣдняя задача познанія у него—старая задача метафизики: постигнуть первоначальныя основы бытія, постичь абсолютъ. Искусство—посредникъ между человѣкомъ и абсолютнымъ началомъ. Его задача—раскрыть тайны абсолютнаго, приподнять завѣсу вѣчной тайны. Искусство играетъ ту же роль, какую играли религія и церковь для вѣрующаго. Оно пробуждаетъ то восторженное созерцаніе, которое приводитъ человѣка въ общеніе съ божествомъ. Поэтъ — жрецъ или

пророкъ. Его посѣщаетъ то вдохновеніе, которое позволяетъ ему облекать дыханіе абсолютнаго разума въ конкретныя формы. Мы вскорѣ увидимъ, что въ своей первой крупной статьѣ „Литературныя мечтанія“ Бѣлинскій перефразируетъ вышеприведенныя слова Шеллинга, когда подводитъ итоги своему эстетическому міросозерцанію. И въ наше время, когда такой жгучій характеръ принялъ конфликтъ между символической и реалистической школой, когда снова разгорѣлся споръ о томъ, въ чемъ задача искусства: въ раскрытіи ли тайнъ потусторонняго міра или въ объясненіи явленій жизни,—и въ наше время символическая школа, преемница романтизма, въ своемъ воззрѣніи на задачи искусства стоитъ на почвѣ шеллинговской философіи.

Вліяніе этой системы было неизмѣримо. Натурфилософія не имѣла непосредственнаго значенія для естествознанія. Положительная наука не признаетъ фантазіи и апріорныхъ догадокъ. Она считаетъ истинными только выводы, добытые эмпирическимъ путемъ. Но исторія положительныхъ наукъ не разъ отмѣчала случаи, когда фантазія и поэтическое провидѣніе предвосхищали выводы точнаго знанія, и мечтатель оказывался предшественникомъ ученаго. Нетерпѣливая мысль ума, жаждущаго гармоніи и единства, умѣла создавать невѣрную, но такую заманчивую картину, что эта картина часто оставалась двигающимъ стимуломъ кропотливаго ученаго въ его колоссальномъ терпѣніи, въ его медленной эмпирической работѣ. По шатобріановскимъ „Мученикамъ“ ученому нельзя изучать исторію первыхъ вѣковъ христіанства, а по „Собору Парижской Богоматери“—Средніе вѣка. А между тѣмъ эти „Мученики“ и скоттовскій „Айвенго“ вдохновили такого историка, какъ Огюстенъ Тьерри. Изъ „Натурфилософіи“ Шеллинга естествоиспытатель не извлечетъ ни одного новаго точнаго закона, а между

тѣмъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Шеллинга Эрстедъ открылъ электромагнетизмъ, а сколько знаменитыхъ геологовъ, физіологовъ и т. д. были послѣдователями и сотрудниками Шеллинга. Достаточно назвать Окена и Стеффенса.

Еще болѣе значительное вліяніе имѣла философская система Гегеля, который началъ съ исходной точки зрѣнія Шеллинга, былъ въ началѣ его другомъ и единомышленникомъ, а впослѣдствіи — соперникомъ и противникомъ.

Сущность философіи Гегеля сводится къ слѣдующему. То, на что смотрѣли какъ на абсолютныя противоположности и противорѣчія,—разумъ и матерію, духъ и природу, самоопредѣленіе и внѣшній детерминизмъ,—онъ стремился объединить и примирить не путемъ внѣшняго согласованія, но путемъ яснаго сознанія того единства, которое лежитъ за предѣлами ихъ различія и даетъ весь смыслъ такому различію. Если единство мысли, единство разума съ самимъ собою должно быть раскрыто во всемъ познаваемомъ мірѣ, во всѣхъ „мелочахъ природы", во всемъ сложномъ движеніи исторіи, то это единство должно быть чѣмъ-либо бо́льшимъ, чѣмъ простое тожество, которое философія находила въ немъ. Гегель даетъ абсолютному началу новое названіе. Это Абсолютная идея или Абсолютный Разумъ. Для того, чтобы достигнуть самосознанія, этотъ Абсолютный Разумъ въ своей творческой игрѣ полагаетъ природу какъ нѣчто другое и отличное отъ себя. Природа есть, такимъ образомъ, его „инобытіе", его относительная противоположность. Онъ полагаетъ это другое для того, чтобы вернуться къ себѣ изъ этого другого и сознать себя въ этомъ другомъ, достигая, такимъ образомъ, полноты самосознанія. Абсолютное есть нѣчто ничѣмъ неограниченное, слѣдовательно, его противоположность не можетъ стоять внѣ его, иначе она ограничивала бы его,

превратила бы абсолютное въ конечное. Противоположность абсолютнаго должна заключаться въ немъ самомъ. Истинный характеръ абсолютнаго выражается, такимъ образомъ, въ его самоотрицаніи. Полагаемое имъ самимъ противоположное есть его собственное отраженіе. Въ этомъ противоположномъ абсолютное находитъ себя и возвращается къ себѣ какъ осуществленное единство себя и другого. Міровой процессъ есть поэма абсолютнаго. Этотъ процессъ представляетъ собою постепенное самораскрытіе абсолютнаго, которое достигаетъ своей конечной ступени въ разумномъ существѣ—человѣкѣ. Человѣкъ постепенно возвышается надъ природой, познаетъ ее и себя самого и сознаетъ въ себѣ абсолютное. Такимъ образомъ, жизнь міра, исторія человѣчества, развитіе искусства и религіи,—все это образуетъ безпрерывное движеніе, которое является элементомъ вѣчнаго развитія Абсолютной Идеи. Абсолютная Идея раскрывается въ этомъ развитіи человѣчества, искусства, религіи, общества, а въ особенности философіи, въ которой человѣческій духъ познаетъ истину во всей ея полнотѣ. Такъ какъ абсолютное заключается во всемъ, то процессъ, которымъ оно возвращается къ себѣ чрезъ полагаемое имъ самимъ инобытіе и сознаетъ себя въ немъ,—этотъ процессъ есть законъ всякой дѣйствительности. „Скрытая во всемъ сила абсолютной истины, — говоритъ Вл. Соловьевъ въ своей статьѣ „Философія Гегеля“, — расторгаетъ ограниченность частныхъ опредѣленій, заставляетъ ихъ переходить одно въ другое и возвращаться къ себѣ въ болѣе истинной и свободной формѣ. Въ этомъ всепроникающемъ, всеобразующемъ движеніи весь смыслъ и вся истина существующаго — живая связь, внутренне соединяющая всѣ части физическаго и духовнаго міра между собою и съ абсолютнымъ, которое внѣ этой связи, какъ нѣчто отдѣльное, и не существуетъ вовсе“.

Если грубо выразить эту мысль, то ее можно формулировать такъ. Абсолютное приходитъ къ самопознанію путемъ извѣстнаго процесса. Наши понятія и всѣ конечныя вещи заключаютъ въ себѣ тотъ же процессъ внутренняго развитія. Въ нихъ скрыта сила абсолютной истины. Поэтому ни вещи, ни понятія нельзя разсматривать какъ независимыя обособленныя существованія, относящіяся только къ самимъ себѣ. И тѣ, и другія—части цѣлаго, стадіи въ единомъ процессѣ. Объектъ логической мысли не можетъ быть чуждымъ или внѣшнимъ по отношенію къ самой логической мысли. Сущее, какъ предметъ мысли, есть мыслимое, и только какъ мыслимое оно и можетъ быть логически познаваемо нами. Мы даже не можемъ знать другого сущаго, кромѣ мыслимаго, внѣ мысли мы не знаемъ ничего, и дѣйствительное истинное познаніе возможно лишь при условіи внутренняго единства познающаго и познаваемаго, мыслящаго и мыслимаго. Бытіе и мышленіе одно и то же. Истина присуща намъ такъ же, какъ и объектамъ, она содержитъ въ себѣ и осуществляетъ все, и намъ нужно только дать ей познавать себя въ насъ, т.-е. раскрывать свое содержаніе въ нашемъ мышленіи; содержаніе же это есть то самое, которое выражено и въ бытіи предмета. Всякій предметъ существуетъ поистинѣ только вмѣстѣ со всѣмъ, въ своей внутренней логической связи со всѣми другими; такимъ онъ и мыслится: въ его понятіи нѣтъ ничего такого, что бы не было въ его дѣйствительности, и въ его дѣйствительности нѣтъ ничего такого, чего бы не содержалось въ его понятіи.

Такимъ образомъ, абсолютное наше познаніе и конечныя вещи являются не отдѣльными элементами, а частями процесса, вѣчнаго движенія. Въ чемъ же заключается этотъ процессъ? Гегель называетъ его діалектическимъ методомъ. Всякое понятіе и всякая вещь тѣмъ самымъ фактомъ, что они опредѣлены, заклю-

частъ въ себѣ свое отрицаніе. Какое бы сужденіе ни было высказано нами,—мы, въ силу законовъ нашей логической способности, неизбѣжно приходимъ къ признанію и противоположной истины [1]). Самое опре-

[1]) *Бельтовъ* въ своей книгѣ „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію" приводитъ рядъ интересныхъ примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль. Напримѣръ, въ данную минуту движущееся тѣло находится въ данной точкѣ, но въ то же время находится и внѣ ея, потому что если бы оно находилось только въ ней, оно, по крайней мѣрѣ на мгновеніе, стало бы неподвижнымъ. Словомъ, о положеніи движущагося тѣла мы дѣлаемъ два противоположныя и одинаково вѣрныя утвержденія. Всякое отвлеченное право, дойдя до своего логическаго конца, превращается въ безправіе, т.-е. въ свою собственную противоположность. „Венеціанскій купецъ" Шекспира—лучшее тому доказательство. Возьмите теперь экономическія явленія. Каковъ логическій конецъ „свободнаго соперничества"? Каждый предприниматель стремится побить своихъ соперниковъ, остаться единоличнымъ хозяиномъ рынка. И, конечно, нерѣдки случаи, когда какому-нибудь Ротшильду или Вандербильду удается счастливо осуществить это стремленіе. Но это показываетъ, что свободное соперничество ведетъ къ монополіи, т.-е. къ отрицанію соперничества, къ своей собственной противоположности. Или посмотрите, къ чему ведетъ принципъ трудовой собственности. Мнѣ принадлежитъ только то, что создано моимъ трудомъ. Это какъ нельзя болѣе справедливо. И не менѣе справедливо то, что я употребляю созданную мною вещь по своему собственному усмотрѣнію: я пользуюсь ею самъ или мѣняю ее на другую вещь, почему-либо для меня желательную. Вполнѣ справедливо, что я поступаю съ этой вымѣненной вещью опять какъ мнѣ выгоднѣе. Положимъ, я продалъ ее, а на деньги нанялъ работника, т.-е. купилъ чужую рабочую силу. Это, съ одной стороны, справедливо, такъ какъ я имѣю право располагать своею вещью какъ мнѣ выгоднѣе, съ другой—несправедливо, такъ какъ я эксплуатирую *чужой* трудъ и тѣмъ отрицаю принципъ, который лежалъ въ основѣ моего понятія о справедливости. Собственность, пріобрѣтенная моимъ собственнымъ трудомъ, родитъ мнѣ способность, созданную трудомъ другого. Словомъ, всякое понятіе, доведенное до своего логическаго конца, неизбѣжно переходитъ въ свою противоположность.

дѣленіе понятія есть уже отнесеніе его къ понятію, отрицающему его, есть уже ограниченіе его, т.-е. утвержденіе, что оно не абсолютно. Мы можемъ произнести слово *свѣтъ* только потому, что одновременно уже предполагаемъ понятіе *тьмы*. Всякое понятіе самымъ фактомъ своего существованія уже предполагаетъ существованіе противоположнаго. Поэтому логическая дѣятельность состоитъ изъ трехъ моментовъ: тезиса, антитезиса и синтеза. Всякое явленіе, развиваясь до своего логическаго конца (тезисъ), превращается въ свою противоположность (антитезисъ). Лишь за первымъ моментомъ, когда понятіе, будучи ограниченнымъ, утверждается, какъ истинное, раскрывается второй моментъ — самоотрицаніе понятія вслѣдствіе внутренняго противорѣчія между его ограниченностью и тою истиной, которую оно должно представлять. Оба понятія примиряются въ третьемъ, высшемъ, которое представляетъ третій моментъ—синтезъ. Какъ только это новое понятіе утверждается, оно неизбѣжно переходитъ въ свою противоположность и т. д. Отсюда становится яснымъ и тотъ процессъ, которымъ Абсолютная Идея приходитъ къ самосознанію. Она приходитъ къ нему тѣмъ же діалектическимъ путемъ. Уже самое понятіе абсолютнаго заключаетъ въ себѣ его противоположность, инобытіе, представляющее собою антитезисъ. Чрезъ это инобытіе абсолютное возвращается къ себѣ въ человѣческомъ духѣ, который представляетъ собою третій моментъ—синтезъ. Человѣкъ возвышается надъ природой и сознаетъ въ себѣ абсолютное. Исторія есть постепенное осуществленіе этого сознанія по тому же діалектическому методу. Историческія явленія не случайны, они—стадіи діалектическаго процесса, въ которыхъ раскрывается абсолютное. Но высшая дѣятельность—философія, потому что въ ней человѣческій духъ, являющійся синтезомъ абсолютнаго и природы, самъ находитъ высшій синтезъ своего развитія.

Гегелевская система заключала въ себѣ одно существенное противорѣчіе. Съ одной стороны, она претендовала на званіе абсолютной истины, съ другой—самая сущность діалектическаго метода заключается въ непрерывномъ движеніи, въ постоянномъ приближеніи къ абсолютному, при невозможности завершенія этого процесса. Въ самомъ дѣлѣ, ученіе Гегеля справедливо называютъ панлогизмомъ. Въ сущности, кромѣ логики, это ученіе ничего не признаетъ. Логическая мысль—начало всего. Міровой процессъ есть логическій процессъ. Но міровой процессъ еще не завершился. Абсолютнаго еще нѣтъ. „Богъ какъ самосознательное Существо становится только въ человѣкѣ и чрезъ человѣка: Онъ не есть, а только будетъ въ концѣ исторіи". Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію кн. С. Н. Трубецкого, панлогизмъ пришелъ къ самоотрицанію. Послѣ Гегеля произошелъ расколъ между его учениками. Образовались правая и лѣвая гегеліанскія группы. Лѣвая была склонна признать то самоотрицаніе, къ которому пришелъ панлогизмъ. Гегеліанская правая возстала противъ такого „искаженія". Она утверждала, что абсолютное совершенно и равно себѣ отъ вѣка; что логическій процессъ не не временный, а вѣчный, и что „становится" не абсолютное, а только его откровеніе, его раскрытіе во времени. Такимъ образомъ, споръ сосредоточился на значеніи „скорбной драмы временнаго бытія", по выраженію С. Н. Трубецкого, на нашей временной дѣйствительности. Является ли она перелистываніемъ вѣчнаго текста" или „представляетъ самостоятельное развитіе"? Здѣсь мы сталкиваемся съ важнымъ вопросомъ,—съ вопросомъ объ отношеніи гегеліанской философіи къ дѣйствительности. Разъ міровой процессъ есть логическій процессъ, разъ мышленіе и бытіе — одно, то каждый моментъ дѣйствительности является необходимымъ и неизбѣжнымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ

логическимъ законамъ. Все дѣйствительное разумно, все разумное дѣйствительно. Это знаменитое положеніе Гегеля давало оружіе въ руки консерватизма и квіетизма. Борьба противъ дѣйствительности представлялась безсмысленнымъ возстаніемъ противъ абсолютнаго. Фраза Гегеля давала поводъ къ оправданію отрицательныхъ сторонъ существующей дѣйствительности. Подобное толкованіе гегелевской фразы представляется по меньшей мѣрѣ спорнымъ. Не все существующее Гегель считалъ дѣйствительностью. Дѣйствительное выше существующаго. Дѣйствительность развертывается какъ необходимость. Но, по Гегелю, необходимо далеко не только то, что существуетъ. Все существующее, въ силу скрытой въ немъ истины абсолютнаго, переходитъ въ новыя формы существующаго, и въ конечномъ счетѣ разумнымъ оказывалось только безпрерывное движеніе впередъ, постоянное крушеніе старыхъ формъ. Такъ можно было понять эту философію мнимаго примиренія съ дѣйствительностью, и недаромъ Герценъ назвалъ ее алгеброй революціи. Правда, самъ Гегель былъ скорѣе склоненъ къ толкованію своей системы въ консервативномъ духѣ. Онъ считалъ, что абсолютная истина уже найдена имъ. Онъ готовъ былъ объявить, что процессъ раскрытія абсолютнаго уже завершился въ той современности, которую онъ засталъ, и онъ провозглашаетъ Прусское королевство царствомъ разума (Vernunft-Staat). Абсолютное найдено, дальше итти некуда, для философіи закрыта возможность дальнѣйшаго развитія.

Таковы главныя философскія системы, оказавшія столь мощное вліяніе на дарозвитую русскую литературную молодежь 40-хъ годовъ. Въ печальную эпоху николаевскаго гнета эти системы, рисовавшія картины міровой гармоніи и порядка, должны были найти горячій откликъ въ благородныхъ умахъ, оторванныхъ отъ дѣйствительности и пламенно стремившихся къ идеалу и къ вѣчной справедливости.

III [1]).

Сенъ-Симонъ.—Его ученіе: отношеніе къ наукѣ и къ религіи, къ рабочимъ и предпринимателямъ. — Попытка примиренія религіи и науки.—Защита промышленнаго строя. — Фурье и организація фаланги. — Жоржъ-Сандъ. — Романы, въ которыхъ рѣшается семейный вопросъ: „Индіана“ и „Жакъ“..—Соціальные романы: „Грѣхъ г. Антуана“.—Идеализація деревни.

Философскія системы германскихъ мыслителей при всемъ ихъ различіи имѣли одну общую черту. Онѣ уносили въ міръ отвлеченностей и такъ или иначе заставляли искать въ земной жизни, въ волнующемся житейскомъ океанѣ только матеріалъ къ познанію абсолютнаго. Мы видѣли уже, что особыя историческія условія послужили главной причиной развитія этихъ абстрактныхъ стремленій въ Германіи. Не таковы были историческія условія во Франціи, гдѣ революція оставила XIX вѣку сложное наслѣдство. Въ то время какъ нѣмецкіе мыслители стремились проникнуть въ тайны абсолюта, французскіе бились надъ рѣшеніемъ другой великой задачи, выдвинувшейся на первый планъ послѣ промышленнаго переворота. Революція ликвидировала феодально-католическій строй, отмѣнила привилегіи родового дворянства. Но послѣ промышленной революціи лицомъ къ лицу постепенно становились два новыхъ враждебныхъ класса: буржуазія и пролетаріатъ. Разрѣшить антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ стало еще болѣе трудной задачей, чѣмъ рѣшеніе прежняго конфликта между привилегированнымъ дворянствомъ и третьимъ сословіемъ.

На зарѣ XIX вѣка выступаетъ геніальный мыслитель, имя котораго царитъ надъ соціальными ученіями

---

[1]) Содержаніе этой главы въ болѣе подробномъ изложеніи читатель найдетъ во II томѣ моихъ „Оч. по ист. зап.-евр. лит.“. Здѣсь нельзя было не привести ее, иначе исчезла бы связь между отдѣльными главами этой книги.

XIX вѣка. Сенъ-Симонъ (1760—1825) провозглашаетъ послѣдней задачей общественнаго устройства облегченіе участи „самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго класса общества“. Угнетенное матеріальное и духовное состояніе массъ и средства къ экономическому и умственному подъему — таковъ основной вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго билось XIX столѣтіе. Религія и наука на первыхъ порахъ оспариваютъ другъ у друга право стать во главѣ этого движенія. Сенъ-Симонъ старается создать такую систему общества, которая ведетъ къ осуществленію этой задачи и въ которой церковь и наука идутъ рука-объ-руку и находятъ себѣ достойное примѣненіе.

Разсмотримъ прежде всего отношеніе Сенъ-Симона къ одному изъ этихъ факторовъ—къ наукѣ.

„Истинная конституція не можетъ быть изобрѣтена, она должна быть открыта. Истиннымъ законодателемъ является не король, не законодательныя собранія. Такимъ законодателемъ слѣдуетъ считать философа, изучающаго движеніе цивилизаціи и резюмирующаго свои наблюденія въ общественномъ законѣ, который и становится руководящимъ принципомъ законодательства“. Довольно почета Александрамъ Македонскимъ! Да здравствуютъ Архимеды! — восклицаетъ Сенъ-Симонъ. Эта мысль совпадаетъ совершенно съ научнымъ духомъ новаго времени. Только наблюденіе и опытъ могутъ служить надежными руководителями при созиданіи государственныхъ системъ и соціальнаго строя. Сенъ-Симонъ идетъ еще дальше. Естественныя науки, по его мнѣнію, должны лечь въ основу всей дѣятельности человѣчества. Психическая жизнь человѣка сводится на химическія соединенія и реакціи органическихъ элементовъ, входящихъ въ его тѣло. Въ самыхъ важныхъ вопросахъ политики рѣшенія должны быть теперь выводимы прямо изъ данныхъ естественныхъ наукъ. „Если бы физіологи и философы

согласились смѣло соединить свои усилія, они свели бы всѣ политическіе вопросы къ соображеніямъ гигіены". Такимъ образомъ, Сенъ-Симонъ является строгимъ позитивистомъ и матеріалистомъ; онъ вѣритъ только фактамъ и непосредственно вытекающимъ изъ нихъ обобщеніямъ. Онъ передаетъ руководство жизнью и обществомъ въ руки химиковъ и естествоиспытателей.

Таковъ первый принципъ его ученія. Но стоитъ углубиться въ это ученіе, и мы убѣдимся, что Сенъ-Симонъ не всегда такъ строго держится экспериментальнаго метода. Ратуя за научное изслѣдованіе, онъ, однако, недоволенъ медленной, кропотливой работой, его охватываетъ нетерпѣніе при видѣ того, что накопленіе фактовъ не сопровождается быстрыми широкими обобщеніями; онъ привѣтствуетъ поэтому нѣмецкую философію за то, что она заявила протестъ противъ „маніи наполнять кладовую дичью и никогда не садиться за столъ". Пора покинуть ползущій несмѣлый методъ a posteriori и итти по пути истинно царскаго творческаго апріорнаго метода. Итакъ, рядомъ съ строго-научнымъ методомъ Сенъ-Симонъ провозглашаетъ второй принципъ, не особенно отличающійся отъ принципа, на которомъ строились теоріи реакціонеровъ. Если необходимы и апріорныя построенія, если не всѣ выводы требуютъ предварительнаго изученія фактовъ, тогда на сцену снова должны выступить изобрѣтеніе и предсказаніе; тогда религія опять вступаетъ въ свои права, тогда снова приходится признать принципъ авторитета, нужно вѣрить на слово, не требуя доказательствъ.

Изъ этого противорѣчія Сенъ-Симонъ выходитъ слѣдующимъ образомъ. Авторитетъ необходимъ для невѣжественныхъ классовъ, для которыхъ ученые создаютъ религію. Такимъ образомъ „религія есть совокупность примѣненій общей науки, при посредствѣ которыхъ просвѣщенные люди управляютъ невѣжественными".

Въ Средніе вѣка наука была служанкой богословія, выводы обѣихъ не могли противорѣчить другъ другу и должны были совпадать. Эту гармонію возстановляетъ Сенъ-Симонъ съ той разницей, что взаимное отношеніе ея элементовъ существенно измѣнилось. Въ Средніе вѣка папа зналъ абсолютную истину благодаря откровенію. Поэтому наука не играла самостоятельной роли рядомъ съ предписаніями церкви; она только защищала и аргументировала подсказанныя церковью истины. У Сенъ-Симона, напротивъ, самая религія устанавливается при помощи науки. „Религія,—говоритъ онъ,—старѣется совершенно такъ же, какъ другія учрежденія, и такъ же, какъ они, религія по необходимости должна по прошествіи извѣстнаго времени возрождаться. Согласно этому Сенъ-Симонъ смотритъ и на роль духовенства. Если „священникамъ не остается болѣе дѣлать никакихъ открытій въ научномъ направленіи, данномъ основателемъ религіи, тогда религія становится тираннической; тогда она вызываетъ презрѣніе, а ея служители утрачиваютъ пріобрѣтенныя ими раньше богатство и вліяніе“. Духовная власть должна принадлежать папѣ и духовенству, но они должны быть избраны изъ среды ученыхъ натуралистовъ. Естествоиспытатель и философъ на папскомъ престолѣ—таковъ религіозный идеалъ Сенъ-Симона.

У Сенъ-Симона трудно отыскать стройную систему, опредѣленное соціальное и политическое міросозерцаніе. Онъ оставилъ человѣчеству геніальные фрагменты, часто обрывки мыслей, а не научно провѣренную теорію. Въ своихъ построеніяхъ онъ часто въ нетерпѣніи покидалъ почву фактовъ, поднимался въ область химеръ и строилъ воздушные замки, но это не умаляетъ его великаго значенія. Какъ ни спутаны отдѣльныя части его ученія, какъ ни велико въ нихъ еще вліяніе принципа авторитета, но нельзя не видѣть,

что въ этомъ ученіи зданіе научной соціологіи обрисовывается совершенно ясно. Никакія уклоненія въ сторону не могутъ затмить основныхъ идей Сенъ-Симона, выступающихъ съ поразительною яркостью. А эти идеи заключаются въ утвержденіи, что „процессъ общественнаго развитія идетъ по неуклоннымъ законамъ, подъ давленіемъ безошибочно цѣлящихъ естественныхъ факторовъ“, что только пережитый опытъ, изученіе исторіи позволяютъ намъ опредѣлить эти законы, что прежніе пріемы исторической науки необходимо отвергнуть; „до сихъ поръ писалась только біографія власти, т.-е., онъ хочетъ сказать, исторія политическихъ перемѣнъ въ лицахъ; между тѣмъ государственныя конституціи составляютъ лишь формы, внѣшность, поверхностныя явленія исторической жизни; существо общественнаго строенія—въ распредѣленіи собственности, въ организаціи хозяйства, въ раздѣленіи классовъ“. Всѣмъ наукамъ, которыя такъ или иначе соприкасаются съ изученіемъ человѣческаго общества, Сенъ-Симонъ далъ могучій толчокъ. „Философія исторіи,—говоритъ въ своихъ *Очеркахъ* Т. Барановскій,—соціологія, политическая экономія, отчасти право въ своихъ высшихъ обобщеніяхъ и до настоящаго времени непосредственно примыкаютъ къ Сенъ-Симону“.

Великій толчокъ, данный Сенъ-Симономъ научной соціологіи, не сразу становится яснымъ благодаря его фрагментарной манерѣ изложенія, благодаря принципу авторитета и идеѣ божественнаго происхожденія общества, отъ которыхъ не свободенъ авторъ. Подобно этому и самый идеалъ общественнаго строя, нарисованный Сенъ-Симономъ, возбуждалъ немало недоразумѣній. Въ то время какъ одни считали его провозвѣстникомъ соціализма, другомъ рабочихъ, другіе видѣли въ немъ апологета правъ крупныхъ промышленниковъ и капиталистовъ.

И тѣ, и другіе могутъ извлечь изъ сочиненій Сенъ-Симона немало доводовъ въ пользу своего мнѣнія, но среди этихъ противорѣчій сенъ-симоновскаго ученія объ идеальномъ обществѣ все-же можно уловить преобладающія идеи, если принять въ расчетъ историческія условія, при которыхъ писалъ Сенъ-Симонъ.

Въ новомъ хозяйственномъ и общественномъ строѣ, который проектируетъ Сенъ-Симонъ, господствующая роль должна принадлежать работающимъ классамъ. Праздные люди должны утратить всякое значеніе. Трудъ будетъ высшею добродѣтелью въ этомъ грядущемъ обществѣ; всякія общественныя привилегіи должны быть отмѣнены; труду и способностямъ долженъ быть предоставленъ полный просторъ для развитія. Въ своей *Промышленной системѣ* Сенъ-Симонъ говоритъ, что государство должно прежде всего позаботиться объ „обезпеченіи участи пролетаріевъ, причемъ работоспособнымъ должна быть гарантирована работа, а неспособнымъ къ работѣ—содержаніе". Умирая, Сенъ-Симонъ сказалъ своимъ ученикамъ, что вся жизнь его резюмируется одною мыслью: обезпечить всѣмъ людямъ возможно большее развитіе ихъ способностей; при этомъ онъ указалъ способъ, которымъ можно достигнуть осуществленія такой задачи, именно—организацію особой партіи рабочаго класса. Таковы мысли Сенъ-Симона, на которыя опирались его послѣдователи, справедливо видѣвшіе въ ихъ авторѣ друга рабочаго класса, защитника труда и врага эксплуатаціи.

Но можно привести другія мысли автора *Новаго христіанства*, діаметрально противоположныя изложеннымъ. Власть въ будущемъ идеальномъ обществѣ,—говоритъ Сенъ-Симонъ въ другомъ мѣстѣ,—должна принадлежать промышленникамъ и банкирамъ; они должны прогнать изъ своихъ салоновъ либеральныхъ фразеровъ и болтуновъ, соединиться съ купцами и

фабрикантами и стать господами. Сенъ-Симонъ даже подсказываетъ рабочимъ, съ какими рѣчами они должны обращаться къ предпринимателямъ: „Вы богаты, а мы бѣдны; вы работаете головою, а мы руками; изъ этого основного различія слѣдуетъ, что мы должны вамъ подчиниться“.

Для того, чтобы объяснить это противорѣчіе, необходимо принять во вниманіе, что того антагонизма труда и капитала, который развился въ позднѣйшее время, въ эпоху Сенъ-Симона во Франціи еще не существовало. Праздными людьми въ эту эпоху были не фабриканты и предприниматели, и въ основу раздѣленія общества на праздныхъ и рабочихъ Сенъ-Симонъ кладетъ другую группировку. Если Франція потеряетъ до 3,000 лучшихъ физиковъ, химиковъ, математиковъ, поэтовъ, живописцевъ, механиковъ, инженеровъ, архитекторовъ, банкировъ, негоціантовъ, земледѣльцевъ, хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ, лучшихъ плотниковъ и т. д., то нація, утративъ цвѣтъ общества, превратится въ тѣло безъ души. Но если, сохранивъ людей таланта, Франція взамѣнъ этого потеряетъ 10,000 богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, живущихъ по-дворянски, и тысячи кардиналовъ, маршаловъ, придворныхъ и всякихъ другихъ чиновниковъ, то отъ гибели этой безполезной части общества не получится никакого вреда для страны. Отсюда ясно, что къ числу праздныхъ людей Сенъ-Симонъ относитъ главнымъ образомъ классъ богатыхъ землевладѣльцевъ, также людей, управляющихъ устарѣлымъ государственнымъ механизмомъ, а къ числу работающихъ—всѣхъ, кто содѣйствуетъ развитію промышленнаго строя. Отсюда ясно, что Сенъ-Симонъ, свидѣтель первыхъ шаговъ индустріализма, еще раздѣляетъ вѣру въ великія блага, которыя развитіе промышленности должно принести всему человѣчеству. Онъ еще не знаетъ,—или развѣ только изрѣдка смутно пред-

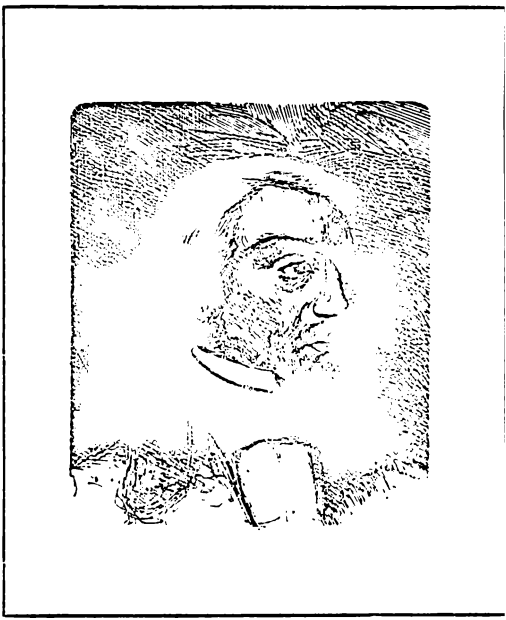
чувствуетъ,—что эти блага достанутся только предпринимателямъ и тяжело лягутъ на рабочихъ. Вотъ почему онъ не отдѣляетъ интересовъ первыхъ отъ интересовъ вторыхъ и, говоря о промышленникахъ, имѣетъ въ виду одинаково и предпринимателей, и рабочихъ; приглашая отдать предпринимателямъ власть въ государствѣ, онъ не имѣетъ въ виду освятить власть эксплуататоровъ труда, какъ нерѣдко понимали его проповѣдь въ послѣдующіе періоды,—онъ хочетъ передать власть въ руки промышленнаго класса вообще, взятаго въ его цѣломъ, предприниматели же, банкиры, изобрѣтатели и ученые выдвигаются на поверхность, какъ естественные руководители и выразители интересовъ этого класса, какъ наиболѣе талантливые члены общей нераздѣльной группы, а не какъ эксплуататоры низшихъ слоевъ этой группы. Если онъ говоритъ рабочимъ: „Подчиняйтесь предпринимателямъ, потому что они богаты и образованны, а вы бѣдны и невѣжественны“, то онъ хочетъ этимъ сказать: у васъ общіе съ ними интересы и задачи, но нельзя же всѣмъ быть правителями, а потому предоставьте завѣдываніе дѣлами тѣмъ, у кого больше данныхъ для плодотворнаго осуществленія этой вашей общей задачи. Если онъ называетъ просвѣтителей либеральными болтунами, а демократію и свободу — пустыми словами, то это потому, что вопросы о государственномъ строѣ кажутся ему отжившими свое время, устарѣлыми; ученіе о верховенствѣ народа, созданное вдохновителями революціи, было, по его мнѣнію, важно, какъ крайность, противопоставленная другой крайности, именно идеѣ божественной власти; но теперь политическія проблемы должны отступить на второй планъ передъ соціальными и хозяйственными; вотъ почему толки о демократіи и свободѣ совершенно безплодны и излишни при возникновеніи новыхъ задачъ, когда нужно рѣшать вопросъ о распредѣленіи ролей и обя-

занностей въ новомъ промышленномъ обществѣ. Промышленный классъ въ цѣломъ должень направлять жизнь; что же касается распредѣленія ролей и благъ въ средѣ самого этого класса, то Сенъ-Симонъ мало занимается этимъ вопросомъ; онъ еще не предвидѣлъ здѣсь раскола; онъ почти совершенно не знаетъ того, что мы въ настоящее время называемъ рабочимъ вопросомъ въ современномъ значеніи этихъ словъ; онъ думаетъ, что отношенія между рабочими и предпринимателями сами собой сложатся въ патріархальную счастливую систему; что сами собой выдвинутся „прирожденные геніи индустріи, финансовые сеньоры, вдохновляемые артистами и руководимые учеными, а подъ ихъ патронатомъ, по указанію ихъ благожелательныхъ и просвѣщенныхъ рѣшеній, организуется все трудящееся человѣчество“. Система Сенъ-Симона построена на ошибочномъ принципѣ, что интересы предпринимателей, цѣль которыхъ—увеличеніе богатствъ, совпадаютъ съ интересами всего общества, счастье котораго растетъ съ ростомъ богатствъ. Сенъ-Симонъ предполагалъ, что съ развитіемъ и укрѣпленіемъ этого новаго индустріальнаго феодализма можно будетъ установить и новую религію, которая будетъ обязательнымъ руководствомъ для всего общества.

Какъ въ наукѣ, такъ и въ своемъ соціальномъ проектѣ Сенъ-Симонъ, такимъ образомъ, не чуждъ прежнихъ авторитарныхъ представленій. Но религія духовная диктуется у него выводами науки, а религія соціальная—законами естественнаго развитія общества. Папскій престолъ долженъ занять естествоиспытатель; королемъ долженъ стать промышленникъ.

Крупные предприниматели не разъ ссылались впослѣдствіи на Сенъ-Симона въ подтвержденіе своихъ притязаній. Сенъ-Симона, который навсегда остался чуждъ интересамъ спеціально-рабочаго класса, какъ такового, и порой готовъ былъ видѣть въ Священномъ

Союзѣ осуществленіе своей системы, причисляли къ реакціонерамъ. Правда и то, что многіе его ученики изъ проповѣдниковъ всеобщаго обновленія превратились подъ конецъ въ предпринимателей, заняли хорошія мѣста, стали во главѣ крупныхъ банкирскихъ предпріятій и грандіозныхъ сооруженій и тѣмъ наглядно подтвердили, куда при извѣстномъ прямолинейномъ толкованіи вела сенъ-симонистская доктрина. Но едва ли геніальнаго утописта можно дѣлать отвѣтственнымъ за корыстную и практическую дѣятельность его учениковъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что ученіе Сенъ-Симона имѣло не только одни эти послѣдствія, является тотъ фактъ, что ученики, глубже проникшіе въ смыслъ его обрывочно брошенныхъ мыслей, выпустили черезъ четыре года послѣ его смерти книгу *Изложеніе доктрины Сенъ-Симона*, которую Рудольфъ Зингеръ назвалъ „основной книгой современнаго соціализма“ и которая придаетъ значительную опредѣленность идеаламъ учителя. Время успѣло уже дать нѣкоторые поучительные уроки утопистамъ; они начинали теперь понимать, что хотя промышленность и увеличиваетъ общее богатство, но это благо далеко не всѣмъ выгодно. Составители *Изложенія*, во главѣ которыхъ стоялъ Базаръ, и указываютъ на этотъ фактъ. Такъ, введеніе паровыхъ машинъ содѣйствуетъ общему увеличенію богатствъ, но отъ этого не легче рабочимъ, вытѣсненнымъ машиной и остающимся безъ хлѣба. Можетъ-быть, машины и приведутъ впослѣдствіи къ дальнѣйшему росту промышленности и дадутъ больше работы нуждающимся,—напримѣръ, типографіи заняли большее количество людей, чѣмъ раньше переписка,—но пока это совершится, милліоны безработныхъ будутъ умирать съ голоду въ переходное время. „Утѣшатъ ли ихъ наши разсужденія? Потерпятъ ли они съ своей нищетой, потому что статистическія вычисленія доказываютъ, что по прошествіи извѣстнаго



В. Г. Бѣлинскій.

числа лѣтъ у нихъ будетъ хлѣбъ? Несомнѣнно, здѣсь механика ничего не понимаетъ... но соціальное предвидѣніе должно слѣдить, чтобы завоеванія индустріи не были похожи на захваты войны; погребальныя пѣсни не должны больше примѣшиваться къ пѣснямъ радости". Тѣмъ не менѣе сенъ-симонисты все-же остаются защитниками промышленнаго строя. Эксплуатація однихъ классовъ другими всегда лежала въ основѣ общественнаго строя, и хотя эксплуатація не исчезла и въ настоящее время, но она ослабѣла; крѣпостничество было шагомъ впередъ по сравненію съ рабствомъ; теперешнее положеніе рабочаго, его личная свобода и работа по найму является новымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ ослабленія эксплуатаціи. Дальнѣйшій и послѣдній шагъ долженъ заключаться въ реорганизаціи права собственности. Въ современномъ хозяйствѣ право собственности есть, въ сущности, право получать процентъ или ренту, т.-е. доходъ, не основанный на трудѣ. Для устраненія этой формы необходимо сдѣлать государство наслѣдникомъ всего частнаго имущества; если право наслѣдства будетъ отмѣнено и всякое частное имущество будетъ переходить къ государству, тогда исчезнетъ возможность полученія дохода, не основаннаго на трудѣ. Такимъ образомъ, государство должно взять на себя задачу организаціи производительныхъ силъ. Оно должно распредѣлять средства производства. Верховнымъ принципомъ распредѣленія должна служить знаменитая формула сенъ-симонистовъ: „Отъ каждаго—по его способностямъ, каждой способности—по ея дѣламъ". Такимъ образомъ, неравенство сохраняется, болѣе способные получаютъ больше и остаются руководителями производства; но вмѣшательство государства является надежной гарантіей для рабочихъ, что ихъ потребности будутъ приниматься въ расчетъ при организаціи производства.

Несмотря на нѣкоторые пріемы и идеи, усвоенные

Сенъ-Симономъ отъ писателей реакціи, онъ сыгралъ великую роль въ исторіи соціальнаго движенія во Франціи и даже въ другихъ странахъ.

Организація производства на началахъ справедливости,— этотъ идеалъ, какъ путеводная звѣзда, манитъ не только соціологовъ и экономистовъ, но и художниковъ слова. Почти одновременно съ Сенъ-Симономъ выступаетъ другой великій мечтатель, Фурье (1772—1837), такой же энтузіастъ, столь же искренній въ своихъ побужденіяхъ и еще болѣе наивный и трогательный въ своихъ грезахъ. Фурье исходитъ изъ мысли, что для счастья человѣка первымъ условіемъ является богатство. Бѣдность и нужда—источникъ физическихъ страданій и нравственныхъ униженій; матеріальная независимость, напротивъ, является основой всякой другой свободы. Между тѣмъ современное общество организовано такъ, что оно не только не производитъ всѣхъ возможныхъ богатствъ, которыя могли бы обезпечить всеобщее счастье, не только растрачиваетъ попусту производительныя силы, но даже значительную часть ихъ губитъ и разрушаетъ. Къ числу такихъ силъ, которыя ничего не вносятъ въ общую сумму богатствъ, принадлежатъ, напр., люди праздные, проводящіе жизнь въ ничегонедѣланіи, ихъ лакеи, лица, заключенныя въ тюрьмы, какъ классъ людей вынужденной праздности, наконецъ всѣ выброшенные современныхъ обществомъ и враждующіе съ нимъ: мошенники, игроки, воры, разбойники и нищіе, борьба съ которыми требуетъ содержанія полиціи и администраціи, учрежденій тоже непроизводительныхъ; сюда же относятся рабочіе „отрицательнаго производства", т. е. производства, служащаго не для удовлетворенія естественныхъ потребностей человѣка, а вызываемаго несовершенствомъ соціальной организаціи; такимъ отрицательнымъ производствомъ является, напримѣръ, постройка стѣны, ограждающей садъ отъ воровъ, и т. п.

Нужно создать организацію, которая устранила бы эту безплодную колоссальную трату человѣческой рабочей силы. Главное зло нынѣшней организаціи, это— институтъ наемныхъ рабочихъ; работая изъ нужды, по найму, для чужого дѣла, рабочій чувствуетъ отвращеніе къ такому труду, и не удивительно, что производительность его сильно уменьшается. Кромѣ того въ современной организаціи производства нѣтъ единства; каждый думаетъ только о себѣ и стремится къ разоренію конкуррента. Фурье предлагаетъ новую организацію, которая устранитъ всѣ эти отрицательныя явленія. Въ основу этого строя должна лечь образцово организованная община. Частная собственность въ ней не уничтожена, но собственникъ обязанъ отдать свою собственность общинѣ для совмѣстной эксплуатаціи; доходъ, который онъ получитъ при этомъ на внесенную имъ часть, будетъ гораздо больше дохода, который онъ получаетъ при частномъ способѣ эксплуатаціи этой части; поэтому, присоединяя свою часть къ общему имуществу, собственникъ только выиграетъ. Вторая особенность коммуны Фурье заключается въ томъ, что въ ней нѣтъ наемнаго труда: всякій работаетъ въ общемъ производствѣ и изъ выработаннаго продукта получаетъ часть, соотвѣтствующую степени его участія; благодаря этому въ коммунѣ не будетъ рабочихъ, не заинтересованныхъ въ продуктахъ своего труда. Далѣе вся работа въ фалангѣ,— такъ называетъ Фурье эту общину,—должна производиться подъ руководствомъ одной власти; эта власть направляетъ эксплуатацію земли и руководитъ различными отраслями промышленности, такъ какъ земледѣліе и промышленность соединяются въ фалангѣ вмѣстѣ; власть эта будетъ стоить дешево, ей не нужны ни тюрьмы, ни полиція, такъ какъ поводъ къ грабежу, насиліямъ и пр. исчезнетъ, разъ фаланга будетъ доставлять своимъ членамъ не только все необходимое,

но и полный комфортъ, разъ исчезнетъ нищета, и всякій легко можетъ получить все, что ему нужно. Общая кухня въ десятки разъ сократитъ совокупную стоимость массы мелкихъ кухонь. Машины и усовершенствованные способы производства будутъ вводиться легко, такъ какъ исчезнетъ главное препятствіе къ ихъ быстрому введенію, а именно связанное съ этимъ пониженіе зарабатной платы и вытекающая отсюда вражда рабочихъ къ машинамъ. Фаланга не подавляетъ, однако, индивидуальности: всякій, исполнивъ свою часть работы, можетъ остальное время проводить какъ угодно, можетъ даже не пользоваться общей кухней, хотя прямой расчетъ заставитъ его предпочесть общій столъ отдѣльному. Благодаря соединенію въ общихъ рукахъ и производства, и потребленія богатство всѣхъ членовъ фаланги во много разъ превыситъ обычные доходы при современномъ строѣ. Весь продуктъ будетъ дѣлиться на три неравныя части: $^5/_{12}$ идутъ труду, $^4/_{12}$—капиталистамъ и $^3/_{12}$—на вознагражденіе таланту, и при этомъ всѣ, по расчету Фурье, будутъ въ выигрышѣ: талантъ будетъ вознаграждаться гораздо щедрѣе, чѣмъ теперь, доходы капиталиста увеличатся въ три—четыре раза, а плата за трудъ возрастетъ въ шесть—восемь разъ. Фаланга имѣетъ общій грандіозный дворецъ, въ которомъ помѣщаются общій храмъ и театръ. Каждый выбираетъ и меблируетъ себѣ квартиру по своему вкусу (число семействъ, составляющихъ фалангу, Фурье опредѣляетъ примѣрно въ четыреста). Дворецъ этотъ называется фаланстеромъ. Обиліе воздуха, красивая архитектура, тропическія растенія внутри и роскошные сады снаружи, просторъ и общее довольство дѣлаютъ жизнь обитателей фаланстера свѣтлымъ раемъ. Страданіе и злоба невѣдомы обитателямъ этого новаго Эдема. Основаніе одной фаланги вызоветъ немедленно подражанія; весь міръ покроется этими пріютами; зло и горе отойдутъ въ

область мрачнаго прошлаго; царство Божіе осуществиття.

Таковы были мечты утопистовъ. Въ нихъ научное изслѣдованіе и фантазія еще перемѣшаны. Попытки нѣкоторыхъ капиталистовъ основать фаланги въ духѣ Фурье на практикѣ почти всегда терпѣли фіаско или удавались въ сильно урѣзанномъ видѣ. Но значеніе утопистовъ въ исторіи человѣческой мысли отъ этого не умаляется: они хотя и не рѣшились, но все-же выдвинули на первое мѣсто чрезвычайно важный вопросъ объ организаціи производства, о борьбѣ съ бѣдностью, и идеи ихъ не остались безъ послѣдствій: уже во время революціи 1848 года толпа потребовала отъ палаты провозглашенія принципа права на трудъ, и правительство вынуждено было устроить національныя мастерскія, чтобы доставить работу всему рабочему населенію Парижа.

Судьба „самаго бѣднаго и многочисленнаго класса общества“ стала основной проблемой XIX вѣка.

Сенъ-симонисты сыграли извѣстную роль не только въ экономической исторіи, но и въ исторіи женскаго вопроса. Они въ лицѣ одного изъ главныхъ сенъ-симонистовъ, Анфантена, создали знаменитое ученіе о реабилитаціи плоти. Они провозгласили христіанство слишкомъ односторонней религіей, которая изъ двухъ началъ человѣческаго существа отвела мѣсто только духу, признавъ тѣло и его потребности грѣховными. Поэтому христіанство не могло охватить всего общественнаго быта человѣка. Анфантенъ возстановляетъ права плоти и возстановляетъ нарушенную, по его мнѣнію, гармонію. Уваженіе къ этимъ правамъ онъ доводитъ до того, что дѣлитъ людей на постоянныхъ и непостоянныхъ, предоставляя первымъ мѣнять женъ или мужей когда угодно.

Среди мечтателей XIX вѣка, оказавшихъ огромное вліяніе на русскую литературу, нельзя пройти мимо

имени Жоржъ-Сандъ (1804—1876). Она была одновременно и поборницей правъ женскаго сердца, и страстнымъ соціальнымъ реформаторомъ. Она росла среди запутанныхъ отношеній переходной эпохи. Ея дѣтство, протекавшее среди раздоровъ между бабушкой и матерью, научило ее рано понимать соціальные конфликты. Въ деревнѣ у аристократки-бабушки она научилась любить догорающіе остатки стараго дворянства, научилась любить деревню и идиллическій строй патріархальной жизни. Въ домѣ матери она вращалась среди демократовъ и либераловъ, презиравшихъ старыя аристократическія преданія. Ея неудачный бракъ съ пустымъ человѣкомъ раскрылъ передъ нею весь ужасъ безправнаго положенія женщины. Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда она уже была знаменитой писательницей, она была захвачена потокомъ соціальныхъ теорій. И пророки соціальнаго обновленія, и серьезные изслѣдователи, и просто шарлатаны — все это толпилось въ салонѣ даровитой женщины. Не удивительно, что въ ея поэзіи звучали разнообразные мотивы, въ которыхъ не было единства, въ которыхъ то слышался властный крикъ женскаго сердца, требовавшаго права на свободную любовь, то наивный призывъ къ состраданію въ защиту обездоленныхъ массъ, то раздавались восторженные панегирики рыцарской чести и блеску дворянскихъ замковъ, то трогательно говорилось о простотѣ сельскаго существованія.

Первый періодъ литературной дѣятельности Жоржъ-Сандъ, это—періодъ борьбы за права женскаго сердца. Романы этой эпохи, это—безконечная грустная повѣсть страдающей женщины, которую бракъ или общественныя предубѣжденія отдѣляютъ отъ любимаго человѣка. Въ это время она пишетъ „Индіану“, „Валентину“ и „Жака“, выводитъ вереницу женскихъ образовъ, представляющихъ видоизмѣненія одного общаго типа. Въ „Индіанѣ“ сталкиваются женщина, полная чув-

ствомъ своего человѣческаго достоинства, съ сухимъ, тщеславнымъ и самолюбивымъ человѣкомъ. Дельмаръ требовалъ отъ нея покорности. Она была „высокомѣрна и суха въ своей покорности“ и не хотѣла служить объектомъ для его самоуслажденія. Ея послушаніе было послушаніемъ раба, который ненависть сдѣлалъ своимъ достоинствомъ, а несчастье—своей заслугой. Но гордая и упрямая по отношенію къ мужу, она проявляетъ удивительную мягкость, всепрощающую нѣжность и кротость, когда дѣло касается ея любовника, который оскорбляетъ ее и котораго она хочетъ любить открыто и свободно. Если Жоржъ-Сандъ борется за права женщинъ, то она добивается ихъ только въ одной области—въ области любви. Вопросъ семейныхъ отношеній она рѣшаетъ совершенно въ духѣ современныхъ ей утопическихъ мечтаній. Она обращается къ доброму сердцу сильныхъ, тѣхъ, на чью долю выпадали выгоды сложившагося порядка, и требуетъ отъ нихъ самопожертвованія. Романъ „Жакъ“—типичное произведеніе въ этомъ стилѣ. Жакъ—тотъ образъ мужа, который представляется идеаломъ романисткѣ. Передъ свадьбой онъ освобождаетъ свою невѣсту отъ той „гнусной и нелѣпой“ клятвы въ вѣчномъ повиновеніи и любви, которую диктуетъ общество. Онъ произноситъ свою. Если онъ не можетъ ручаться за вѣчную любовь, то клянется вѣчно уважать ее. И Жакъ вѣренъ себѣ. Когда она полюбила другого, онъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ, чтобы предоставить ей свободу. Если принять въ расчетъ, что случайно умерли и дѣти Жака, которыя могли помѣшать новому браку, то станетъ понятнымъ, насколько дѣланной является такая развязка, какъ наивно рѣшенъ вопросъ. Главная ошибка утопическаго соціализма—смѣшеніе соціальнаго и моральнаго вопросовъ, рѣшеніе перваго при помощи второго—переносится Жоржъ-Сандъ въ область семейныхъ отношеній.

Когда во второй половинѣ своей дѣятельности романистка расширила область своего творчества и перешла къ широкимъ экономическимъ и соціальнымъ вопросамъ, она осталась на почвѣ утопическаго соціализма. Ея романъ „Грѣхъ г. Антуана"—характерное произведеніе въ этомъ смыслѣ. Передъ нами представители всѣхъ общественныхъ группъ: идеализированный отпрыскъ старой аристократіи г. Антуанъ, съ его рыцарскими понятіями о чести, съ его вѣрой въ людей и дворянскимъ благородствомъ, предприниматель Кардонне, истинный вождь современной промышленности, вызывающій къ жизни колоссальныя предпріятія, сковывающій стихіи, человѣкъ съ желѣзной волей, не знающій покоя, съ утра до вечера, подобно полководцу, отдающій распоряженія. Это—представитель буржуазіи, только-что побѣдившей, только-что отмѣнившей дворянскія привилегіи и провозгласившей свободу конкурренціи. Онъ знаетъ, что за нимъ исторія, чувствуетъ себя сильнымъ, а свое положеніе непоколебимымъ. Но здѣсь же въ лицѣ его сына Эмиля передъ нами будущее. Это—соціалистъ утопическаго склада, фурьеристъ и мечтатель. Ему еще неясно это будущее. Въ спорахъ его съ отцомъ побѣда на сторонѣ отца. Его сынъ не можетъ противопоставить стройной и законченной системѣ капиталистическаго строя другой порядокъ, основанный такъ же прочно на условіяхъ реальной дѣйствительности. На ясные вопросы отца сынъ отвѣчаетъ туманными мечтами. Подобно утопическимъ соціалистамъ, онъ думаетъ, что можно сохранить основы капиталистическаго строя, оставить власть въ рукахъ предпринимателей и въ то же время создать всеобщее счастье. Онъ думаетъ рѣшить соціальный конфликтъ, обращаясь не къ организаціямъ эксплуатируемыхъ, а къ доброму сердцу эксплуататоровъ. Онъ еще вѣритъ, что интересы тѣхъ и другихъ не расходятся и что ихъ антагонизмъ—резуль-

татъ взаимнаго непониманія. Крестьянинъ и рабочій Жанъ дополняетъ рядъ выведенныхъ фигуръ. Это не живой человѣкъ, а идеализація. Онъ—артистъ въ душѣ, человѣкъ порыва и высшихъ запросовъ. Онъ спасается отъ преслѣдованій полиціи. Кардонне готовъ вернуть его къ порядочной жизни, но для этого Жанъ долженъ стать обыкновеннымъ рабочимъ, отказаться отъ собственной жизни, отъ устройства собственной хижины согласно со своими вкусами, и т. д. Несмотря на соблазнительныя условія, которыя предлагаетъ Кардонне смышленому и полезному крестьянину, послѣдній отказывается и предпочитаетъ свою скитальческую жизнь. Таково рѣшеніе вопроса. Отзвуки сенъ-симонистскихъ, а особенно фурьеристскихъ идей слышатся въ этомъ произведеніи, гдѣ мечтательному уму Эмиля Кардонне рисуется община наподобіе фаланги,—община, объединяющая промышленное и сельскохозяйственное дѣло, гдѣ больше пламеннаго стремленія къ всеобщему счастью, чѣмъ трезваго пониманія реальныхъ условій.

Въ концѣ жизни, утомленная борьбою, свидѣтельница бурь и революціонныхъ ужасовъ, Жоржъ-Сандъ съ особенной любовью обращается къ природѣ и деревнѣ. Она хочетъ вернуться къ идеалу „покоя невинности и грезъ“. „Въ тѣ дни,—пишетъ она,—когда зло приходитъ вслѣдствіе взаимнаго непониманія и ненависти между людьми, призваніе художника состоитъ въ томъ, чтобы прославлять кротость, взаимное довѣріе, дружбу и напоминать людямъ зачерствѣлымъ или павшимъ духомъ о томъ, что чистота нравовъ, нѣжность чувствъ и первобытная справедливость все еще живутъ или могутъ жить на свѣтѣ. Не въ прямыхъ намекахъ на совершающіяся бѣдствія, не въ призывѣ и безъ того волнующихся страстей заключается путь къ спасенію; нѣжная пѣснь, звукъ деревенской свирѣли, сказка, убаюкивающая маленькихъ ребятъ безъ

страха и страданія, будутъ болѣе дѣйствительны, чѣмъ изображеніе дѣйствительныхъ золъ, раскрашенное густыми красками преувеличеннаго вымысла".

IV.

Бѣлинскій. — Дѣтство. — Школа. — Университетъ. — Юношеская трагедія „Димитрій Калининъ". — Вліяніе Надеждина. — Кружки. — Станкевичъ. — Вопросъ о „переворотѣ" въ направленіи Бѣлинскаго по переѣздѣ въ Петербургъ. — Начало славянофильства. — Послѣдніе годы жизни Бѣлинскаго.

Въ рѣдкую эпоху теоретическая мысль и дѣйствительность были отдѣлены другъ отъ друга такой глубокой пропастью, какъ въ это мрачное время. Съ одной стороны—гармоническія системы нѣмецкой философіи, съ высоты которыхъ безконечное разнообразіе видимаго міра получало стройность и единство, и соціальныя мечты французскихъ утопистовъ, сулившія осуществленіе всеобщаго счастья при помощи одного нравственнаго усилія. Съ другой стороны—печальная русская дѣйствительность, бюрократическая вакханалія и крѣпостное право, — живое отрицаніе и нѣмецкой гармоніи, и французскихъ соціальныхъ чаяній. Въ эту эпоху жилъ и писалъ Бѣлинскій, въ лицѣ котораго соединилось теоретическое стремленіе нѣмецкаго ума къ философскому единству, пламенный порывъ французскихъ мечтателей къ соціальной справедливости и „великое сердце", судорожно и больно сжимавшееся отъ каждаго стона русскаго общества, отъ слезъ и страданій, наполнявшихъ русскую землю. Съ болѣзненной силой воспринялъ Бѣлинскій все то, что могла открыть эта эпоха жадному уму и чуткому сердцу. Точно нарочно судьба бросила этотъ нетерпѣливый

умъ въ омутъ противорѣчій николаевскаго времени. Для каждой эпохи существуетъ свой типъ творческаго генія, который особенно сильно способенъ воплотить ея надежды и разочарованія. Именно въ Англіи съ пуризмомъ ея общества, съ ея консервативнымъ національнымъ складомъ, съ ея строгою обрядностью и охраной внѣшнихъ формъ жизни и обычаевъ гордый индивидуалистъ могъ въ высшей степени пережить ту міровую тоску, которую пережилъ Байронъ. Именно тамъ могъ развиться его титаническій порывъ къ одиночеству, его тоскующее презрѣніе къ человѣчеству. Жизненный путь Бѣлинскаго отъ колыбели до послѣдняго издыханія былъ усѣянъ терніями. Съ ранняго дѣтства его пытливый умъ бился въ тискахъ, которыми николаевская эпоха сжала все, что выходило изъ рамокъ строя, начертаннаго бюрократическимъ режимомъ. Мы видѣли, что мертвящая сила этого режима проявлялась всюду, – и въ казенномъ характерѣ тогдашняго просвѣщенія; въ безсодержательности и пошлости обывательскаго существованія; въ безконтрольномъ могуществѣ хищнаго чиновничества; въ практическомъ безсиліи теоретической мысли и завоеваній западной философіи и науки.

Бѣлинскій вынесъ всѣ удары этого режима, и подъ этими ударами развивался его творческій геній съ такимъ страстнымъ порывомъ къ свободѣ, на какой способенъ только орелъ, заключенный въ клѣтку. Въ ужасахъ николаевской эпохи нашелъ онъ неисчерпаемый источникъ доказательствъ въ защиту поруганнаго человѣческаго достоинства, въ пользу незыблемыхъ правъ человѣческой личности.

Бѣлинскому было пять лѣтъ, когда отецъ его переселился въ 1816 г. въ г. Чембаръ Пензенской губерніи. Нетрудно представить себѣ картину захолустной жизни, среди которой протекало дѣтство отзывчиваго и болѣзненно-чуткаго ребенка. „Общество, которое

дитя встрѣчало у отца,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Лажечниковъ,—были городскіе чиновники, большею частью члены полиціи, съ которыми уѣздный лѣкарь (отецъ Бѣлинскаго) имѣлъ дѣло по своей должности (отъ которой ничего не наживалъ). Общество это видѣлъ онъ нараспашку, часто за ерофеичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, обращавшіяся болѣе всего около частныхъ интересовъ, приправленныя цинизмомъ взяточничества и мелкихъ продѣлокъ, видѣлъ воочію неправду и черноту, не замаскированныя боязнью гласности, не закрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведерку крестное цѣлованіе понятыхъ, и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ, и пр. Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, вѣчную борьбу съ ними, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ изъ наболѣвшей груди его вырывались грозно обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его". Эта безотрадная картина не утрачиваетъ своего значенія даже вслѣдствіе поправокъ другихъ современниковъ, которые свидѣтельствуютъ, что она страдаетъ преувеличеніями, а главное, что отецъ Бѣлинскаго, человѣкъ умный, понимавшій своего даровитаго сына, держался по возможности въ сторонѣ отъ провинціальнаго общества и не участвовалъ въ продѣлкахъ тогдашней администраціи. Если не всегда лично, то по разсказамъ зналъ онъ, что творилось вокругъ. Въ семьяхъ знакомыхъ помѣщиковъ видѣлъ онъ потрясающія картины крѣпостного быта, и этого было достаточно, чтобы печальная русская дѣйствительность получила надлежащее освѣщеніе въ умѣ Бѣлинскаго уже съ ранняго дѣтства.

Въ семьѣ тоже не было мира и согласія. Мать пред-

ставляла собою типъ екатерининскаго вѣка, когда „идолопоклонство чинамъ и общественнымъ званіямъ замѣняло вѣру въ человѣческое достоинство“. Она помнила, что была дочерью флотскаго офицера, и относилась свысока къ мужу-поповичу, который былъ склоненъ къ юмору и насмѣшкѣ и равнодушно относился къ ея упрекамъ. Семейныя трагедіи отравили беззаботную пору дѣтства будущаго писателя. Мало отраднаго дала Бѣлинскому и школа. Достаточно вспомнить, что одинъ изъ преподавателей чембарскаго уѣзднаго училища, гдѣ учился Бѣлинскій, былъ „страстный любитель наказаній, розогъ, которыя онъ употреблялъ иногда въ видѣ ласки, наказывая ими сквозь платье, ради потѣхи совершенно невиннаго и прилежнаго мальчика“ и успокаивая потомъ немилосердно избитаго мальчика ласками и щекоткой. Передъ родителями такая система воспитанія оправдывалась „будущей пользой“. Немногимъ лучше обстояло дѣло и въ пензенской гимназіи, куда Бѣлинскій перешелъ изъ чембарскаго училища. Въ этой гимназіи незадолго до поступленія Бѣлинскаго происходила знаменитая сцена—„погребеніе кота мышами“: ученики выносили на рукахъ учителя словесности изъ класса—нетрудно догадаться въ какомъ видѣ. Но таково уже великое значеніе знанія, что прикосновеніе къ его источнику, даже загрязненному и поруганному, оказываетъ неотразимое дѣйствіе на пытливый умъ, ищущій свѣта. Среди мертвящей провинціальной педагогіи Бѣлинскій отыскалъ лучи свѣта. Онъ, подростокъ, сталъ другомъ и почти равнымъ собесѣдникомъ одного изъ немногихъ мыслящихъ и образованныхъ преподавателей, М. М. Попова, у котораго Бѣлинскій нашелъ книги и журналы. Поповъ, преподаватель естественной исторіи, страстно любилъ литературу, и часто уроки естествознанія превращались въ горячіе дебаты о Шекспирѣ, Байронѣ и Пушкинѣ.

Вотъ что дало дѣтство и отрочество Бѣлинскому. Тяжелая крѣпостническая дѣйствительность въ общественной жизни, отсутствіе ласки и женскаго призора въ семьѣ, школьная рутина и свѣтлый міръ идей, манившій его въ твореніяхъ поэтовъ и въ журналахъ, гдѣ уже благодаря Полевому и Надеждину вѣялъ духъ западной философской и критической мысли. Въ университетѣ Бѣлинскій столкнулся на первыхъ порахъ съ тѣми же спутниками своей горькой доли—съ бѣдностью и казеннымъ формализмомъ, съ своимъ одиночествомъ и сиротливостью. Инспекторъ Чумаковъ „самымъ грубымъ образомъ“ грозилъ прогнать изъ университета всѣхъ своекоштныхъ, которые „черезъ недѣлю не будутъ имѣть форменной одежды“. Денегъ у Бѣлинскаго не было и, чтобъ исполнить требованіе Чумакова, приходилось выпрашивать ихъ у отца, но присылка ихъ сопровождалась бранью, которая, по словамъ бѣднаго студента, „раздирала душу, приводила въ отчаянье“. Жизнь на казенномъ коштѣ (одно время сносную) Бѣлинскій въ сентябрѣ 1830 г. называетъ ужасной: „Лучше быть подьячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ, нежели жить на этомъ каторжномъ, проклятомъ казенномъ коштѣ“. Но зато здѣсь закипѣла та умственная жизнь, которой Бѣлинскій жадно искалъ въ пензенскомъ захолустьѣ. „11 нумеръ“, гдѣ жилъ Бѣлинскій, сталъ свидѣтелемъ горячихъ споровъ о классицизмѣ и романтизмѣ, о Пушкинѣ, Державинѣ и Ломоносовѣ, о лекціяхъ профессоровъ, о журнальныхъ статьяхъ. Здѣсь передъ кружкомъ товарищей прочелъ Бѣлинскій свою юношескую трагедію, которой суждено было сыграть роковую роль въ его университетской карьерѣ, которая лучше всякихъ изслѣдованій говоритъ о томъ, что первый порывъ его литературнаго вдохновенія принадлежалъ страдающему народу. И какъ бы ни уклонялся впослѣдствіи Бѣлинскій въ сторону отвлеченныхъ умство-

ваній, этотъ первый порывъ никогда не угасалъ въ немъ и всегда согрѣвалъ благороднымъ чувствомъ его произведенія.

Какъ ни мелодраматиченъ сюжетъ „Димитрія Калинина", даже въ настоящее время нельзя отрѣшиться отъ обаятельнаго дѣйствія нѣкоторыхъ мѣстъ ея. Ея главный герой Димитрій—герой во вкусѣ юношескихъ трагедій Шиллера и Лермонтова. Рядъ трагическихъ тайнъ окружаетъ его. Онъ воспитывается въ домѣ помѣщика. Онъ—побочный сынъ его, но никто этого не знаетъ. Его ненавидятъ въ домѣ всѣ, кромѣ отца, который обращается съ нимъ какъ съ своими дѣтьми. Онъ любитъ Софью, законную дочь своего отца, и она отвѣчаетъ ему пламенной взаимной страстью. Но вотъ отецъ его умираетъ, и домашніе начинаютъ вымѣщать на немъ свою злобу. Софью хотятъ насильно выдать замужъ за гнуснаго соблазнителя князя Кизяева, а благороднаго Димитрія (который числился по бумагамъ сыномъ крѣпостной и которому отецъ не успѣлъ передъ смертью дать отпускную) заставляютъ служить лакеемъ во время свадебнаго пиршества. Не помня себя, Димитрій убиваетъ брата Софьи Андрея. Его арестуютъ. Но Димитрій бѣжитъ изъ тюрьмы; съ „разорванной цѣпью на рукѣ" является снова въ домъ Лѣсинской, послѣ пламеннаго объясненія съ Софьей, не видя исхода, онъ, по ея просьбѣ, убиваетъ ее, а затѣмъ, сорвавъ съ руки цѣпь, закалывается, трагически воскликнувъ: „Свободнымъ жилъ я, свободнымъ и умру!" Трагедія полна ужасовъ. Помимо главной интриги, въ нее вплетены печальная исторія женщины, соблазненной Кизяевымъ, трагедія Сурскаго, пріятеля Димитрія, и т. д. Но въ чемъ авторъ не поскупился на краски, это въ изображеніи страданій крѣпостного народа. Онъ описываетъ жестокія расправы на конюшнѣ, гдѣ безпощадно дерутъ всѣхъ — и стариковъ, и женщинъ. Онъ разсказываетъ тяжелую исторію, какъ

жадная Лѣсинская погубила счастье цѣлой зажиточной семьи, безчеловѣчно ограбивъ ее, а затѣмъ сдавъ въ солдаты единственнаго сына въ отместку за то, что разоренный мужикъ осмѣлился запротестовать. Умерла съ горя мать. Спился и погибъ отецъ. И при видѣ этихъ ужасовъ авторъ влагаетъ въ уста Димитрія слова, которыя точно выхвачены изъ шиллеровскихъ „Разбойниковъ“ или „Коварства и любви“. „Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами? Кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ для потѣхи или для разсѣянья содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, братьями, со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже, Отецъ человѣковъ, отвѣтствуй мнѣ! Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змiевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?..“

Извѣстны послѣдствія перваго литературнаго выхода Бѣлинскаго. Онъ послужилъ истинной причиной его исключенія изъ университета.

На административныхъ порядкахъ университета лежала печать бюрократическаго формализма. Имъ же было проникнуто и университетское преподаваніе. Профессора читали по чужимъ руководствамъ. „Умнѣе Пленка не сдѣлаешься, хоть и напишешь свое собственное“,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, объясняя, почему онъ „будетъ читать по Пленку“. Шевырева и Надеждина еще не было на словесномъ факультетѣ.

Тускло и холодно, по выраженію К. Аксакова, свѣтило тогда „солнце истины“ въ московскомъ университетѣ, но „живыя, не подавленныя силы находили къ ней дорогу“. Какъ въ мертвящемъ преподаваніи пензенской гимназіи Бѣлинскій жадно ловилъ слѣды свѣта и знанія, такъ и здѣсь, въ университетѣ, онъ и кружокъ его даровитыхъ товарищей сквозь тусклый свѣтъ „солнца истины“ разглядѣли его настоящій яркій блескъ. То, чего не давали сухія лекціи профессоровъ, студенты находили въ тогдашней литературѣ, въ товарищескихъ бесѣдахъ и горячихъ спорахъ. Здѣсь складывался увлекательный типъ юнаго гегеліанца, съ его пламенной вѣрой, съ его поспѣшными обобщеніями и апріорными построеніями, съ его незнаніемъ фактовъ и реальной дѣйствительности, съ его философскимъ паѳосомъ и практической непригодностью,—тотъ типъ, черты котораго собраны въ Рудинѣ и разсѣяны въ герояхъ романовъ 40 и 50-хъ годовъ. Появленіе на университетской каѳедрѣ Надедина, въ концѣ пребыванія Бѣлинскаго въ университетѣ, еще болѣе всколыхнуло умы молодежи. Еще до него интересъ къ философскимъ вопросамъ былъ пробужденъ проф. Павловымъ. Надеждинъ вліялъ не только какъ профессоръ, но и въ качествѣ журналиста. Критика Полевого и Надеждина была однимъ изъ главнымъ факторовъ, будившихъ умы. Правда, новѣйшіе изслѣдователи уничтожили тотъ ореолъ, которымъ было окружено имя Надеждина въ качествѣ вдохновителя и главнаго учителя Бѣлинскаго. Въ первомъ томѣ венгеровскаго изданія сочиненій Бѣлинскаго приведены цѣнныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что многія стороны дѣятельности Надеждина имѣли отрицательное значеніе въ исторіи развитія русской мысли.

Тѣмъ не менѣе, его лекціи все-таки были важнымъ факторомъ умственнаго развитія молодежи въ 30-хъ го-

дахъ. Быть-можетъ, правильнѣе всего его роль опредѣляется въ слѣдующихъ словахъ К. Аксакова: „Надеждинъ производилъ, съ начала своего профессорства, большое впечатлѣніе своими лекціями. Онъ всегда импровизировалъ. Услышавъ умную, плавную рѣчь, почуявъ, такъ сказать, воздухъ мысли, молодое поколѣніе съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ юношей; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ знаній. Тѣмъ не менѣе, строго и справедливо оцѣнивъ Надеждина, студенты его любили и, уже не увлекаясь, охотно слушали его рѣчи. Я помню, что Станкевичъ, говоря о недостаткахъ Надеждина, прибавилъ, что „Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими лекціями, и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ“.

Таковы были надежды и разочарованія, которыя принесъ Бѣлинскому университетъ. Онъ далъ ему новый матеріалъ для пониманія тяжелой русской дѣйствительности. Но онъ же послужилъ просвѣтомъ въ царство нѣмецкой философіи и французской соціальной мысли. Мы видѣли уже, что эти два теченія были господствующими въ то время въ Европѣ. Они сдѣлались руководящими и для московской студенческой молодежи. Образовалось два кружка. Центромъ одного изъ нихъ, къ которому принадлежалъ и Бѣлинскій, былъ Станкевичъ. Душой второго были Герценъ и его другъ Огаревъ. Надъ умами членовъ перваго кружка царила нѣмецкая философія. Второй былъ проникнутъ духомъ французской соціальной мысли. Оба кружка знали другъ о другѣ, но между ними не было симпатіи. Гегеліанцамъ съ высоты ихъ всеобъемлющихъ теорій казались мелкими политическія, соціальныя, злободневныя стремленія ихъ товарищей, а этимъ послѣд-

нимъ представлялись слишкомъ отвлеченными, фантастичными и безплодными споры русскихъ гегеліанцевъ Кружокъ Станкевича сталъ собираться впервые, когда Бѣлинскій и Станкевичъ были еще студентами.

Біографъ Станкевича вѣрно опредѣляетъ тонъ мыслей, господствовавшихъ въ этомъ кружкѣ, когда въ немъ окончательно установилось влеченіе къ философскимъ занятіямъ, подъ первыми сильными впечатлѣніями идей шеллингова пантеизма. „Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь, когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума. Съ какою юношеской и благородной гордостью понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни! По свойству и праву мышленія, онъ переносилъ видимую природу въ самого себя, разбиралъ ее въ нѣдрахъ собственнаго созданія,—словомъ, становился ея центромъ, судьей и объяснителемъ. Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія... Чѣмъ свѣтлѣе отражался въ немъ самомъ вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. На концѣ всего воззрѣнія стояли нравственныя обязанности, и одна изъ необходимыхъ обязанностей—высвобождать въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго, для того, чтобъ имѣть право на блаженство дѣйствительнаго, разумнаго существованія“.

Какъ извѣстно, съ переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ въ немъ начинается переходъ отъ прежнихъ московскихъ метафизическихъ идеаловъ къ новымъ

общественнымъ. Въ письмѣ отъ 3-го февраля 1840 г. онъ пишетъ:

„Петербургъ былъ для меня страшною скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе. Это было необходимо, и лишь бы послѣ стало лучше, я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти гнусныя финскія болота... Мы весь Божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ“.

Въ письмѣ отъ 13-го іюня 1840 г. еще яснѣе этотъ переходъ. Бѣлинскій уже сознаетъ связь между личностью и обществомъ.

„На насъ обрушилось безалаберное состояніе общества, въ насъ отрицался одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ общества, силой отторгнутаго отъ своей непосредственности и принужденнаго тернистымъ путемъ итти къ пріобрѣтенію разумной непосредственности, къ *очеловѣченью*... Воспитаніе лишило насъ религіи, обстоятельства жизни (причина которыхъ въ состояніи общества) не дали намъ положительнаго образованія и лишили *всякой* возможности сродниться съ наукой; съ дѣйствительностью мы въ ссорѣ и по праву ненавидимъ и презираемъ ее, какъ она по праву ненавидитъ и презираетъ насъ. Гдѣ же убѣжище намъ?—На необитаемомъ островѣ, которымъ и былъ нашъ кружокъ... Въ Петербургѣ съ необитаемаго острова я очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ, — и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ *москводушію* (т. е. къ идеалистическому простодушію), но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ... Отчего же европеецъ въ страданіи бросается въ общественную дѣятельность и находитъ въ ней выходъ изъ самаго страданія?..“

Нѣтъ болѣе сжатой и яркой картины, рисующей процессъ того знаменитаго „переворота“, о которомъ такъ много писали. Былъ ли уже въ дѣйствительности этотъ поворотъ? Не было ли пресловутое „отреченіе“ Бѣлинскаго неизбѣжнымъ и совершенно естественнымъ логическимъ развитіемъ его мыслей? Дѣйствительность онъ „презиралъ и ненавидѣлъ“ всегда,— и въ московскій, и петербургскій періодъ своей жизни. Съ обобщающимъ умомъ, жадно ищущимъ философской основы, онъ тоже не разставался никогда ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Если въ Москвѣ въ гармоническихъ системахъ легче было не видѣть брешей и трещинъ, портившихъ картину, то на то Москва и была его юностью. То былъ медовый мѣсяцъ молодой ликующей русской мысли, а въ это время все, что нарушаетъ гармонію, кажется такимъ безсильнымъ и легко устранимымъ. Въ дѣйствительности же эти трещины и бреши никогда не были скрыты отъ глазъ Бѣлинскаго. Если въ первый періодъ онъ рѣже и не съ такой болѣзненной силой обращался къ нимъ, а во второй понялъ, что съ нихъ и только съ нихъ надо начать, — то это было необходимо, это и дало намъ настоящаго Бѣлинскаго. Только побывавъ на высотахъ, онъ принесъ съ собою внизъ тотъ пламенный энтузіазмъ, который далъ ему силу постоянно измѣрять видимую дѣйствительность съ точки зрѣнія высшихъ идеаловъ, относиться къ язвамъ тогдашней общественной жизни съ безпощадной ненавистью фанатика. Только сдѣлавъ титаническое и безплодное усиліе, чтобы усмотрѣть въ мірѣ гармонію, можно было уже потомъ такъ благородно ненавидѣть все, что нарушало эту гармонію.

Итакъ, измѣны не было. Была только вторая стадія борьбы. Въ области русской жизни это былъ переходъ отъ примиренія къ страданію или, вѣрнѣе, отъ скрытаго страданія къ открытому. „Любовь моя къ род-

ному, къ русскому, стала грустнѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, „но опредѣленіе гнусно, грязно, подло“. Въ области мысли, въ отношеніи къ западнымъ мыслителямъ это былъ переходъ отъ нѣмецкой философіи къ французскимъ соціологамъ. „Съ французами я помирился совершенно. Не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ всемірно-историческое значеніе велико. Они не понимаютъ абсолютнаго и конкретнаго, но живутъ и дѣйствуютъ въ ихъ сферѣ“.

Таковъ смыслъ этого „переворота“, который можно считать вполнѣ завершившимся къ началу 1841 года. Теперь Бѣлинскій рѣзко порывалъ съ прошлымъ, самой этой рѣзкостью свидѣтельствуя о томъ, что онъ удержалъ изъ этого прошлаго гораздо больше, чѣмъ думалъ. „Измѣна“ была вовсе не такъ страшна, но Бѣлинскій, сохранивъ вполнѣ свою жажду философскаго единства, хотѣлъ противопоставить свои теперешнія воззрѣнія прежнимъ, какъ два совершенно противоположныхъ міросозерцанія. Ему тяжело теперь вспомнить свою выходку противъ Мицкевича, благороднаго и великаго поэта, котораго онъ печатно назвалъ крикуномъ и у котораго онъ хотѣлъ „отнять священное право оплакивать паденіе того, что дороже ему всего въ мірѣ и въ вѣчности—его родины“... Ему тягостно вспомнить, что онъ „съ художественной точки зрѣнія“ осудилъ „Горе отъ ума“, не догадываясь, что „это — благороднѣйшее гуманическое произведеніе, энергическій (и притомъ еще первый) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ-развратниковъ“... Когда говорятъ о вліяніяхъ, содѣйствовавшихъ новому направленію мыслей Бѣлинскаго, то указываютъ цѣлый рядъ причинъ. Столкновеніе съ Герценомъ, въ которомъ Бѣлинскій почувствовалъ

впервые равнаго себѣ по силѣ противника изъ другого кружка, россійская дѣйствительность, которую онъ увидалъ въ Петербургѣ, наконецъ, вліяніе французскихъ писателей соціальнаго направленія,—вотъ что заставило его съ высотъ гегелевской философіи спуститься въ міръ дѣйствительности. Несомнѣнно, что всѣ указанные факты имѣли мѣсто. Но не слѣдуетъ забывать, что и съ россійской дѣйствительностью, и съ герценовскимъ кружкомъ, и съ французскими идеями Бѣлинскій сталкивался и въ московскій періодъ. Если тогда онъ отвернулся отъ нихъ, а теперь подхватилъ и горячо воспринялъ все, что вытекало изъ нихъ, то причиной былъ прежде всего отмѣченный выше естественный ходъ его собственнаго развитія.

Кружокъ Бѣлинскаго теперь расширился. Въ немъ ясно обозначились тѣ черты, которыя стали характерными для такъ-называемыхъ „людей сороковыхъ годовъ". Герценъ и Бѣлинскій, прежде противники, а теперь друзья, Боткинъ и Грановскій были членами этого новаго кружка, въ которомъ слились лучшія стороны обоихъ прежнихъ кружковъ: увлеченія гегеліанцевъ и эстетовъ и соціально-политическій пылъ общественниковъ. Этотъ кружокъ стали называть „западнымъ" въ противоположность тогда же возникшему славянофильству. Съ 1841 года началось изданіе „Москвитянина", во главѣ котораго стояли Погодинъ и Шевыревъ. Въ началѣ 1842 года вышла первая книжка съ своего рода манифестомъ Шевырева, открывшимъ, если можно такъ выразиться, офиціально славянофильскую школу. Въ этой статьѣ заключались намеки на „литературнаго бобыля", одѣтаго „въ броню наглости", подъ коимъ разумѣлся Бѣлинскій. Послѣдній отвѣчалъ въ 3-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" статьею „Педантъ, литературный типъ", и бой загорѣлся, — бой, богатый послѣдствіями. „Педантъ"

задѣлъ враговъ, и вражда надолго стала непримиримой, хотя въ началѣ друзья Бѣлинскаго были въ хорошихъ мирныхъ отношеніяхъ съ такими вождями славянофильства, какъ Хомяковъ и Кирѣевскіе. Окончательный разрывъ московскихъ друзей Бѣлинскаго съ славянофилами произошелъ позднѣе; около средины 40-хъ годовъ Бѣлинскій развернулся во всю ширь своего таланта. „Отечественныя Записки“ стали могучимъ орудіемъ развитія русскаго общественнаго мнѣнія, образовательной силой, воспитывавшей молодое поколѣніе, и статьи Бѣлинскаго, даже безъ подписи автора, читающая масса легко узнавала. А между тѣмъ жизненный путь великаго страстотерпца русской литературы по-прежнему былъ усѣянъ терніями. Его письма отъ 1843 года полны мрачнымъ отчаяніемъ. Онъ бился въ тискахъ нужды и цензуры. „Все лучшее“ безпощадно вырѣзывалось. Все то, чѣмъ не дорожилъ критикъ, пропускалось цѣликомъ. Духовные жандармы этой эпохи проникали въ самое сердце, чтобы наносить самые больные, самые жестокіе удары. „Писать становится невозможнѣе и невозможнѣе“, „огадили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткой“,—таковы жалобы, наполняющія письма этого времени. А молчать нельзя было, нужно было писать, заниматься „враньемъ“, такъ какъ нужда не ждетъ. Нетрудно догадаться, что переживалъ при этомъ человѣкъ такого душевнаго склада, какъ Бѣлинскій. Одинъ разъ Панаевъ засталъ Бѣлинскаго, ходящаго по комнатѣ въ волненіи „и съ усиліемъ махающаго правой рукой“. На вопросъ Панаева Бѣлинскій сказалъ: „Рука отекла отъ писанія... Я часовъ восемь сряду писалъ, не вставая... Если бы вы знали, какое вообще мученіе повторять зады, твердить одно и то же—все о Лермонтовѣ, Гоголѣ и Пушкинѣ, не смѣть выходить изъ опредѣленныхъ рамъ—все искусство да искусство! Ну, какой я литературный критикъ! Я рожденъ памфле-

тистомъ,—и не смѣть пикнуть о томъ, что накипѣло на душѣ, отчего сердце болитъ!“

Послѣдніе годы жизни не принесли отдыха и радости Бѣлинскому. Нужда и гнетъ николаевскаго режима до могилы остались его спутниками. Въ 1846 году онъ покидаетъ „Отечественныя Записки“ вслѣдствіе разногласій съ редакціей и переходитъ въ „Современникъ“, въ который ему удается вдохнуть новыя силы, собравъ подъ его знамя своихъ друзей. Но и здѣсь онъ не находитъ себѣ матеріальнаго обезпеченія и нравственнаго успокоенія. И здѣсь у него не налаживаются согласныя отношенія съ редакціей. Наконецъ, въ маѣ 1847 года измученному борьбой, больному писателю удается вырваться за границу. Поздній отдыхъ не помогъ ему. По его возвращеніи болѣзнь возобновилась: „Я хрипѣлъ и задыхался,—пишетъ онъ объ одномъ приступѣ болѣзни,—словомъ, это былъ вечеръ хуже самыхъ худшихъ дней прошлой зимы, когда я безпрестанно умиралъ“. А между тѣмъ тучи сгущались. Зловѣщіе симптомы говорили, что приближается самое мрачное время николаевскаго царствованія. Стали носиться какіе-то неблагопріятные для Бѣлинскаго слухи, „все какъ-то душнѣе и мрачнѣе,—говоритъ Панаевъ,—становилось кругомъ него, статьи его разсматривались все строже и строже“. Наступалъ 1848 годъ,—годъ великихъ броженій въ Европѣ и мрачной реакціи у насъ,—наступали послѣднія самыя ужасныя семь лѣтъ николаевскаго царствованія. Болѣзнь Бѣлинскаго становилась все мучительнѣе. „Къ веснѣ,—разсказываетъ Панаевъ,—болѣзнь начала дѣйствовать быстро и разрушительно. Щеки его провалились, глаза потухали, изрѣдка только горя лихорадочнымъ огнемъ, грудь впала, онъ еле передвигалъ ноги и начиналъ дышать страшно“.

26-го мая, въ шестомъ часу утра, его не стало. Онъ „умеръ во-время“, не доставивъ жандармамъ удоволь-

ствія и возможности сгноить его въ тюрьмѣ и навѣявъ на нихъ чувство разочарованія. Его имя долго послѣ его смерти нельзя было упоминать. Нѣсколько словъ въ обоихъ журналахъ, почти созданныхъ имъ, были единственнымъ надгробнымъ словомъ о великомъ страстотерпцѣ русской литературы. По тому времени они не могли сказать больше. Только когда миновало мрачное семилѣтіе,—въ 1856 году было впервые снова упомянуто имя Бѣлинскаго, до тѣхъ поръ остававшагося безыменнымъ „критикомъ 40-хъ годовъ".

ОТДѢЛЪ II.

Три главныхъ направленія въ русской литературѣ 40-хъ годовъ: офиціальная народность, славянофильство и западничество. — Булгаринъ.—Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковы.— Чаадаевъ.—Бѣлинскій.

V.

„Литературныя мечтанія".—Основная точка зрѣнія Бѣлинскаго въ этой статьѣ.—Взгляды на народъ, на офиціальную дѣйствительность, на русскую исторію, на прошлое русской литературы, на искусство.—Общественный элементъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ".—Либерализмъ и соціализмъ.

„Не ищите въ моей „Элегіи въ прозѣ" строгаго логическаго порядка. Элегисты никогда не отличались большою правильностью мышленія. Я имѣлъ цѣлью высказать нѣсколько истинъ, частью уже сказанныхъ, частью мною самимъ замѣченныхъ; но не имѣлъ времени хорошенько обдумать и обработать свою статью; у меня есть любовь къ истинѣ и желаніе общаго блага, но, можетъ-быть, нѣтъ основательныхъ познаній"...

Такими словами заканчиваются „Литературныя мечтанія". Идеи развиваются органически. Всякая новая мысль, всякое новое умственное завоеваніе является результатомъ продолжительной напряженной работы общества. Но мы привыкли пріурочивать начало каждой новой литературной эры къ конкретнымъ фактамъ, къ опредѣленному произведенію, въ которомъ особенно рѣзко отлились стремленія и чаянія эпохи, которое надолго впередъ опредѣлило задачи общества. Съ этой точки зрѣнія знаменитую „Элегію" Бѣлинскаго можно поставить во главѣ новѣйшей русской

литературы. Она неясно и смутно намѣчаетъ основы того міровоззрѣнія, которое въ теченіе полувѣка оставалось господствующимъ въ русской литературѣ, которое не уступило своей позиціи и въ настоящую минуту, несмотря на поднимающіяся новыя волны, идущія изъ другихъ источниковъ.

„Литературныя мечтанія“! Наивными представляются теперь многіе выводы и обобщенія этой „Элегіи“. Давно уже тѣ, кто считали Бѣлинскаго своимъ духовнымъ предкомъ, освободились отъ офиціальнаго оптимизма, отъ идеализаціи русской старины, отъ панегириковъ старому режиму, отъ метафизической догматики, отъ всего того, что еще сквозило, какъ наслѣдіе прошлаго, въ этомъ первомъ пламенномъ порывѣ къ будущему. И, тѣмъ не менѣе, отъ обаянія этой странной „Элегіи“, полной противорѣчій и туманныхъ мыслей, не вполнѣ свободно и наше время, а для поколѣнія, вступающаго въ жизнь въ 30-е годы прошлаго вѣка, она была провозвѣстницей новой жизни, могучимъ призывомъ революціонной трубы. „У меня есть любовь къ истинѣ и желаніе общаго блага“. Эта двучленная формула сжато опредѣляетъ не только благородное чувство, которымъ согрѣто первое крупное произведеніе Бѣлинскаго, но главные стимулы всей его послѣдующей литературной дѣятельности. Во многомъ мы уже не такъ смотримъ на „истину“ и иначе понимаемъ „общее благо“, но у него была любовь къ первой и жажда второго, и эта „любовь“ и это „желаніе“ способны заражать и въ настоящее время пламеннымъ энтузіазмомъ, согрѣвавшимъ ихъ, хотя наука и общественные идеалы далеко ушли впередъ, и мы вполнѣ вѣримъ великому родоначальнику новѣйшей нашей литературы, что онъ не „имѣлъ времени хорошенько обдумать свою статью“ и у него не было „основательныхъ познаній“.

Постараемся же разобраться въ главныхъ мысляхъ

„Элегіи"; въ ея лирической безпорядочности, среди ея туманныхъ мечтаній, не свободныхъ отъ стараго романтическаго паѳоса, поищемъ руководящей нити,— нити, ведущей къ литературнымъ воззрѣніямъ и общественнымъ стремленіямъ будущаго.

Основная идея философіи Бѣлинскаго, это—метафизическая идея о существованіи высшаго абсолютнаго невидимаго міра. Эта идея завѣщана метафизическому міросозерцанію еще теологическимъ. Если общество отрѣшилось отъ традиціоннаго церковнаго представленія о Богѣ, оно не отказалось отъ вѣры въ существованіе высшаго міра, откуда исходитъ таинственное вліяніе на жизнь видимаго міра. Могли измѣниться пути, ведущіе къ познанію Бога. Откровеніе смѣнила философія, традицію—апріорная дѣятельность разума, церковь и духовенство уступили свое мѣсто мыслителямъ, но у теологовъ и метафизиковъ была общая основа — подчиненіе авторитету, догматизмъ, вѣра въ существованіе абсолютныхъ истинъ. И тѣ, и другіе исходятъ изъ вѣрованій, изъ апріорныхъ построеній. Если средневѣковой человѣкъ въ подтвержденіе своихъ убѣжденій ссылался на папу, на твореніе святыхъ отцовъ, наконецъ, просто на традицію, на вѣрованія и обычай родителей, то французскій философъ XVIII вѣка ссылался на доводы разума, на „естественныя" потребности человѣка, на „естественную" справедливость. И тотъ, и другой придавали абсолютное значеніе своимъ убѣжденіямъ. И для того, и для другого они были вѣрой. И тотъ, и другой были склонны провѣрять эти убѣжденія фактами дѣйствительной жизни, но ставить свои вѣрованія выше фактовъ, и, при столкновеніи первыхъ со вторыми, готовы были отвергнуть эти послѣдніе или провозгласить ихъ противоестественными. Бѣлинскій весь проникнутъ этой метафизической вѣрой. Картина міровой жизни, нарисованная имъ, не результатъ упорной на-

учной работы, не обобщеніе фактовъ, тщательно провѣренное опытомъ и наблюденіемъ, а принятое навѣру ученіе нѣмецкой идеалистической философіи. „Весь безпредѣльный прекрасный Божій міръ,—говоритъ онъ, варьируя слова Шеллинга, — есть не что иное, какъ дыханіе единой, вѣчной идеи (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать, въ свои свѣтлыя мгновенія, какъ велико *тѣло* этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—пути млечные, а кровь—чистый эѳиръ“. Такова основа философіи Бѣлинскаго, заимствованная у Шеллинга, выраженная съ такимъ почти религіознымъ энтузіазмомъ, что именно у нашего писателя больше чѣмъ у кого-нибудь проявляется родство теологическаго и метафизическаго міровоззрѣній. Абсолютный вѣчный міръ—высшая, божественная идея.

Съ этой основной мыслью или вѣрой Бѣлинскаго связаны и всѣ другія идеи его „Элегіи“. Здѣшній, земной міръ не является цѣлью самъ по себѣ, онъ—только отраженіе божественной идеи, онъ — средство для ея постиженія. И природа и исторія человѣчества—только ключъ, открывающій дверь, ведущую въ царство этой вѣчной идеи. Она воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышитъ и въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаньи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, и въ стройныхъ созданіяхъ генія... Кружится колесо времени съ быстротою непостижимою, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся вулканы, и зажигаются новыя; на землѣ проходятъ роды

и поколѣнія, замѣняются новыми, смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть, силы природы борются, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими, и гармонія царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броженіи, въ этой борьбѣ началъ и веществъ. Такъ идея живетъ; мы ясно видимъ это нашими слабыми глазами. Средневѣковой теологъ считалъ земную жизнь юдолью печали. Онъ видѣлъ ея смыслъ только въ томъ, что она служила подготовкой къ вѣчной истинной жизни. Сама по себѣ она не представляетъ цѣнности. Нецѣлесообразности и противорѣчія этой жизни не пробуждали въ немъ тоски мысли. Въ будущей жизни эти противорѣчія должны были найти свое примиреніе. Мудрость и благость Божія раскрывались чрезъ испытанія. Метафизика удержала это стремленіе къ гармоническому міросозерцанію, этотъ примирительный взглядъ на земную дѣйствительность, на природу и исторію. Для нея они тоже несовершенное проявленіе совершенной субстанціи, живущей особой высшей жизнью.

Эстетическія воззрѣнія Бѣлинскаго вытекали изъ этого же общаго философскаго представленія. На долю искусства вполнѣ согласно съ духомъ шеллинговскаго ученія выпадаетъ роль быть посредникомъ между вѣчнымъ и измѣнчивымъ, между божественной идеей и здѣшнимъ міромъ. Назначеніе искусства ввести человѣка въ область абсолютнаго, раскрыть передъ нимъ завѣсу вѣчности, показать ея отраженіе въ каждомъ явленіи жизни и природы. Бѣлинскій далекъ здѣсь отъ своихъ будущихъ воззрѣній на искусство и поэзію. Черезъ десять лѣтъ они станутъ въ его глазахъ могучими орудіями общественной борьбы, слугами земной дѣйствительности, элементами быстро бѣгущей, мѣняющейся жизни. Въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ онъ — преемникъ романтической эстетики, предшественникъ эстетической доктрины символизма. Кра-

сота и ея воплощеніе въ твореніяхъ искусства — ключъ къ постиженію вѣчныхъ тайнъ, лежащихъ за гранями опыта и позитивнаго знанія. Какое назначеніе и какая цѣль искусства? *Изображать, воспроизводить въ словѣ, въ звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни и природы... Искусство* есть *выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно разнообразныхъ явленіяхъ!* Прекрасно было гдѣ-то сказано, что *повѣсть есть краткій эпизодъ изъ безконечной поэмы судебъ человѣческихъ!* Искусство поэта должно заключаться въ томъ, чтобы дать читателю почувствовать дыханіе жизни, одушевляющей вселенную. Эстетическое же наслажденіе читателя должно заключаться „въ минутномъ забвеніи нашего „я“, въ живомъ сочувствіи съ общей жизнью“.

Съ рѣдкой чуткостью и проницательностью Бѣлинскій поставилъ въ этой статьѣ всѣ вопросы, которымъ въ 30-е и 40-е годы суждено было волновать умы мыслящей части русскаго общества. И онъ озарилъ и прошлое, и настоящее русской жизни тѣмъ примиряющимъ свѣтомъ, который являлся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой заимствованной горячей вѣры въ міровую гармонію, въ существованіе высшей благой идеи, управляющей міромъ. Изъ этой вѣры вытекаетъ его взглядъ на народъ и народность, вполнѣ гармонировавшій съ шеллингіанскимъ ученіемъ и совпадавшій съ будущимъ ученіемъ славянофиловъ, которымъ впослѣдствіи Бѣлинскій объявилъ безпощадную войну, когда понялъ, куда ведетъ его стремленіе къ гармоническому примиряющему взгляду на міръ. Исторія человѣчества есть раскрытіе божественной идеи. Каждый народъ выполняетъ свою долю въ этой общей жизни и работѣ. „Каждый народъ... играетъ въ великомъ семействѣ человѣческаго рода свою особенную назначенную ему Провидѣніемъ роль и вноситъ въ общую сокровищницу его успѣховъ на поприщѣ самосовершенствованія свою долю, свой вкладъ, другими

словами: каждый народъ выражаетъ собою одну какую-нибудь сторону жизни человѣчества". Признаніе высокаго значенія народности, преклоненіе передъ народомъ само по себѣ ничего не говоритъ. Оно входитъ въ ученіе самыхъ разнообразныхъ, противоположныхъ другъ-другу школъ. Болѣе точно взглядъ на народность выясняется, когда отъ общаго принципа мыслитель переходитъ къ опредѣленію самаго понятія народности, къ методамъ выясненія національныхъ свойствъ и стремленій. Есть два пути въ этомъ направленіи. Можно отнестись къ народу какъ къ младенцу, не признавать за нимъ никакихъ правъ въ выясненіи своей собственной національной физіономіи и возложить эту задачу исключительно на мыслящую личность, на интеллигентную часть общества. Словомъ, можно держаться принципа „tout *pour* le peuple", но не слѣдовать при этомъ принципу „tout *par* le peuple". Но можно держаться и противоположнаго пути, и опредѣленіе народа какъ извѣстнаго организма вывести изъ тщательнаго изученія самого народа, признавъ его единственнымъ источникомъ, единственнымъ судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Странно было бы требовать, чтобы въ эпоху рабства народной массы Бѣлинскій сталъ на второй путь. И западники, и славянофилы одинаково повинны въ интеллигентскомъ субъективизмѣ по отношенію къ народу. И та, и другая школы были склонны навязывать народу свое личное міросозерцаніе. Бѣлинскій въ своей „Элегіи" еще не могъ предвидѣть той формы, въ которую облекся вскорѣ этотъ ставшій жгучимъ вопросъ. Въ его „Элегіи", полной примиряющаго гармоническаго взгляда на міръ, еще не чувствуется пропасти тамъ, гдѣ она фактически уже образовалась. Онъ не предвидитъ еще возможности столкновенія, для него интеллигентное общество и народная масса—одно цѣлое. Но нетрудно понять, что и въ этомъ вопросѣ у Бѣлинскаго пре-

обладаетъ та же точка зрѣнія мыслителя, склоннаго къ апріорнымъ построеніямъ, къ субъективнымъ вѣрованіямъ. Для него народъ — младенецъ, несознанныя стремленія котораго выражаются интеллигенціей. Въ его примиряющей рѣчи чувствуется гордый мыслитель, претендующій на монополію толкованія воли народной. „Наша національная физіономія всего больше сохранилась въ низшихъ слояхъ народа; посему наши писатели, разумѣется, владѣющіе талантомъ, бываютъ народны, когда изображаютъ въ романѣ или драмѣ нравы, обычаи, понятія и чувствованія черни. Но развѣ одна чернь составляетъ народъ? Ничуть не бывало. Какъ голова есть важнѣйшая часть человѣческаго тѣла, такъ среднее и высшее сословія составляютъ народъ по преимуществу. Знаю, что человѣкъ во всякомъ состояніи есть человѣкъ, что простолюдинъ имѣетъ такіе же страсти, умъ и чувство, какъ и вельможа, и потому такъ же, какъ и онъ, достоинъ поэтическаго анализа, но высшая жизнь народа преимущественно выражается въ его высшихъ слояхъ или, вѣрнѣе, въ цѣлой идеѣ народа“. Наше общество еще не созрѣло, наша литература еще слишкомъ находится подъ вліяніемъ Запада, чтобы быть правильнымъ выраженіемъ народнаго духа. Но придетъ время, просвѣщеніе широкой рѣкой разольется по русской землѣ, умственная физіономія народа выяснится, и тогда мыслящей части общества не трудно будетъ наложить печать народнаго духа на свои произведенія.

Легко видѣть, что Бѣлинскій является оптимистомъ, безсознательнымъ панегиристомъ господствующихъ классовъ. Онъ ждетъ просвѣщенія и счастья народнаго только отъ нихъ. Въ его глазахъ литература, творческій геній, бюрократія и высшія сословія,—словомъ, все то, что возвышается надъ народомъ,—сливаются въ одну общую благотворную силу. Нигдѣ нѣтъ протеста противъ крѣпостного права, нигдѣ мысли объ участіи

самого народа въ этой великой работѣ. „У насъ скоро будетъ *свое* русское просвѣщеніе... Намъ легко это сдѣлать, когда знаменитые сановники, сподвижники царя на трудномъ поприщѣ народоправленія, являются посреди любознательнаго юношества въ центральномъ храмѣ русскаго просвѣщенія, возвѣщать ему священную волю монарха, указывать путь къ просвѣщенію въ духѣ *православія, самодержавія* и народности [1]... Благодарное дворянство, наконецъ, вполнѣ увѣрилось въ необходимости давать своимъ дѣтямъ образованіе прочное, основательное, въ духѣ вѣры, вѣрности и національности... Быстро образуется и купеческое сословіе и сближается въ семъ отношеніи съ высшимъ... Дѣятельное участіе начинаетъ принимать въ святомъ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія и наше духовенство... Да! въ настоящемъ времени зрѣютъ сѣмена для будущаго".

Этимъ же оптимизмомъ и примиряющимъ настроеніемъ, рожденнымъ на высотахъ управляющей міромъ божественной идеи, проникнуты и воззрѣнія Бѣлинскаго на ходъ русской исторіи. Въ своемъ преклоненіи передъ народомъ онъ находитъ радостное удовлетвореніе въ этой исторіи, которая, по волѣ Провидѣнія, вела русскій народъ къ осуществленію его назначенія въ общей жизни человѣчества. Іоаннъ III научилъ его бояться, любить и слушаться своего царя. Но при немъ жизнь народа хотя и была самобытной и характерной, зато односторонней и изолированной. Русскому народу нужно было составить „часть великаго семейства че-

---

[1]) Намекъ на посѣщеніе Уваровымъ московскаго университета въ 1832 году. Эту тираду, какъ и цѣлый рядъ историческихъ и политическихъ замѣчаній, такъ мало соотвѣтствующихъ всей послѣдующей дѣятельности Бѣлинскаго, С. А. Венгеровъ объясняетъ вліяніемъ Надеждина, который въ качествѣ редактора иногда дѣлалъ въ статьи сотрудниковъ даже вставки въ патріотическомъ духѣ. *Венгеровъ.* Полн. собр. сочиненій Бѣлинскаго. I. Стр. 426—429; 449.

ловѣческаго рода". Петръ I, „царь мудрый и великій, кроткій безъ слабости, грозный безъ тиранства", выполнилъ эту задачу. Петръ, однако, слишкомъ торопился, масса народа не поспѣла за нимъ, „осталась тѣмъ, что и была", народъ и общество пошли врозь. Но при Екатеринѣ II „проявился духъ русскій во всей своей богатырской силѣ", народъ кое-какъ „освоился съ тѣсными и несвойственными ему формами новой жизни". Въ чемъ же видитъ Бѣлинскій проявленіе русскаго народнаго духа при Екатеринѣ Великой? „Вспомните этихъ важныхъ радушныхъ бояръ, дома которыхъ походили на всемірныя гостиницы, куда приходили званый и незваный и, не кланяясь хлѣбосольному хозяину, садились за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя, за питья медовыя; этихъ величавыхъ и гордыхъ вельможъ, которые любили жить нараспашку, жилища которыхъ походили на царскія палаты русскихъ сказокъ... Вспомните Суворова, который не зналъ войны, но котораго война знала; Потемкина, который грызъ ногти на пирахъ и между шутокъ рѣшалъ въ умѣ судьбы народовъ"... Въ настоящее время нѣтъ надобности доказывать поверхностный и ненаучный характеръ этихъ историческихъ характеристикъ, приближающихся къ пониманію славянофиловъ и даже офиціальной народности. Не въ нихъ, конечно, заключается значеніе „Элегіи" Бѣлинскаго.

Остановимся еще на литературныхъ взглядахъ Бѣлинскаго, и основныя мысли его „Элегіи" будутъ исчерпаны. Литература, по его мнѣнію, должна быть выраженіемъ — „символомъ внутренней жизни народа". Конечно, народа въ смыслѣ Бѣлинскаго,—народа, всей своей исторической жизнью раскрывающаго одну изъ сторонъ божественной идеи. Неудивительно, что въ связи со своимъ общимъ міросозерцаніемъ Бѣлинскій не склоненъ отводить почетную роль поэтическимъ твореніямъ, которыхъ задача заключалась въ борьбѣ

съ отрицательными явленіями живой дѣйствительности. Даже въ сатирическихъ произведеніяхъ, рожденныхъ протестующимъ вдохновеніемъ, онъ старается уловить признаки и подтвержденіе разумности высшей идеи. И если рѣзкій протестъ сатирика являлся вызовомъ этой гармоніи, Бѣлинскій исключалъ его изъ числа писателей, которыхъ считалъ достойными стоять въ храмѣ истиннаго искусства. Даже отъ комедіи онъ отнимаетъ ея общественное, моральное значеніе, уничтожаетъ ея право борьбы съ зломъ, исправленія порока. „Предметъ комедіи не есть исправленіе нравовъ или осмѣяніе какихъ-нибудь пороковъ общества, нѣтъ, комедія должна живописать несообразность жизни съ цѣлію, должна быть плодомъ горькаго негодованія, возбуждаемаго униженіемъ человѣческаго достоинства, должна быть сарказмомъ, а не эпиграммою, судорожнымъ хохотомъ, а не веселою усмѣшкою, должна быть писана желчью, а не разведенною солью, — словомъ, должна обнимать жизнь въ ея высшемъ значеніи, т.-е. въ ея вѣчной борьбѣ между добромъ и зломъ, любовію и эгоизмомъ“. Фонвизинъ не былъ комикомъ, потому что въ его драматическихъ произведеніяхъ не чувствуется „присутствія идеи вѣчной жизни“. Мы уже приводили взглядъ Бѣлинскаго на назначеніе поэта. Въ старомъ спорѣ между сторонниками безцѣльной и тенденціозной поэзіи онъ рѣшительно становится на сторону первыхъ. „Можетъ ли призваніе художника согласиться съ какой-нибудь заранѣе предположенной цѣлью, какъ бы ни была прекрасна эта цѣль? Этого мало: можетъ ли художникъ унизиться, нагнуться, такъ сказать, къ публикѣ, которая была бы ему по колѣна и потому не могла бы его понимать? Положимъ, что и можетъ. Тогда другой вопросъ: можетъ ли онъ въ такомъ случаѣ оставаться художникомъ въ своихъ созданіяхъ? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ“. Изъ этого взгляда исходитъ авторъ „Элегіи“ при оцѣнкѣ отдѣльныхъ

поэтовъ. Чѣмъ выше геній поэта, тѣмъ глубже и обширнѣе обнимаетъ онъ природу и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ представляетъ намъ ее въ ея высшей связи и жизни. Поэтому Шекспиръ, „великій, божественный, недостижимый“, „царь чародѣевъ“, взявшій „равную дань съ добра и зла“, есть величайшій поэтъ. Тогда какъ Байронъ „взвѣсилъ ужасъ и страданіе“, выразилъ „только муки сердца, адъ души“, т.-е. постигъ „только одну сторону бытія вселенной“; тогда какъ Шиллеръ „показалъ одно прекрасное жизни“, Шекспиръ „подсмотрѣлъ въ своемъ вдохновенномъ ясновидѣньи біеніе пульса вселенной“. Это „безпристрастіе, эта холодность поэта, который какъ-будто говоритъ вамъ: такъ было, а впрочемъ, мнѣ какое дѣло! есть высочайшій зенитъ художественнаго совершенства, есть истинное творчество“. Эту же мѣрку прилагаетъ Бѣлинскій и къ оцѣнкѣ русскихъ писателей. Его „Элегія“—первая серьезная попытка дать систематическій очеркъ исторіи русской литературы. И какъ ни субъективны оцѣнки поэтовъ у Бѣлинскаго, какъ ни далека отъ насъ его основная точка зрѣнія, но даже въ этомъ наброскѣ, въ этомъ первомъ полулирическомъ обзорѣ почти всѣ главныя характеристики сохранили свое значеніе до нашего времени, а большинство поэтовъ вошло, повидимому, навсегда въ исторію литературы именно въ томъ толкованіи, которое имъ впервые придалъ Бѣлинскій. Эта краткая исторія „русской литературы“ была откровеніемъ для своего времени. Она свергала авторитеты, освященные временемъ. Критикъ не боялся подходить со своими свѣжими воззрѣніями къ рутиннымъ взглядамъ, смѣло производилъ переоцѣнку всѣхъ цѣнностей.

Кантемира и Тредьяковскаго онъ уничтожилъ рѣзкимъ, саркастическимъ отзывомъ. Прославленныя сатиры перваго были скорѣе плодомъ ума и холодной наблюдательности, чѣмъ живого и горячаго чувства.

Тредьяковскій не имѣлъ ни ума, ни чувства, ни таланта. Ломоносовъ дорогъ критику, какъ доказательство того, что „человѣкъ есть человѣкъ во всякомъ состояніи“, что геній умѣетъ торжествовать надъ всѣми препятствіями, что русскій способенъ ко всему прекрасному и великому не менѣе всякаго европейца. Ломоносовъ — это Петръ нашей литературы. Но съ нимъ случилось то же, что и съ Петромъ. Прельщенный блескомъ иноземнаго просвѣщенія, онъ закрылъ глаза для родного. Онъ оставилъ безъ вниманія народныя пѣсни и сказки. Подражаніе погубило его. Его цвѣты ярки, роскошны, но не душисты; они безжизненны. Его языкъ не былъ чисто народнымъ. Создать „языкъ невозможно, ибо его творитъ народъ“. Сумароковъ при своей рабской подражательности не имѣлъ и искры ломоносовскаго таланта. Это былъ „жалкій писака“. Царствованіе Екатерины — величественная и смѣлая эпопея. Державинъ былъ первый народный оригинальный поэтъ, несмотря на подражательный характеръ его одъ: „уму русскому былъ данъ просторъ... великая жена умѣла сродниться съ духомъ своего народа“. Державинъ — „это полное выраженіе, живая лѣтопись, торжественный гимнъ, пламенный диѳирамбъ вѣка Екатерины“ съ его гордостью и побѣдами. Мы уже упоминали, что къ Фонвизину Бѣлинскій отнесся отрицательно. Его дураки смѣшны и отвратительны, потому что „они не созданія фантазіи, а слишкомъ вѣрные списки съ натуры“. Его умные—„куклы, говорящія заученныя правила благонравія“. И все это потому, что „авторъ хотѣлъ учить и исправлять“. Сочиненія Хераскова вполнѣ заслуженно канули въ Лету. Онъ не былъ поэтомъ. Карамзинъ отмѣтилъ своимъ именемъ цѣлую эпоху въ нашей словесности. Его вліяніе было огромно. Но онъ тоже не былъ народенъ. Реформа языка, произведенная имъ, была далека отъ совершенства. Онъ сдѣлалъ нашъ языкъ въ значительной сте-

пени сколкомъ съ французскаго, не прислушивался къ языку простолюдиновъ, не изучалъ родныхъ источниковъ и только въ своей исторіи исправилъ эту ошибку. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ рѣдко бывалъ искренъ и естественъ. Слезливость нерѣдко портила лучшія страницы его исторіи. Его „Письма русскаго путешественника“ наполнены пустяками, разсказами о томъ, гдѣ и какъ онъ обѣдалъ, о томъ, что знаменитости, которыхъ онъ видѣлъ, всѣ добры и наслаждаются спокойствіемъ совѣсти и ясностью духа. Имя Карамзина безсмертно, но сочиненія его, кромѣ „Исторіи“, умерли и не воскреснутъ. Крыловъ—„геніальный поэтъ русскій“, продуктъ народнаго духа. Его басни — лучшее доказательство того, что литература непремѣнно должна быть народной, если хочетъ быть прочной и вѣчной. Жуковскій былъ Колумбомъ нашего отечества. Онъ указалъ ему на невѣдомую до тѣхъ поръ англійскую и нѣмецкую литературу. Его нельзя назвать подражателемъ. Онъ писалъ бы точно такъ же, если бы и не зналъ нѣмцевъ. Но у него нѣтъ міровыхъ идей. Онъ не былъ поэтомъ собственно русскимъ, „имя котораго можно было бы провозгласить на европейскомъ турнирѣ, гдѣ соперничествуютъ народными славами“. Третье десятилѣтіе XIX вѣка Бѣлинскій называетъ пушкинскимъ періодомъ. Онъ былъ ознаменованъ движеніемъ жизни въ высочайшей степени. „Въ это десятилѣтіе мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы... Мы обо всемъ пересудили, обо всемъ переспорили, все усвоили себѣ, ничего не взростивши, не взлѣлѣявши, не создавши сами“. Вотъ почему это время не оправдало надеждъ, которыми оно было встрѣчено. Уцѣлѣлъ одинъ Пушкинъ, всѣ другія имена исчезли. Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. „Одаренный высокимъ поэтическимъ чувствомъ и удивительною способностью принимать и отражать всѣ возможныя

ощущенія, онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка... Онъ былъ выраженіемъ современнаго ему міра, представителемъ современнаго ему человѣчества—но міра русскаго, но человѣчества русскаго". Однако въ послѣднихъ его произведеніяхъ критикъ видитъ свидѣтельство упадка его творчества. Пушкинъ царствовалъ цѣлое десятилѣтіе, но теперь „онъ умеръ или обмеръ на время". Общій выводъ критика: у насъ нѣтъ литературы. Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ,—вотъ всѣ ея представители. Новый періодъ, послѣ Пушкина, не имѣетъ главы, не имѣетъ физіономіи. Но этотъ выводъ не приводитъ критика въ отчаяніе. Онъ заканчиваетъ свою „Элегію" горячей вѣрой въ наступленіе вѣка просвѣщенія и въ близкій расцвѣтъ настоящей литературы, которая явится выраженіемъ духа могучаго русскаго народа.

Таковы мысли, высказанныя въ этой знаменитой статьѣ. Въ настоящее время историко-литературная критика утверждаетъ, что эти мысли почти цѣликомъ можно найти у предшественниковъ Бѣлинскаго и что безспорную личную собственность великаго критика составляетъ только характеристика Марлинскаго [1]). И, тѣмъ не менѣе, „Элегія" была все-таки однимъ изъ тѣхъ событій, съ которыхъ начинается новая литературная эра. Съ нея можно начать исторію того гуманистически-западническаго направленія въ литературѣ, которое здѣсь намѣчено въ своихъ основныхъ чертахъ, несмотря на спутанность понятій и признаки будущаго славянофильства. Развитіе и разработка этого направленія составляли задачу дальнѣйшей дѣятельности самого Бѣлинскаго и послѣдующей литературы. Значеніе этой статьи опредѣляется какъ-разъ тѣмъ, что шло вразрѣзъ съ основной идеей фило-

---

[1]) См. предисловіе *С. А. Венгерова* къ Полн. собр. сочин. Бѣлинскаго.

софіи Бѣлинскаго. Мысль о первенствующемъ значеніи надземной „божественной идеи“ страннымъ образомъ породила въ критикѣ пламенный интересъ къ этой землѣ, страстное вмѣшательство въ ея злобу дня. Вчитайтесь въ эти метафизическія мечтанія и вы увидите, какой реалистъ говоритъ здѣсь языкомъ метафизика. Туманная теорія народности не помѣшала великому критику впервые геніально отличить тѣхъ поэтовъ, которымъ мы обязаны созданіемъ нашей національной литературы. Шеллинговская эстетика съ метафизическими задачами, поставленными ею искусству, непонятнымъ образомъ помогла Бѣлинскому вѣрно опредѣлить мѣсто почти каждаго изъ нашихъ писателей въ исторіи литературы. Наконецъ, самое цѣнное качество этой статьи — біеніе могучаго общественнаго пульса, боевой тонъ критика. Какимъ образомъ примиряющій взглядъ на природу и жизнь породилъ эту проповѣдь борьбы? Какимъ путемъ изъ спекулятивнаго метафизическаго отношенія къ вселенной родилась эта жажда активнаго дѣла здѣсь, на землѣ? Бѣлинскій не обладалъ достаточными знаніями. Онъ часто не видѣлъ трещинъ между своими отправными философскими точками зрѣнія, съ одной стороны, и своими благородными общественными стремленіями — съ другой. Онъ мѣнялъ эти отправныя точки зрѣнія, но его общественный пылъ, его чувство дѣйствительности и реальной правды никогда не покидало его. Здѣсь объ измѣнахъ не можетъ быть и рѣчи. Отъ „Литературныхъ мечтаній“ до послѣдняго издыханія Бѣлинскій былъ борцомъ. Его ученіе о примиреніи служило только отвѣтомъ на внутреннюю потребность его духа къ единству, къ философскому монизму. Оно было великимъ недоразумѣніемъ, теоретической несостоятельностью, которая нерѣдко сбивала критика въ его жизненныхъ идеяхъ, въ его откликахъ на злобу дня. Но въ общемъ оно никогда не

могло убить въ немъ чувства живой дѣйствительности и страстнаго стремленія къ общественному благу. Онъ могъ въ своей „Элегіи“ идеализировать русскую дѣйствительность, прославлять во славу міровой гармоніи и бюрократію, и сложившійся крѣпостной строй, но всякому читателю ясно, что основной тонъ статьи звучалъ въ этихъ строкахъ: „Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ назначеніемъ... не забывай, что жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба, не забывай, что твое безконечное, высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего „*я*“ въ чувствѣ любви. Итакъ, вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжныхъ пути: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное „*я*“, дыши для счастья другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего „*я*“, въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства!.. Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ?.. Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь—онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды, не бойся зла, когда оно приноситъ тебѣ пользу. Помни это правило: съ нимъ тебѣ вездѣ будетъ тепло! Если ты рожденъ сильнымъ земли, гни свой *хребетъ*, ползи змѣею между тиграми, бросайся тигромъ между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми вѣнцами, рамена согни подъ грузомъ незаслуженныхъ почестей и титлъ. Весела и блестяща будетъ жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холодъ и голодъ, что такое угнетеніе и оскорбленіе, все будетъ трепетать тебя, вездѣ покорность, услужливость, отовсюду лесть и хваленія, и поэтъ напишетъ тебѣ посланіе и оду, гдѣ

сравнитъ тебя съ полубогами, и журналистъ прокричитъ во всеуслышанье, что ты покровитель слабыхъ и сирыхъ, столпъ и опора отечества, правая рука государя! Какая тебѣ нужда, что въ душѣ твоей каждую минуту будетъ разыгрываться ужасная, кровавая драма; что... вопли угнетенныхъ тобою будутъ преслѣдовать тебя и на свѣтломъ пиру и на мягкомъ ложѣ сна; что тѣни погубленныхъ тобою окружатъ твой болѣзненный одръ? Зато весело поживешь, сладко поѣшь, мягко поспишь, повластвуешь надъ своими ближними".

Мы съ умысломъ остановились на первомъ крупномъ произведеніи Бѣлинскаго такъ подробно, потому что оно явилось предтечей и тѣхъ идеаловъ, за которые почти до нашихъ дней боролась русская литература, и тѣхъ методовъ, которыми она пользовалась въ этой борьбѣ. Какъ ни мѣнялись въ послѣдующія десятилѣтія наши литературныя направленія, русская интеллигенція надолго усвоила духъ, впервые такъ ярко проявившійся въ этой статьѣ. Необходимо теперь же установить основные признаки этого 'либерально-идеалистическаго теченія, на смѣну которому впослѣдствіи явилось матеріалистически-соціальное, вступившее съ нимъ въ ожесточенную борьбу въ наши дни. Въ своихъ стремленіяхъ это направленіе всегда исходитъ изъ вѣры въ абсолютныя идеи истины, добра и красоты. Откуда бы ни заимствовались эти идеи, у Шеллинга или Гегеля, изъ человѣческаго разума или изъ внутренняго чувства справедливости, онѣ всегда апріорны, и имъ всегда придается абсолютный характеръ. Впослѣдствіи идеалистическое направленіе стало исходить въ своихъ требованіяхъ и идеалахъ изъ другихъ посылокъ, изъ фактовъ дѣйствительности, изъ изученія русской жизни, но оно все-таки опиралось главнымъ образомъ на идеи общей правды, на незыблемую вѣру въ справедливость и

истину, во имя которыхъ требовало преобразованія этой дѣйствительности. Впослѣдствіи оно въ значительной степени признало существованіе частныхъ, относительныхъ, групповыхъ представленій объ истинѣ и справедливости, оно признало измѣнчивость, безпрерывное развитіе, эволюцію нравственныхъ и научныхъ представленій общества, но старалось согласовать эту измѣнчивость съ своей по-прежнему неотвергнутой вѣрой въ неизмѣнный абсолютный характеръ нравственныхъ и научныхъ идей. Матеріалистическое направленіе, напротивъ того, отвергло всякія апріорныя построенія и вѣрованія и приняло за исходную точку только дѣйствительность, только факты. Вотъ почему для матеріалистовъ нѣтъ общей справедливости и общей истины. Матеріалисты будутъ иронизировать впослѣдствіи надъ общими понятіями либерализма о честности, добрѣ и правдѣ, какъ надъ субъективными, безсодержательными словами. Матеріалисты, какъ увидимъ впослѣдствіи, не знаютъ двухъ главныхъ признаковъ идеализма: апріорности и абсолютности идей. Матеріалистическія идеи, во-первыхъ, получаются только какъ выводъ, добытый путемъ опыта и наблюденія надъ природой и жизнью. Во-вторыхъ, матеріалисты не придаютъ имъ абсолютнаго значенія. Всякая истина для нихъ временная, относительная истина, остающаяся истиной до тѣхъ поръ, пока существуютъ породившія ее реальныя условія.

Этимъ теоретическимъ различіемъ въ значительной степени обусловливается и различіе въ практическихъ, общественныхъ воззрѣніяхъ обѣихъ группъ. Если идеалистическое міровоззрѣніе тѣсно связано съ либерализмомъ, съ борьбой за освобожденіе человѣческой личности, за политическую свободу, за свободу совѣсти и мысли, то матеріалистическое пониманіе въ бо́льшей степени послужило подкладкой для соціалистической программы, оно тѣсно связано съ

борьбой за экономическую структуру общества, соотвѣтствующую условіямъ момента и потребностямъ этого общества, за организацію эксплуатируемыхъ общественныхъ классовъ. И въ самомъ методѣ борьбы оба теченія окрашены въ особые цвѣта. Идеализмъ въ борьбѣ за освобожденіе человѣчества придаетъ преобладающее значеніе идеямъ и ихъ проводнику — мыслящей личности. Матеріализмъ выдвигаетъ на первый планъ интересъ, соотношеніе реальныхъ силъ въ обществѣ, чѣмъ опредѣляется и самый общественный строй. Въ дѣятельности идеалистовъ и либераловъ преобладаетъ принципъ „tout pour le peuple", въ дѣятельности матеріалистовъ и соціалистовъ — формула „tout par le peuple".

Отмѣтивъ эти отличительные признаки обѣихъ группъ, нельзя не сдѣлать существенныхъ оговорокъ. Мы указывали только преобладающія тенденціи, но не претендуемъ на ихъ абсолютную вѣрность. Особенно къ концу XIX вѣка оба теченія во многомъ сблизились. Идеализмъ въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ не ограничивался только субъективными и апріорными построеніями и отводилъ видное мѣсто фактамъ и ихъ строго-научному изслѣдованію. Съ другой стороны, матеріалисты не всегда были свободны отъ субъективизма. Практическая программа либерализма тоже не всегда ограничивалась субъективными „интеллигентскими" представленіями о справедливости. Она не разъ пыталась стать на сторону принципа „par le peuple" и даже оспаривала у соціализма его притязанія на монополію демократизма. Соціализмъ, съ другой стороны, не разъ былъ повиненъ въ примѣненіи старыхъ пріемовъ интеллигентскаго руководительства массами. Былъ у насъ и періодъ утопическаго соціализма и идеалистическаго матеріализма, когда оба теченія переплетались между собой, когда идеалистическій субъективизмъ старались примирить съ матеріали-

стически-объективнымъ пониманіемъ природы и жизни. Но, несмотря на всѣ уклоненія, въ исторіи русской общественно-литературной мысли XIX и начала XX вѣка эти два теченія являются основными. Даже оригинальное русское направленіе, извѣстное подъ именемъ славянофильства, въ значительной степени распадается на эти же два теченія. Въ первой стадіи своего развитія славянофильство носитъ отпечатокъ идеалистическаго либерализма. Затѣмъ изъ него же выходятъ ростки своеобразнаго національнаго соціализма. Намъ нечего прибавлять, что изъ этихъ двухъ основныхъ теченій русской научной и общественной мысли первое оставалось господствующимъ до нашего времени. Вся литература, начиная съ 30-хъ и 40-хъ годовъ, носитъ печать либерализма и идеализма. Второе теченіе рано начало пробиваться среди перваго, сначала тонкими струями, въ наши дни широкимъ потокомъ...

Бѣлинскій стоитъ во главѣ перваго теченія, породившаго ту богатую литературу, которая сразу поставила Россію на одинъ уровень съ великими культурными народами. Не разъ будетъ Бѣлинскій измѣнять свои взгляды, не разъ въ его (особенно послѣднихъ) произведеніяхъ мы замѣтимъ неясное предчувствіе будущаго, начало реализма, переходящаго въ матеріализмъ, и начало общественнаго міросозерцанія, сбивающагося на соціализмъ. Но въ цѣломъ онъ всегда идеалистъ и либералъ. Его никогда не покидаетъ пламенная вѣра въ апріорныя истины добра и правды, живущія въ его великомъ сердцѣ. Онъ всегда остается прежде всего апологетомъ правъ личности.

Только, сдѣлавъ это отступленіе, мы можемъ перейти къ характеристикѣ послѣдующихъ идей Бѣлинскаго, не отказываясь отъ традиціоннаго дѣленія всей его дѣятельности на два періода: московскій и петербургскій. Въ теченіе перваго преобладаетъ теорія, жажда гармоніи, философскаго монизма, единства. Въ теченіе

второго — интересъ къ дѣйствительности, борьба съ объективно-примирительнымъ міросозерцаніемъ, жажда дѣла. Но не забудемъ, что Бѣлинскій оставался самимъ собою въ теченіе всей жизни.

VI.

Періодъ „фихтіанства".—Культъ „я" въ этотъ періодъ.—Статья о системѣ нравственной философіи Дроздова, какъ отраженіе этого періода.—Главныя мысли этой статьи: преклоненіе предъ апріорнымъ методомъ познанія и отрицаніе эмпирическаго метода; сознаніе, какъ основа нравственности; безпрерывное совершенствованіе субъекта, какъ основная задача человѣка.—Гегеліанскій періодъ. — Діалектическій методъ и „разумная дѣйствительность"—главныя гегеліанскія идеи, воспринятыя Бѣлинскимъ.—Вопросъ о томъ, правильно ли понялъ Бѣлинскій Гегеля. — Идеализація николаевскаго режима въ письмахъ этого періода.—Статьи о Бородинской годовщинѣ и Менцелѣ, какъ отраженіе гегеліанскаго періода. — Политическія и эстетическія идеи, высказанныя въ этихъ статьяхъ.

Статьей „Литературныя мечтанія" открывается періодъ философскихъ исканій Бѣлинскаго. Нетрудно видѣть, что эта статья была отраженіемъ шеллингіанскаго періода въ исторіи развитія Бѣлинскаго. Она проникнута тѣмъ свѣтлымъ настроеніемъ, которое царило въ этой философіи, превращавшей міръ въ волшебную гармонію, въ твореніе великаго художника. Она требовала отъ человѣка экстатическаго созерцанія, заставляла его закрывать глаза на нецѣлесообразность и диссонансы, заполняя пробѣлы созданіями фантазіи. Это настроеніе было общимъ настроеніемъ друзей Бѣлинскаго, и онъ былъ только наиболѣе яркимъ его глашатаемъ. Мы уже приводили слова біографа Станкевича о томъ, какимъ торжествомъ, какимъ „свѣтлымъ радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь, когда указана была возмож-

ность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому навсегда, пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума".

Но уже въ „Литературныхъ мечтаніяхъ" гармонія шеллингіанскаго міросозерцанія Бѣлинскаго, какъ мы видѣли, нарушается призывами къ борьбѣ, болѣзненнымъ воплемъ по поводу зла, царящаго въ видимой дѣйствительности. И эта дисгармонія являлась залогомъ того, что Бѣлинскій отброситъ систему, какъ только убѣдится, что не все въ мірѣ есть дыханіе единой разумной идеи. Да и не была ли вообще вся эта погоня за нѣмецкими отвлеченными системами и быстрое отреченіе отъ нихъ въ концѣ-концовъ свидѣтельствомъ того, что Бѣлинскій инстинктивно искалъ въ нихъ не отвлеченій, не метафизическихъ откровеній, а только оружія для борьбы съ царящимъ зломъ? Эта мысль напрашивается сама собою, когда мы видимъ, какъ мучительно доставался Бѣлинскому переходъ отъ одной системы къ другой. До конца 30-хъ годовъ, т.-е. до времени переѣзда, Бѣлинскій охваченъ безпокойнымъ, лихорадочнымъ исканіемъ той истины, которая мелькала передъ его воображеніемъ въ вопросахъ философіи и искусства.

Шеллинга смѣнилъ Фихте.

Письма, относящіяся къ 1836 — 1837 годамъ, говорятъ объ этомъ новомъ кратковременномъ и напряженномъ увлеченіи. Подъ вліяніемъ Бакунина Бѣлинскій знакомится въ это время съ философіей Фихте и отдается ей со свойственной ему горячностью весь цѣликомъ. „Жизнь идеальная и жизнь дѣйствительная всегда двоились въ моихъ понятіяхъ",—говоритъ Бѣлинскій въ одномъ письмѣ къ Бакунину. Но, подъ вліяніемъ Фихте, онъ убѣдился, что „идеальная-то

жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ-называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота". Онъ говоритъ, что „уцѣпился за фихтіанскій взглядъ съ энергіей, съ фанатизмомъ", что Бакунинъ „первый уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фихтіанскую отвлеченность". Дѣйствительность исчезла для Бѣлинскаго. Она стала призракомъ. Осталось только *я*, осталась только мысль. „Міръ или вселенная есть Его (Бога) храмъ, а душа и сердце человѣка или, лучше сказать, внутреннее *я* человѣка есть его алтарь, престолъ, святая святыхъ. Итакъ, ищи Бога не въ храмахъ, созданныхъ людьми, но ищи въ сердцѣ своемъ, ищи его въ любви своей... Внѣ мысли все призракъ, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты самъ? Мысль, одѣтая тѣломъ. Тѣло твое сгніетъ, но твое *я* останется, слѣдовательно, тѣло твое есть призракъ, мечта, но *я* твое существенно и вѣчно... Что важнѣе: идея или явленіе, душа или тѣло? Идея ли есть результатъ явленія, или явленіе есть результатъ идеи? Безъ сомнѣнія, явленіе есть результатъ идеи". Вся эта тирада не что иное, какъ доведенное до своего логическаго конца ученіе Фихте о томъ, что вселенная есть порожденіе нашего *я*.

Подобно тому какъ „Литературныя мечтанія" были лучшимъ отраженіемъ шеллингіанства Бѣлинскаго, такъ въ статьѣ о „Системѣ нравственной философіи" Дроздова можно уловить отраженіе фихтіанскихъ идей.

Бѣлинскій въ этой статьѣ выступаетъ прежде всего сторонникомъ принципа прирожденныхъ идей и апріорнаго метода.—Есть, говоритъ онъ,—два способа изслѣдованія истины: *a priori* и *a posteriori*, т.-е. изъ чистаго разума и изъ опыта. Критикъ становится на сторону перваго, категорически отвергнувъ эмпирическій ме-

тодъ изслѣдованія. Должно факты объяснять мыслью, а не мысль выводить изъ фактовъ. Иначе матерія будетъ началомъ духа, а духъ — рабомъ матеріи. Если какіе-нибудь факты противорѣчатъ апріорнымъ построеніямъ, это доказываетъ только, что факты ложны. „Напримѣръ, я убѣжденъ,—говоритъ Бѣлинскій,—что поэзія есть безсознательное выраженіе творящаго духа и что, слѣдовательно, поэтъ, въ минуту творчества, есть существо болѣе страдательное, нежели дѣйствующее, а его произведенія есть уловленное видѣніе, представшее ему въ свѣтлую минуту откровенія свыше, слѣдовательно, оно не можетъ быть выдумкой его ума, сознательнымъ произведеніемъ его воли". Это свое апріорное убѣжденіе Бѣлинскій объявляетъ абсолютной истиной и не признаетъ поэзіи ни въ чемъ, что „не создано по этому закону". Но, скажутъ мнѣ, такія-то и такія-то произведенія не подходятъ подъ этотъ законъ?—Слѣдовательно, онѣ—ложны,—отвѣчаю я.—Но вѣрно ли ваше начало?—Опровергните его!—Бѣлинскій былъ законченнымъ человѣкомъ не только въ истинѣ, но и въ своихъ заблужденіяхъ. Рѣдко субъективный произволъ, на которомъ основывается метафизическое мышленіе, обнаруживался съ такой силой, какъ въ этомъ краткомъ гипотетическомъ діалогѣ. Я отвергаю и называю ложью все, что мнѣ не нравится. Я называю абсолютной истиной все, что кажется мнѣ таковой. Догматизмъ докантовской метафизики и методы философастовъ, приписывающихъ абсолюту все, что имъ заблагоразсудится, воскресли въ этихъ словахъ Бѣлинскаго. И, тѣмъ не менѣе, критикъ убѣжденъ, что именно этотъ методъ ведетъ къ познанію истины. Умозрѣніе,—говоритъ онъ, всегда основывается на законахъ необходимости, а эмпиризмъ — на условныхъ явленіяхъ. Математика, точная и положительная наука, выведена изъ законовъ чистаго разума. Истина: $2\times2=4$, узнана не изъ опыта, а „изъ духа перенесена

въ опытъ". Всѣ гипотезы астрономіи основаны на умозрѣніи. Два величайшихъ открытія — Америка и планетная система — сдѣланы *a priori*. Въ настоящее время нѣтъ надобности приводить доводовъ эмпириковъ и позитивистовъ въ пользу того, что всѣ эти мнимыя апріорныя истины являются результатомъ опыта. Эти доводы слишкомъ хорошо извѣстны [1]).

Бѣлинскій возстаетъ даже противъ попытокъ соединенія умозрительнаго и эмпирическаго метода. Они исключаютъ другъ друга. Единственное, что онъ допускаетъ,—это—провѣрку умозрѣнія опытомъ. „Если умозрѣніе вѣрно, то опытъ непремѣнно долженъ подтверждать его въ приложеніи". Казалось бы, отсюда ясно слѣдуетъ, что опытъ остается единственнымъ несомнѣннымъ источникомъ познанія, такъ какъ онъ всегда къ нашимъ услугамъ для провѣрки истины. Но Бѣлинскій выводитъ отсюда какъ-разъ совершенно противоположное заключеніе.

Духомъ фихтіанства проникнуты и нравственныя воззрѣнія этой статьи. Для него въ нравственныхъ вопросахъ сознаніе играетъ первостепенную роль. „Совѣсть добрая есть состояніе сознанія, злая—состояніе безсознанія". И здѣсь сознающій себя субъектъ является исходнымъ пунктомъ міровоззрѣнія Бѣлинскаго. Человѣкъ созданъ для сознанія и потому можетъ быть счастливъ только вслѣдствіе сознанія; слѣдовательно, сознаніе есть его естественное, нормальное, а потому и блаженное состояніе, которое проявляется въ равновѣсіи человѣка самому себѣ, въ мирѣ и гармоніи съ самимъ собою; безсознательность же есть состояніе неестественное, болѣзненное, разрушающее равенство человѣка съ самимъ собою, миръ и гармонію его духа, слѣдовательно, разрушающее его

---

[1]) См., между прочимъ, книгу Дицгена „Сущность головной работы".

счастье. Тѣ, кто отрицаютъ существованіе совѣсти на основаніи „безконечной разности“ понятій о добрѣ и злѣ, впадаютъ въ ошибку. У насъ, напримѣръ, уваженіе къ родителямъ — одна изъ священныхъ обязанностей, а есть дикари, у которыхъ дѣти вѣшаютъ родителей на деревьяхъ. Но эти дикари дѣйствуютъ не по внушенію своей совѣсти, а вслѣдствіе неправильныхъ понятій своего разума, и они правы передъ своей совѣстью. Совѣсть есть только слѣдствіе сознанія хорошаго или дурного поступка, а не самое сознаніе, и потому не можетъ направлять нашей дѣятельности, которая должна опредѣляться сознаніемъ или разумомъ. Не совѣстью, а сознаніемъ опредѣляемъ мы, что хорошо или дурно. Итакъ, у всѣхъ народовъ могутъ быть разныя понятія о добрѣ и злѣ, смотря по степени ихъ сознанія, но совѣсть вездѣ одна и та же. Степень сознанія — единственный критерій человѣческаго достоинства. Зародышъ всего прекраснаго можетъ скрываться въ каждомъ человѣкѣ, но пока онъ не разовьется сознаніемъ, всѣ хорошіе поступки „будутъ плодомъ его животности, будутъ безсознательны“. Люди, не развившіе этого зародыша сознаніемъ, не имѣютъ никакой цѣны, потому что добрые поступки— слѣдствіе ихъ организма, а не воли.

Высшая задача человѣка — безпрерывное стремленіе къ совершенству. Таковъ основной законъ нравственности. Причина этого закона заключается въ немъ же самомъ, т.-е. въ томъ, что „человѣкъ есть органъ сознанія природы, сосудъ духа Божія“. Человѣкъ носитъ въ душѣ своей всѣ зародыши, всѣ элементы той степени сознанія, до которой ему назначено достигнуть. Толчкомъ къ такому совершенствованію служитъ симпатія, связывающая людей между собою, тождественность стремленій и цѣлей человѣка съ стремленіями и цѣлями другихъ людей. Каждый человѣкъ развиваетъ одну сторону сознанія, а „воз-

можно-конечное и возможно-всеобщее сознаніе“ должно произойти не иначе, какъ вслѣдствіе этихъ разностороннихъ сознаній. Поэтому полное и совершенное сознаніе возможно только для всего человѣчества и будетъ „результатомъ соединенныхъ трудовъ, вѣковой жизни и историческаго развитія человѣческаго духа. Всякій индивидъ есть часть великаго цѣлаго. Развивая свое собственное сознаніе, онъ необходимо отдаетъ его въ общую сокровищницу человѣческаго духа. Каждый человѣкъ долженъ любить человѣчество какъ идею полнаго развитія сознанія, которое составляетъ и его собственную цѣль, т.-е. каждый человѣкъ долженъ любить въ человѣчествѣ свое собственное сознаніе въ будущемъ“.

Идея личнаго совершенствованія, культъ сознающаго себя субъекта, преклоненіе передъ человѣческимъ *я*, въ кратковременный періодъ увлеченія фихтіанствомъ такъ же мощно захватили Бѣлинскаго, какъ восторженное эстетическое созерцаніе, преклоненіе передъ красотой природы и искусствомъ царили надъ нимъ въ періодъ его симпатій къ Шеллингу. И подобно тому, какъ въ періодъ шеллингіанства въ гармоническомъ, полномъ свѣтлой поэзіи міровоззрѣніи Бѣлинскаго прорывался тайный скорбный крикъ о страдающемъ человѣчествѣ, такъ и фихтіанство въ изложеніи знаменитаго критика пріобрѣло ту же благородную окраску. Въ заключительныхъ пламенныхъ строкахъ, напоминающихъ скорѣе религіозный гимнъ, чѣмъ философское разсужденіе, въ мысли объ абсолютномъ сознаніи, съ которымъ сливается субъективное, земной человѣкъ съ его желаніями, горестями и радостями выдвигается какъ центральная цѣль. Стремленіе къ абсолютному не заглушаетъ мысли о земномъ, относительномъ. Дѣйствительность, этотъ призракъ, рожденный субъектомъ, становится чѣмъ-то главнымъ, и само абсолютное превращается въ свѣ-

точъ, озаряющій его. Въ самыхъ абстрактныхъ стремленіяхъ Бѣлинскаго всегда чувствовалось біеніе могучаго общественнаго пульса, и мечты о вѣчности сливались у него съ напряженной думой о скорбной драмѣ нашего временнаго существованія: „Не напрасно всѣ міры связаны между собою электрической цѣпью любви и сочувствія, и все живущее, все дышащее составляетъ звено въ этой безконечной цѣпи, не напрасно человѣкъ и родится, и умираетъ, и веселится, и скорбитъ, и горячо любитъ милое, и горько рыдаетъ, лишаясь его, и не переживаетъ своихъ склонностей, и, стоя на прагѣ вѣчности, вспоминаетъ объ нихъ еще живѣе, и рыдаетъ объ нихъ еще горше, и сладки ему слезы его; не напрасно человѣкъ стремится къ какому-то блаженству и ищетъ его всю жизнь, ищетъ его и въ шумныхъ наслажденіяхъ юности, и въ безумномъ упоеніи пировъ, и въ ужасахъ кровавыхъ битвъ, и въ тревогахъ опасностей, и въ обольщеніяхъ славы, и въ очарованіи власти, и въ нѣгѣ бездѣйствія, и въ сладости труда, и въ свѣтѣ знанія, и въ наслажденіи искусствами, и въ любви другого сердца, и... нерѣдко въ тиши монастырской кельи... Вѣчность не мечта, не мечта и *жизнь, которая служитъ къ ней ступенью!*". Жизнь изъ призрака стала ступенью къ вѣчности, но такой важной ступенью, передъ которой померкъ яркій свѣтъ самой вѣчности! „Историческая заслуга кружка Бѣлинскаго, — справедливо замѣчаетъ Пыпинъ,—въ томъ и заключалась, что онъ понималъ свою философію не какъ школьную теорію, непричастную къ жизни, а, напротивъ, переживалъ ее какъ догматъ, какъ жизненную истину въ полномъ ея примѣненіи".

Фихте смѣнилъ Гегель.

Уже въ письмахъ, въ которыхъ Бѣлинскій говоритъ о своихъ увлеченіяхъ фихтіанствомъ, слышатся временами отзвуки гегелевскихъ идей. Вообще фихті-

анство Бѣлинскаго было кратковременнымъ. Оно врывается въ кругъ его философскихъ исканій въ 1836 году и уже въ 1837 году чувствуется, что скоро новый кругъ идей оттѣснитъ систему Фихте. Уже въ письмѣ отъ 21-го сентября 1837 года Бѣлинскій упоминаетъ о томъ, какое вліяніе начиналъ оказывать Гегель на міровоззрѣніе кружка. „Катковъ, столкнувшись съ Егоромъ Ѳеодоровичемъ (такъ въ кружкѣ называли Гегеля), разбилъ впрахъ мою прекрасную теорію... Катковъ читаетъ эстетику Гегеля и въ восторгѣ отъ нея“.

Мы видѣли, что фихтіанство уносило мысль членовъ кружка отъ дѣйствительности и борьбы съ нею. Если дума о страданіяхъ человѣчества не покидала Бѣлинскаго въ теченіе всего московскаго періода его жизни, то тѣмъ не менѣе его положительные идеалы до начала 40-хъ годовъ заключались въ страстномъ стремленіи къ „абсолютной“ жизни, исполненной одними высшими духовными интересами знанія искусства, возвышенной любви и, сколько возможно, удаленной отъ всякаго общенія съ житейской „пошлостью“. Отсюда вытекало довольно равнодушное и консервативное отношеніе къ тому, что происходило въ жизни общества и государства. Если фихтіанство кружка и налагало на личность извѣстный долгъ по отношенію къ окружающему міру, то этотъ долгъ заключался только въ постоянномъ личномъ самоусовершенствованіи. Развивая свое собственное сознаніе,—училъ Бѣлинскій,—всякій индивидъ необходимо отдаетъ его въ общую сокровищницу человѣческаго духа. Другихъ обязанностей,—обязанностей активнаго вмѣшательства въ общественную жизнь фихтіанство, въ толкованіи кружка, не возлагало на личность. Если фихтіанское ученіе было воспринято Бѣлинскимъ въ духѣ общественнаго индифферентизма, то гегелевская система поставила его во враждебное отношеніе ко всякой борьбѣ, ко всякому активному вмѣшательству въ жизнь,

ко всякому протесту противъ ея темныхъ сторонъ. Изъ гегелевскихъ идей наибольшее вліяніе оказала идея діалектическаго развитія, согласно которой всякое явленіе есть необходимая стадія въ процессѣ самопознанія абсолютнаго духа. Эта мысль, воспринятая слишкомъ прямолинейно, требовала оправданія всего существующаго. Возстать противъ того или иного явленія было равносильно возстанію противъ Абсолютнаго разума или Абсолютной идеи. Разъ дѣйствительность развивается согласно логическимъ законамъ, разъ въ вещахъ нѣтъ ничего, чего бы не было въ понятіяхъ о нихъ, и, обратно, въ понятіяхъ нѣтъ ничего, чего нѣтъ въ вещахъ, — то ясно, что дѣйствительное и разумное тождественны между собою. „Все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно“, — эта знаменитая формула стала евангеліемъ нашихъ гегеліанцевъ. Они упустили изъ виду, что тотъ же діалектическій методъ, согласно которому всякое явленіе было необходимой стадіей, могъ лечь въ основу и всякаго протеста, какъ стадіи также необходимой. Они не уловили той стороны гегеліанства, которая дала Герцену право назвать ею алгеброй революціи, именно идеи безпрерывнаго развитія, идеи, враждебной застою и консерватизму, идеи, которая превращала исторію человѣческаго общества въ исторію безконечной борьбы, а не въ механическій процессъ.

Если, по логикѣ Гегеля, все дѣйствительное разумно, то далеко не все существующее дѣйствительно, какъ отмѣтилъ еще Бельтовъ. Дѣйствительное выше просто существующаго („die Wirklichkeit steht höher als die Existenz“). Случайное существованіе не есть дѣйствительное существованіе. Необходимо не только то, что существуетъ: всемірный духъ своей безпрерывной кротовой работой подрываетъ существующее, превращаетъ его въ простую, лишенную дѣй-

ствительнаго содержанія форму и дѣлаетъ необходимымъ появленіе новаго, роковымъ образомъ сталкивающагося со старымъ. Философія Гегеля по существу вовсе не была философіей застоя. Мы видѣли, что въ самой Германіи она привела къ образованію правой и лѣвой гегеліанской школы. И у насъ въ Россіи Герценъ и Бѣлинскій сдѣлали изъ нея діаметрально противоположные выводы. Источникъ этого двойственнаго толкованія скрывается во внутреннемъ противорѣчіи самого гегеліанскаго ученія, которое, съ одной стороны, основывалось на идеѣ безконечнаго развитія, а съ другой—на идеѣ, что абсолютъ уже найденъ, и дальнѣйшему развитію нѣтъ мѣста. Вотъ почему вопросъ о вліяніи Гегеля на Бѣлинскаго нельзя рѣшать въ томъ смыслѣ, что Гегель создалъ Бѣлинскаго извѣстнаго періода или что безъ Гегеля этого періода въ развитіи Бѣлинскаго не существовало бы совсѣмъ. Гегеліанство, а особенно своеобразный, односторонній смыслъ, вложенный въ него Бѣлинскимъ, было удобной формулой, въ которую облекалось настроеніе нашего писателя въ концѣ 30-хъ годовъ. И шеллингіанство, и ученіе Фихте, такъ же какъ и гегелевская система, несмотря на все несходство этихъ ученій, служили для Бѣлинскаго одинаково удобными формулами, въ которыя облекался его страстный порывъ къ истинѣ, его пламенное стремленіе найти гармонію и красоту внѣ окружающей дѣйствительности, въ которой не было ни красоты, ни гармоніи, наконецъ, его самообманъ, его вѣра въ то, что онъ, болѣзненно чуткій писатель съ могучимъ соціальнымъ инстинктомъ, съ неутолимой жаждой борьбы и дѣятельности, можетъ заглушить въ себѣ голосъ этого инстинкта и уничтожить эту жажду. Вотъ почему безплодны всѣ споры о томъ, понялъ или не понялъ Бѣлинскій Гегеля. И въ своихъ шеллингіанскихъ, и въ своихъ гегеліанскихъ увлеченіяхъ онъ оставался самимъ собою—Бѣ-

линскимъ перваго періода съ его вѣрой въ возможность примиренія идеала и дѣйствительности, оставался великимъ русскимъ общественникомъ, загнаннымъ въ зачарованный кругъ абстракцій тогдашними цензорами, зорко охранявшими русскую жизнь отъ прикосновенія свѣтлаго ума и благороднаго сердца. „Допустимъ,—справедливо замѣчаетъ Венгеровъ,—что Бѣлинскій не понялъ Гегеля и даже совершенно „извратилъ“ его. Что бы изъ этого слѣдовало? Единственно тотъ фактъ вполнѣ второстепеннаго значенія, что умственная жизнь русской интеллигенціи 40-хъ годовъ шла безъ воздѣйствія на нее подлинной гегелевской философіи... Въ современной Бѣлинскому Франціи и Англіи Гегеля совсѣмъ не знали, и это не мѣшало имъ развить первостепенную культуру. Обошлась бы, слѣдовательно, и Россія безъ „правильно“ понятаго гегеліанства. Весь интересъ „правильно“ или „неправильно“ понятаго русскаго гегеліанства только въ томъ и заключается, поскольку онъ является *русскимъ* умственнымъ теченіемъ“.

Примиреніе съ русской дѣйствительностью, съ ужасами николаевскаго режима, началось для Бѣлинскаго еще до того момента, когда Гегель всецѣло овладѣлъ станкевичевскимъ кружкомъ. Уже въ письмѣ отъ 7-го августа 1837 г., которое, какъ мы видѣли, было яркимъ отраженіемъ „фихтіанства“ Бѣлинскаго, заключается остовъ мыслей, развитыхъ впослѣдствіи въ „Бородинской годовщинѣ“,—мыслей, которыя лежатъ темнымъ пятномъ на памяти великаго критика, являются девизомъ нѣсколькихъ печальныхъ лѣтъ его литературной дѣятельности, той эпохи, когда Бѣлинскій доходилъ до апологіи деспотизма, проповѣди рабства и дикой вражды къ прогрессу. Въ этомъ письмѣ онъ — глашатай идеаловъ офиціальной народности. „Франція есть страна опыта, примѣненія идей къ жизни. Совсѣмъ другое назначеніе Россіи“. Въ этомъ

письмѣ онъ — апологетъ рабства и кнута для Россіи. „Мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами. Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать дитяти полную свободу—значитъ погубить его. Дать Россіи въ теперешнемъ ея состояніи свободу—значитъ погубить Россію". Въ этомъ письмѣ Бѣлинскій—скептикъ, не вѣрящій въ русскій народъ, въ его здравый смыслъ и добрые инстинкты. Глубокое презрѣніе къ народу звучитъ въ слѣдующихъ словахъ, въ которыхъ авторъ письма выражаетъ бюрократическую вѣру въ спасительную силу опеки. „Въ понятіи нашего народа *свободы* есть воля, а воля—озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣжалъ бы онъ пить вино, бить стекла, вѣшать дворянъ, которые бреютъ бороду и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ". Всю надежду Бѣлинскій возлагаетъ на просвѣщеніе, а не на перевороты и конституціи. Николаевское правительство представляется ему идеаломъ правительства. Оно запрещаетъ писать противъ крѣпостного права а само „исподволь освобождаетъ крестьянъ". Все идетъ въ Россіи къ лучшему. Тирановъ-помѣщиковъ становится все меньше. Когда-то паденіе при дворѣ сопровождалось ссылкой въ Сибирь, а теперь — „много-много ссылкой въ свою деревню". Когда-то осуждали на четвертованіе фельдмаршаловъ, а теперь „и насъ съ тобою, людей совершенно ничтожныхъ въ гражданскомъ отношеніи", не будутъ четвертовать, даже если бы „мы были достойны этого". Самодержавная власть даетъ свободу думать и мыслить. Она не позволяетъ вмѣшиваться въ ея дѣла, громко говорить, переводить книги, но она пропускаетъ послѣднія изъ-за границы. „*Все это хо-*

рошо и законно, потому что то, что можешь знать ты, не долженъ знать мужикъ". Правительство не позволяетъ выписывать политическихъ книгъ, но онѣ „послужили бы только ко вреду, кружа головы неосновательныхъ людей". Зато оно допускаетъ изъ-за границы „все, что произведетъ германская мыслительность, самая свободная". Итакъ, къ чорту политику, да здравствуетъ наука. Къ чорту французовъ. Германія—вотъ Іерусалимъ новѣйшаго человѣчества".

Достаточно прочесть эти строки, чтобы убѣдиться, что не Гегель былъ причиной этого позорнаго политическаго индифферентизма, этой наивной идеализаціи николаевскаго режима. Этого режима одного было достаточно, чтобы временно затмить общественное сознаніе даже такого писателя, какъ Бѣлинскій. И когда явился на сцену Гегель, его удобная форма послужила только рамкой, въ которую легко можно было вставить свой политическій индифферентизмъ. „Новый міръ намъ открылся, — пишетъ въ 1839 году Бѣлинскій Станкевичу, вспоминая 1837 годъ. — Сила есть право, и право есть сила, — нѣтъ, не могу описать тебѣ, съ какимъ чувствомъ услышалъ я эти слова — это было освобожденіе. Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей; я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайности и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ... Слово „дѣйствительность" сдѣлалось для меня равносильно слову „Богъ"... Тотъ блаженнѣе, кто и кухню умѣетъ просвѣтлить мыслію безконечнаго". Философія Гегеля сразу придала смыслъ необходимости всему отрицательному: „штыку и мечу" и даже „кухнѣ". Она облекала въ систему, дѣлала элементомъ безконечнаго то, что жило въ душѣ Бѣлинскаго въ это время. Примиреніе съ дѣйствительностью стало частью, элемен-

томъ въ культѣ Абсолютнаго Разума. „Теперь, — пишетъ Бѣлинскій къ Бакунину 14-го августа 1838 г.,— когда я нахожусь въ созерцаніи безконечнаго, теперь я глубоко понимаю, что всякій правъ и никто не виноватъ: что нѣтъ ложныхъ ошибочныхъ мнѣній, а есть моменты духа“. Бѣлинскій даже не враждебенъ пошлымъ людямъ. „Имъ не дано жить въ духѣ... ихъ не должно ни ненавидѣть, ни презирать“. *Дѣйствительность* стала идоломъ Бѣлинскаго. Онъ твердитъ это слово, „вставая и ложась спать“. Оно пріучило его любить тѣхъ, кого онъ раньше ненавидѣлъ. Полный миръ снизошелъ въ его душу. „Дикость его натуры“ стала исчезать. Въ это время онъ былъ ожесточенъ противъ Шиллера, котораго юношескія трагедіи „наложили на него дикую вражду съ общественнымъ порядкомъ“.

Статья „Литературныя мечтанія“ была выраженіемъ шеллингіанскихъ симпатій Бѣлинскаго. Статья о системѣ нравственной философіи Дроздова была написана подъ вліяніемъ философіи Фихте. Періодъ „примиренія“ и консерватизма, отмѣченный вліяніемъ Гегеля, вылился въ статьѣ „Бородинская годовщина“. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ пламенномъ и уродливомъ созданіи, завершающемъ періодъ философскихъ исканій, напомнимъ о другомъ кружкѣ, гдѣ шла совершенно иная работа. Правительство, которое, по словамъ Бѣлинскаго, пропускало въ Россію все, что „производила германская мыслительность“, и строго оберегало Россію отъ соціальныхъ и политическихъ идей, идущихъ изъ Франціи, могло терпѣть друзей Станкевича съ ихъ философскими спорами, но не потерпѣло Герцена. И вотъ въ то время, когда Бѣлинскій мучительно гнался за абсолютомъ, Герценъ страдалъ въ ссылкѣ. Одинъ жилъ въ сферѣ абстрактныхъ умствованій, другой окунулся въ самую гущу жизни. Одинъ преклонялся передъ дѣйствительностью, другой переносилъ ея жестокіе удары. Когда Герценъ

вернулся изъ ссылки, Бѣлинскій столкнулся впервые съ противникомъ, равнымъ ему по силѣ. Оба кружка стояли лицомъ другъ къ другу. Одинъ презиралъ либеральныя увлеченія другого съ высоты своихъ абстрактныхъ исканій. Второй платилъ первому тѣмъ же презрѣніемъ за его заимствованный у Гегеля политическій квіетизмъ. Столкновеніе было неизбѣжно. Говорятъ, друзья Герцена поставили вопросъ рѣзко и прямо и потребовали у Бѣлинскаго отвѣта, какъ примирить его „разумную дѣйствительность“ съ безпросвѣтнымъ настоящимъ русскаго общества. Бѣлинскій принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя не останавливаются на полпути. Онъ не боялся доводить свою мысль до ея логическаго конца. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ подтвердилъ всѣ послѣдствія своего взгляда.

Совершилось невѣроятное. Благороднѣйшій изъ русскихъ публицистовъ объявилъ себя единомышленникомъ режима гнета и насилія, мрачнѣе котораго не знало русское общество. Послѣ такого отвѣта все было кончено. Бѣлинскій и Герценъ стали врагами. Два писателя, имена которыхъ ставятся рядомъ во главѣ новаго пути, по которому пошла русская литература, были убѣждены, что дороги ихъ разошлись навсегда. Такъ, можетъ-быть, и случилось бы, если бы на мѣстѣ Бѣлинскаго былъ менѣе горячій искатель истины. Въ дѣйствительности столкновеніе оставило глубокій слѣдъ въ обоихъ противникахъ. Герценъ погрузился въ изученіе Гегеля, Бѣлинскій уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сильно задумался. Вскорѣ мысль его приняла иное направленіе. „Бородинская годовщина“ была отвѣтомъ противникамъ по недоразумѣнію. Это было самое яркое выраженіе гегеліанскаго консерватизма. Прежде чѣмъ вступить на истинный путь, нужно было довести до абсурда свои заблужденія. Такова была натура Бѣлинскаго. По словамъ Панаева, Бѣлинскій

былъ въ лихорадочномъ состояніи, когда читалъ ему эту статью. Когда Панаевъ пытался сдѣлать возраженіе, Бѣлинскій перебилъ его: „Я знаю, что,—не договариваете,—меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями... Пусть ихъ. Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убѣжденія, что-бъ обо мнѣ ни думали... Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ!.. Мнѣ легче умереть съ голода—я и безъ того рискую этакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькой ироніей), чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя“... Въ сущности, 30-е годы завершаются въ дѣятельности Бѣлинскаго не одной, а тремя статьями: во-первыхъ, по поводу „Бородинской годовщины“ Жуковскаго, во-вторыхъ, по поводу „Очерковъ бородинскаго сраженія“ Глинки и, наконецъ, статьею „О Менцелѣ“. Вторая именно имѣется въ виду въ воспоминаніяхъ Панаева, приведенныхъ выше. Она получила наибольшую извѣстность. Но и другія двѣ не менѣе интересны для характеристики „примиренія“ Бѣлинскаго, особенно статья о Менцелѣ, которую Венгеровъ называетъ истинными „Геркулесовыми столбами“ гегеліанскаго періода. При этомъ Бѣлинскій нападаетъ здѣсь на Менцеля перваго періода, т.-е. либеральнаго нѣмецкаго писателя, а не на того, конечно, Менцеля, который впослѣдствіи былъ заклейменъ именемъ доносчика. Статьи о Бородинской годовщинѣ являются выраженіемъ патріотическаго энтузіазма Бѣлинскаго, родственнаго офиціальному патріотизму, провозглашенному Уваровымъ. Статья о Менцелѣ — гимнъ во славу чистаго самодовлѣющаго искусства, чуждаго общественнымъ идеямъ и нравственной проповѣди.

Бородинская битва для Бѣлинскаго имѣетъ двойное значеніе. Она—одно изъ великихъ историческихъ

событій, въ которыхъ раскрываются „безбрежныя равнины царства безконечнаго“. Во-вторыхъ, она—фактъ отечественной исторіи, поэтому „его субстанціальная родственность съ духомъ созерцающаго просвѣтлитъ до прозрачности его таинственную сущность“. Иначе говоря, если въ каждомъ событіи можно разглядѣть уголокъ абсолютнаго, то для русскаго въ такомъ великомъ русскомъ событіи „таинственная сущность“ становится ясной до прозрачности. Вотъ почему „Бородинская годовщина“ Жуковскаго и книга Глинки даютъ Бѣлинскому поводъ къ патріотическимъ изліяніямъ мистическаго характера. Эти статьи — своеобразное сочетаніе гегеліанства и офиціальнаго патріотизма. Ихъ главныя мысли слѣдующія. Государство не есть учрежденіе человѣческое. Народъ не есть отвлеченное понятіе. И первое, и второй суть элементы, имѣющіе высшее божественное происхожденіе. Все, что ни есть, — есть или являющійся разумъ (разумъ въ явленіи) или сознающій разумъ (разумъ въ сознаніи). Дѣло сознающаго разума — сознавать дѣйствительность, а не творить ее, и потому разумъ пишетъ грамматику, но не сочиняетъ языка, пишетъ трактатъ объ организаціи общества, но не создаетъ общества. Какъ невозможно сочинить языка, такъ невозможно и устроить гражданское общество, которое устроится само собою безъ сознанія и вѣдома людей, изъ которыхъ оно слагается. Хотя Бѣлинскій говоритъ далѣе объ органическомъ развитіи государства, о значеніи географическихъ и климатическихъ условій какъ исходнаго пункта жизни каждаго народа, но въ сущности для него органически и естественно сложившееся государство есть элементъ въ процессѣ раскрытія абсолютной идеи. Всякая разумность, чтобы сдѣлаться разумностью, должна явиться сперва какъ естественность, какъ непосредственное откровеніе. „Всякая разумность священна, т.-е. имѣетъ свою ми-

стическую таинственную сторону, и причина этой таинственности скрывается опять въ близости къ источнику всего сущаго, къ божественной идеѣ, первоначально осуществляющейся во всеобщей родовой матеріи, въ сущномъ (субстанціальномъ) началѣ". Поэтому и государство есть „непосредственное откровеніе". Космополитъ есть ложное, двусмысленное, непонятное явленіе, а не живая дѣйствительность. Царская власть не есть послѣдствіе избранія или договора, какъ сказалъ бы „какой-нибудь либеральный аббатикъ-французъ". Какъ и всякое „государственное коренное постановленіе", она не законъ „изреченный отъ человѣка", а „является *довременно*" и только выговаривается и сознается человѣкомъ. Изъ опыта нельзя вывести, какимъ образомъ изъ отеческой власти явилась царская, *отецъ* сталъ *царемъ*; но „въ умозрѣніи это очень понятно". Царь есть намѣстникъ Божій, а „царская власть, замыкающая въ себѣ всѣ частныя воли, есть преобразованіе единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума". Имя монарха для подданныхъ есть слово мистическое, таинственное, священное.

Словомъ, основная государственная идея Бѣлинскаго сводится къ представленію о государствѣ и о монархѣ какъ о самодовлѣющей цѣли, притомъ цѣли, входящей въ общую систему цѣлей мірового разума. Общество „не имѣетъ причины въ нуждѣ и пользѣ людей, но есть само себѣ цѣль". Иначе говоря, государство и монархъ не должны въ своихъ дѣйствіяхъ руководиться интересами гражданъ. Страданія и нужды этихъ послѣднихъ не должны приниматься въ расчетъ, такъ какъ они всѣ въ совокупности служатъ цѣлямъ абсолютной идеи.

Личность совершенно исчезаетъ у Бѣлинскаго за обществомъ. Человѣкъ долженъ отрѣшиться отъ своей субъективной личности, признавъ ее призракомъ и

ложью, долженъ смириться передъ общимъ, признавъ только его дѣйствительностью. Петръ Великій, замучившій при помощи пытокъ своего сына Алексѣя, совершилъ „великій подвигъ великаго человѣка!“, потому что здѣсь „міръ объективный побѣдилъ міръ субъективный, общее побѣдило частное“; потому что здѣсь нравственный законъ восторжествовалъ надъ естественнымъ влеченіемъ отцовскаго сердца, и Петръ явился здѣсь полубогомъ, „осуществившимъ своею личностью все могущество человѣчества“.

Таковы основныя мысли знаменитой статьи, которую впослѣдствіи съ краской стыда вспоминалъ Бѣлинскій, доведшій въ ней до Геркулесовыхъ столбовъ культъ дѣйствительности, оправдавшій здѣсь и пытки, и убійство, и муки страдающаго народа, какъ необходимыя проявленія Абсолютнаго Разума.

Примирительный взглядъ, положенный въ статьяхъ о Бородинской годовщинѣ въ основу государственныхъ воззрѣній, былъ въ статьѣ о Менцелѣ примѣненъ Бѣлинскимъ къ эстетикѣ и литературной критикѣ. Онъ врагъ поэзіи, въ которой слышатся слезы угнетеннаго человѣчества и протестъ противъ рѣжущихъ слухъ диссонансовъ жизни. Онъ называетъ жалкими безумцами тѣхъ, кто не въ состояніи уловить во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ лишь слѣды міровой гармоніи. „Добровольные мученики,—имъ нѣтъ покоя, для нихъ нѣтъ радости, нѣтъ счастья: тамъ гаснетъ свѣтъ просвѣщенія, тутъ гибнутъ добродѣтель и нравственность, здѣсь подавляется цѣлый народъ;—и съ воплемъ указываютъ они на виновниковъ такого ужаснаго зла, какъ-будто бы люди или человѣкъ въ состояніи остановить ходъ міра, измѣнить участь народа; какъ-будто бы нѣтъ Провидѣнія, и судьбы земнородныхъ предоставлены слѣпому случаю или слѣпой волѣ одного человѣка. Сумасброды! Внимательнѣе заглядывайте въ священную книгу судебъ

человѣческихъ, въ вѣчную „книгу царствъ“—въ „исторію“... И тогда передъ такими внимательными историками раскроется великая истина, что все благо и всегда правъ судьбы законъ, какъ думалъ Ленскій. Погибла Греція, варвары уничтожили ея статуи, время сокрушило храмы, но остались обломки статуй, сохранилась „Иліада“, и „исчезнувшая жизнь свѣтлыхъ чадъ Эллады“ воскресла для насъ въ этихъ остаткахъ. Омаръ сжегъ Александрійскую библіотеку, но „погодите проклинать Омара!“ Просвѣщеніе безсмертно. Омаръ сжегъ Александрійскую библіотеку, „но не сжегъ Гомера и Платона, Эсхила и Демосѳена, которыхъ мы знаемъ“, и т. д. Въ мірѣ нѣтъ ненужныхъ и вредныхъ явленій, все направляется не человѣкомъ, а Высшимъ Разумомъ къ высшей цѣли. Съ этой точки зрѣнія критикъ долженъ смотрѣть на поэзію и поэта. Отъ него нельзя требовать, чтобъ онъ служилъ обществу. Поэтъ, „какъ органъ общаго и мірового, какъ непосредственное проявленіе духа, не можетъ ошибаться и говорить ложь“. Поэтому Менцель, основная идея котораго заключается именно въ томъ, что искусство должно служить обществу, подвергается жестокимъ нападкамъ со стороны Бѣлинскаго. Онъ возстаетъ противъ французской литературы. Поэзія Расина и Мольера, это—„пошлыя сентенціи въ гладкихъ стихахъ“. Сочиненія Вольтера—„наглое кощунство надъ всѣмъ святымъ и завѣтнымъ для человѣчества“. Гюго и Эженъ Сю „обоготворили неистовство животныхъ страстей“ и выдали „мясничество за трагедію и романъ“. Романы Жоржъ-Сандъ—нелѣпыя и возмутительныя творенія, имѣющія цѣлью приложить на практикѣ идеи сенъ-симонизма. „Какія же это идеи? О, безподобныя! Именно, индустріальное направленіе должно взять верхъ надъ идеальнымъ и духовнымъ: должно распространиться равенство не въ смыслѣ христіанскаго братства, которое и безъ того существуетъ въ мірѣ со времени первыхъ двѣнадцати

учениковъ Спасителя, а въ смыслѣ какого-то масонскаго или квакерскаго сектантства; должно уничтожить всякое различіе между полами, разрѣшивъ женщину на вся-тяжкія и допустивъ ее вмѣстѣ съ мужчиною къ отправленію гражданскихъ должностей, а главное, предоставивъ ей завидное право мѣнять мужей по состоянію своего здоровья"... Необходимый результатъ этихъ глубокихъ и превосходныхъ идей есть уничтоженіе священныхъ узъ брака, родства, семейственности,—словомъ, совершенное превращеніе государства сперва въ животную и безчинную оргію, а потомъ—въ призракъ, построенный изъ словъ на воздухѣ". Такъ отнесся Бѣлинскій къ ученію того мыслителя, который былъ провозвѣстникомъ соціализма, почти основателемъ научной соціологіи. Страннымъ образомъ, „равенство въ смыслѣ христіанскаго братства" привело Бѣлинскаго къ оправданію деспотизма и страданій народной массы, а „масонское и квакерское сектантство" сенъ-симонистовъ положило начало великому движенію новѣйшаго времени: организованной борьбѣ за интересы трудящихся массъ.

Возставая противъ тенденціозной литературы, Бѣлинскій опредѣляетъ задачи „истинной поэзіи": ея содержаніе не вопросы дня, а вопросы вѣковъ, не интересы страны, а интересы міра, не участь партій, а судьбы человѣчества". Художникъ „въ дивныхъ образахъ осуществляетъ божественную идею для ней самой, а не для какой-либо внѣшней и чуждой ей цѣли". Поэтъ „всего менѣе способенъ отзываться на современность, которая для него есть начало безъ середины и конца, явленіе безъ полноты и цѣлости, закрытое туманомъ страстей, предубѣжденій и пристрастія партій, и потому его вдохновеніе больше любитъ жить въ вѣкахъ минувшихъ и пробуждать исполинскія тѣни Ахилловъ и Гекторовъ, Ричардовъ и Генриховъ, или изъ нѣдръ собственнаго духа вос-

производить свои гигантскіе образы, каковы—Гамлетъ, Макбетъ, Отелло"... Дѣло Питтовъ и Метерниховъ—участвовать въ судьбѣ народовъ. Дѣло художниковъ—созерцать „полное славы твореніе" и быть его органами. „Все, что есть,—говоритъ Бѣлинскій, повторяя слова Гегеля,—то необходимо, разумно и дѣйствительно". Ни въ природѣ, ни въ исторіи нельзя найти ни одной погрѣшности, ни одного недостатка въ твореніи Предвѣчнаго Художника. А искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности; слѣдовательно, его задача не поправлять и не прикрашивать жизнь, а показывать ее такъ, какъ она есть въ самомъ дѣлѣ. Моралисты, это—„вампиры, которые мертвятъ жизнь холодомъ своего прикосновенія и силятся заковать ея безконечность въ тѣсныя рамки своихъ разсудочныхъ, а не разумныхъ опредѣленій".

Таковы главныя идеи, которыя исповѣдывалъ Бѣлинскій въ московскій періодъ своей литературной дѣятельности. Статьи „Литературныя мечтанія", „О нравственной философіи Дроздова" и статьи о Бородинской годовщинѣ и Менцелѣ, это — три этапа въ исторіи философскихъ исканій Бѣлинскаго, это—отраженіе системъ Шеллинга, Фихте и Гегеля, трехъ великихъ германскихъ метафизиковъ, поочередно владѣвшихъ умами русской молодежи. Несмотря на различіе этихъ системъ, несмотря на своеобразное толкованіе, данное имъ нашимъ критикомъ, онъ правильно усвоилъ ихъ основное настроеніе, именно:—страстный порывъ въ трансцендентный міръ, міръ абсолютнаго, и полное отвращеніе къ активному вмѣшательству въ „скорбную драму" нашего временнаго бытія. Могъ ли долго оставаться такой публицистъ, какъ Бѣлинскій, на подобной точкѣ зрѣнія? Могъ ли долго оставаться скрытымъ отъ него тотъ фактъ, что эта философія трансцендентныхъ стремленій являлась превосходнымъ теоретическимъ обоснованіемъ гнета и насилія, что эта

пѣсня о небѣ служитъ къ усыпленію страдающихъ массъ.

Въ 1843 году великій современникъ Бѣлинскаго, Генрихъ Гейне, возвращался на родину изъ Франціи, въ которой онъ видѣлъ, что „юный чистый геній прекрасной свободы обручился съ Европой". На границѣ онъ встрѣтилъ малютку-арфистку, которая пѣла „о невѣдомомъ мірѣ далекихъ небесъ, гдѣ стихаютъ всѣ скорби и муки". Со свойственнымъ ему горькимъ юморомъ оцѣнилъ поэтъ общественное значеніе этихъ пѣсенъ.

Та старинная пѣсня на небо зоветъ
Съ отреченьемъ отъ жизни печальной.
Этимъ гимномъ всегда усыпляютъ народъ,
Нашъ народъ истуканъ колоссальный.
Мнѣ знакомъ древнихъ пѣсенъ старинный напѣвъ,
Знаю тѣхъ, кто сложилъ ихъ народу:
Втихомолку они распивали вино,
А намъ всѣмъ завѣщали пить воду.

Бѣлинскій въ Петербургѣ скоро понялъ, кому служилъ онъ своимъ гегеліанствомъ. Мы видѣли уже, что во всѣхъ его философскихъ увлеченіяхъ, въ самомъ его стремленіи къ общественному индифферентизму не переставалъ биться пульсъ общественной жизни, слышался голосъ могучаго соціальнаго инстинкта.

Когда въ 1841 году Герценъ и Бѣлинскій встрѣтились, „недоразумѣніе" кончилось, и недавніе противники пошли рука-объ-руку въ борьбѣ за общее дѣло.

VII.

Причины, обусловившія „переломъ“ въ міросозерцаніи Бѣлинскаго.—Критика кружка, пробужденіе общественныхъ интересовъ, нападки на дѣйствительность николаевской эпохи и на отвлеченную философію. — Главные представители, органы и писатели-художники направленія офиціальной народности.— Отношеніе между славянофилами и западниками. — Главные представители и органы славянофильскаго направленія.—Міросозерцаніе славянофиловъ.—Связь ихъ основной идеи съ ученіемъ Шеллинга.—Мистическое представленіе о народѣ.—Историческія воззрѣнія славянофиловъ: различіе между ходомъ европейской и ходомъ русской исторіи, идеализація русской старины, взглядъ на петровскую реформу. — Православіе, самодержавіе и народность съ славянофильской точки зрѣнія.—Заслуги школы и отрицательныя стороны ея вліянія.

Переломъ въ настроеніи и міросозерцаніи Бѣлинскаго совершился въ теченіе перваго же года его пребыванія въ Петербургѣ. Въ то время, какъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (въ концѣ 1839 г. и въ первой книгѣ 1840 г.) появлялись гордые и самоувѣренные панегирики дѣйствительности, законченное выраженіе московскаго идеализма Бѣлинскаго, — въ это время онъ уже глубоко страдалъ отъ начинавшагося разлада. Переписка, относящаяся къ этому періоду его жизни, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ глубоко потрясла его въ Петербургѣ та самая дѣйствительность, которая представлялась въ Москвѣ такимъ необходимымъ элементомъ міровой гармоніи.

Почему Бѣлинскій отъ философскихъ исканій, отъ погони за абсолютнымъ обратился въ Петербургѣ къ злобѣ дня, окунулся въ гущу той жизни, на которую до тѣхъ поръ смотрѣлъ съ высотъ абсолютной идеи? Было много причинъ, которыя толкнули великаго писателя на этотъ новый путь и изъ метафизика и абстрактнаго мыслителя превратили его въ пламеннаго

общественнаго борца. Обыкновенно указываютъ на то, что столкновеніе съ кружкомъ Герцена произвело сильное впечатлѣніе на Бѣлинскаго и заставило его призадуматься; далѣе, Бѣлинскій сталъ внимательнѣе знакомиться съ произведеніями Жоржъ-Сандъ и французскихъ утопистовъ, которыми тогда увлекались въ Петербургѣ. Наконецъ, въ Петербургѣ онъ сталъ лицомъ къ лицу съ той дѣйствительностью, которой не видѣлъ въ Москвѣ, вращаясь въ небольшомъ кружкѣ такихъ же гегеліанцевъ, какимъ былъ онъ самъ. Несомнѣнно, что послѣдняя причина, какъ показываетъ переписка съ Боткинымъ, была самой важной. Петербургъ сразу вырвалъ его изъ предѣловъ кружка и раскрылъ передъ нимъ самый механизмъ бюрократической машины. Только въ Петербургѣ можно было увидать воочію гнетущее дѣйствіе желѣзной длани, давившей Россію. Предъ нимъ постепенно раскрывается несостоятельность его абстрактнаго отношенія къ дѣйствительности. Онъ начинаетъ понимать, что ихъ кружокъ „губилъ китаизмъ“, что они „весь Божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ“, что они говорили о мнѣніи читающей публики, когда, въ сущности, стихотвореніе или статья восхитили „тебя, меня, Каткова, и прочихъ чудаковъ“. Онъ убѣждается, что только въ Петербургѣ можно понять, что такое читающая публика. Онъ начинаетъ „чувствовать ожесточеніе противъ идеальности“. Онъ любитъ Россію, но начинаетъ сознавать, „что это съ ея субстанціальной стороны, но ея опредѣленіе, ея дѣйствительность“ приводятъ его въ отчаяніе — „грязно, мерзко, возмутительно-нечеловѣчески“. Эта фраза особенно характерна. Сущность, субстанція, можетъ-быть, гармонична и прекрасна, но „опредѣленіе“, т.-е. явленія, — отвратительны. Старая точка зрѣнія, согласно которой отрицательныхъ явленій не можетъ быть, потому что въ каждомъ раскрывается частица абсолютнаго, исчезаетъ передъ этимъ

новымъ отношеніемъ къ дѣйствительности. „Въ Питерѣ только поймешь, что религія (конечно, въ философскомъ, а не въ теологическомъ смыслѣ,—замѣчаетъ Пыпинъ) есть основа всего и что безъ нея человѣкъ — ничто, ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ *человѣкѣ* все святое и заставить въ немъ выйти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человѣкъ можетъ узнать себя — человѣкъ онъ, получеловѣкъ или скотина: если будетъ страдать — въ немъ человѣкъ; если Питеръ полюбится ему — будетъ или богатъ или дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ... Публика — господа офицеры и чиновники... позоръ и оскорбленіе человѣчества и общества". Со своимъ неустаннымъ стремленіемъ къ истинѣ Бѣлинскій начинаетъ понимать, какое огромное значеніе долженъ имѣть Петербургъ въ исторіи его развитія. Петербургъ былъ для него „страшной скалой, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе". Онъ говоритъ теперь о томъ, что „права личнаго человѣка такъ же священны, какъ и мірового гражданина, и что кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока, какъ на отпаденіе отъ общаго, тотъ или мальчикъ, или эгоистъ, или дуракъ,—а мнѣ тотъ, и другой, и третій одинаково несносны".

Трудно повѣрить, что эти строки писались въ то самое время, когда въ статьяхъ о Бородинской годовщинѣ говорилось, что человѣкъ „долженъ отрѣшиться отъ своей субъективной личности, признавъ ее ложью и призракомъ, долженъ смириться передъ міровымъ, общимъ, признавъ только его истиной и дѣйствительностью", когда Бѣлинскій восторгался Петромъ Великимъ, сумѣвшимъ замучить своего сына и заглушить „вопль" отца во имя общаго. Въ умѣ Бѣлинскаго шла борьба между прежними порывами къ абсолютному и новыми идеями. Еще долго въ письмахъ его попадаются фразы о неизбѣжности личнаго страданія, о не-

обходимости каждаго явленія, какъ неизбѣжнаго элемента міровой жизни. Но новые мотивы, идея активнаго вмѣшательства въ жизнь, идея борьбы съ ея диссонансами, борьбы за права и счастье человѣчества все болѣе и болѣе торжествуютъ. Въ декабрѣ 1840 года онъ уже пишетъ, что хотя идея, высказанная имъ въ статьѣ о Бородинской годовщинѣ, „вѣрна въ своихъ основаніяхъ", но ему слѣдовало „развить и идею отрицанія, какъ историческаго права". Онъ чувствуетъ, что право отрицанія такъ же священно и безъ него исторія превратилась бы „въ стоячее и вонючее болото".

Вмѣстѣ съ новыми идеями въ Бѣлинскомъ просыпается уваженіе къ французскимъ мыслителямъ: „Тяжело и больно вспомнить! А дичь, которую я изрыгалъ въ неистовствѣ съ пѣной во рту противъ французовъ— этого энергичнаго, благороднаго народа, льющаго кровь свою за священнѣйшія права человѣчества". Онъ съ ужасомъ вспоминаетъ о своемъ примиреніи „съ гнусной россійской дѣйствительностью, этимъ китайскимъ царствомъ матеріальной животной жизни, чинолюбія, крестолюбія, деньголюбія, взяточничества, безрелигіозности, разврата, отсутствія всякихъ духовныхъ интересовъ, торжества безстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности,—гдѣ все человѣческое сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетеніе, страданіе, гдѣ цензура превратилась въ военный уставъ о бѣглыхъ рекрутахъ... гдѣ Пушкинъ жилъ въ нищенствѣ и погибъ жертвою подлости, а Греч и Булгарины заправляютъ всей литературой, помощію доносовъ, и живутъ припѣваючи... Что есть, то разумно, да и палачъ вѣдь есть же, и существованіе его разумно и дѣйствительно, но онъ, тѣмъ не менѣе, гнусенъ и отвратителенъ". Германія теперь въ его глазахъ „государство позорное".

Въ искренней и пламенной натурѣ „переломъ" дол-

женъ былъ стать такимъ же яркимъ и могучимъ, какимъ было самое заблужденіе. Бѣлинскій могъ остановиться на новомъ пути только тогда, когда ненависть къ заблужденіямъ стала такой же сильной, какой была его ненависть къ истинѣ. Вотъ строки, которыя могутъ считаться самымъ яркимъ выраженіемъ его отреченія: „Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что *я* понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними во Христѣ, но кто—мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозрѣваетъ его возможностей? Прочь же отъ меня блаженство, если оно—достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братьями моими. Сердце мое обливается кровью и судорожно сжимается кровью при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ-мышкой чиновника, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи... Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ въ качествѣ вѣрованія волю человѣка! Отрицаніе—мой Богъ. Въ исторіи мои герои — разрушители стараго — Лютеръ, Вольтеръ, энциклопедисты, террористы, Байронъ (Каинъ) и т. п. Разсудокъ для меня теперь выше разумности (разумѣется—непосредственной), и потому мнѣ отраднѣе кощунства Вольтера, чѣмъ признаніе авторитета религіи, общества, кого бы то ни было!“

Этого отрывка достаточно, чтобы понять, что пері-

одъ философскаго квіетизма кончился безвозвратно, что Бѣлинскій прошелъ свой антитезисъ развитія, вернулся къ самому себѣ и сталъ тѣмъ борцомъ и страстотерпцемъ родной литературы, какимъ имя его перешло въ потомство.

Лучше всего дѣятельность его въ этотъ второй періодъ выясняется, если очертить его отношенія къ господствовавшимъ въ 40-хъ годахъ тремъ главнымъ общественно-литературнымъ направленіямъ. Эти направленія были: офиціальная народность или реакціонное направленіе, явившееся идеологіей и оправданіемъ существующаго бюрократическаго режима; славянофильство или общественно-философское направленіе, исходившее изъ идеализаціи русской народности, отрицательно относившееся къ Западной Европѣ и чужеземнымъ идеямъ, направленіе націоналистическое, иногда узко-націоналистическое, но, тѣмъ не менѣе, скорѣе прогрессивное, чѣмъ реакціонное,—направленіе, искавшее въ глубинахъ русскаго національнаго характера не аргументаціи въ пользу обскурантизма и гнета, а скорѣе оправданія идей прогресса и гуманности. Наконецъ, третье—западничество. Это было движеніе, которое надолго опредѣлило ходъ русской литературы и которое далеко не укладывалось въ рамки своего названія, охвативъ широкій кругъ идей и собравъ подъ своимъ знаменемъ величайшихъ представителей русской художественной литературы. Бѣлинскій во второй періодъ своей дѣятельности былъ центральной фигурой русской журналистики. Онъ былъ душою западнаго кружка и тѣхъ журналовъ, которые были отраженіемъ западническихъ идей. Онъ былъ непримиримымъ врагомъ офиціальнаго народничества и первый изъ членовъ кружка объявилъ войну славянофиламъ, съ которыми его друзья не сразу порвали отношенія. Поэтому статьи Бѣлинскаго и въ теченіе 40-хъ годовъ остаются лучшимъ матеріаломъ для из-

ученія развитія русской общественной и художественной мысли въ это замѣчательное десятилѣтіе.

Главные принципы, на которые опиралось офиціальное народничество, уже выяснено выше. Необходимо выяснить основныя идеи славянофильства и западничества, а также установить отношеніе Бѣлинскаго ко всѣмъ тремъ направленіямъ. Но прежде чѣмъ перейти къ этой задачѣ, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней исторіи указанныхъ направленій, объ ихъ возникновеніи, о главныхъ представителяхъ и органахъ, которые служили отраженіемъ ихъ идей. Образованіе этихъ трехъ главныхъ группъ въ первой половинѣ 40-хъ годовъ свидѣтельствовало о томъ, что русская общественная мысль начала дифференцироваться. Изъ міра абстракцій, гдѣ люди самыхъ различныхъ склонностей и вкусовъ сходились въ мечтѣ о міровой гармоніи, русскіе писатели спустились въ міръ дѣйствительности, и тогда каждому пришлось занять свое мѣсто. Дѣйствительность, практика, обладаетъ тѣмъ драгоцѣннымъ свойствомъ, что она разсѣиваетъ иллюзіи и обнаруживаетъ истинную подкладку всякаго человѣка. Именно дѣйствительность показала, что пребываніе въ одномъ кружкѣ такихъ людей, какъ Бѣлинскій и Катковъ, было глубокимъ недоразумѣніемъ.

Главными органами патріотовъ уваровскаго типа были въ Петербургѣ: знаменитая газета „Сѣверная Пчела“, руководителемъ которой былъ Булгаринъ, далѣе „Маякъ“ Бурачка, „Библіотека для чтенія“ Сенковскаго, писавшаго подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса. Въ Москвѣ органомъ „патріотовъ“ былъ „Москвитянинъ“, издававшійся подъ редакціей Погодина при участіи его друга проф. Шевырева. Если къ этимъ именамъ присоединить имя Греча, друга Булгарина, мы получимъ списокъ главныхъ журналистовъ, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы возвести въ перлъ государственной мудрости и философскаго глубоко-

мыслія бюрократическія оргіи 40-хъ годовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что среди журналистовъ этого лагеря были люди различнаго нравственнаго уровня. Были просто доносчики,—люди, не брезгавшіе никакими средствами, были кружки, гдѣ, по выраженію Пыпина, „странно соприкасались литература и тайная полиція". Таковыми, по преимуществу, является знаменитая чета Булгарина и Греча. Были люди, не лишенные знанія, таланта и остроумія, въ родѣ Сенковскаго, но служившіе низменнымъ вкусамъ и равнодушные къ широкимъ общественнымъ вопросамъ. Наконецъ, были люди, не лишенные искренности, широкаго образованія, представлявшіе даже извѣстную умственную силу. Къ числу такихъ, по преимуществу, принадлежали московскіе „патріоты", особенно Шевыревъ, одно время популярный профессоръ, человѣкъ, умѣвшій будить мысль. Шевыревъ вмѣстѣ съ Погодинымъ близко стояли къ славянофиламъ, но ихъ рѣзко отдѣляли демократическія и либеральныя струи, облагораживавшія славянофильское ученіе и ненавистныя угодливымъ представителямъ квасного патріотизма.

Эта „патріотическая" журналистика поддерживала и развивала своеобразную художественную патріотическую литературу. Главнымъ представителемъ этой литературы былъ популярный въ то время романистъ Кукольникъ, писавшій надутыя патріотическія драмы, имѣвшія огромный успѣхъ. Къ этой же категоріи тогдашней литературы слѣдуетъ отнести извѣстнаго романиста Загоскина, писателя, не лишеннаго искренности и фантазіи, но тоже служившаго дѣлу реакціи и застоя своими „историческими" романами. Само собою разумѣется, что направленіе это было единственнымъ, которое пользовалось покровительствомъ бюрократическаго правительства. Несмотря на извѣстный разнородный составъ его представителей, оно въ цѣломъ было добровольной идейной охраной существую-

щаго режима, апологіей основъ, на которыя всего удобнѣе было опираться этому режиму. Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуютъ о томъ, какое трогательное согласіе существовало между властями и „патріотической“ литературой, какихъ привилегій и льготъ добивались путемъ позорной угодливости литераторы извѣстнаго рода. Ни предательство, ни ренегатство, ни подлое раболѣпіе не останавливали ихъ, когда рѣчь шла о достиженіи извѣстныхъ выгодъ. Количество этихъ фактовъ, освобожденныхъ въ настоящее время отъ тьмы забвенія, въ которую повергли ихъ покровительственныя запрещенія, растетъ съ каждымъ днемъ. Достаточно перечесть въ книгѣ Лемке „Николаевскіе жандармы“ интересные документы, относящіеся къ карьерѣ одного Булгарина, чтобы понять, до какого паденія дошли писатели патріотическаго лагеря, кого выбирало себѣ въ идейные сотрудники правительство императора Николая. Карьера Булгарина— это исторія пресмыкающагося. Сынъ польскаго революціонера, онъ въ 1831 году по приказу Бенкендорфа пишетъ „правительственное сообщеніе“ о польскомъ возстаніи, гдѣ клеймитъ своихъ соотечественниковъ именемъ „злоумышленниковъ“, а ихъ попытки—„злодѣйскимъ замысломъ“, „гнусною цѣлью“. Какъ ни смотрѣть на причины и характеръ польскаго возстанія, но едва ли можетъ быть два мнѣнія относительно нравственнаго характера того факта, что именно сынъ польскаго революціонера взялся за составленіе негодующей реляціи въ защиту православія, самодержавія и русской народности отъ покушеній его соотечественниковъ. Въ 1826 году Булгаринъ пишетъ униженную просьбу, въ которой, ссылаясь на свою безпорочную десятилѣтнюю литературную дѣятельность, на то, что онъ ни разу „не погрѣшилъ противъ установленнаго порядка вещей“, умоляетъ забыть его прошлое, возбуждавшее сомнѣніе въ правительственныхъ

сферахъ. Мольба была услышана, и Булгаринъ сталъ фаворитомъ. „Пчела“ завладѣла монополіей газетнаго дѣла. „Неужто кромѣ „Сѣверной Пчелы“, — писалъ Пушкинъ,—ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе и что камера депутатовъ закрыта до сентября?“ Только газета Булгарина имѣла право сообщать тѣ скудныя политическія новости о Россіи и Европѣ, которыя правительство находило позволительнымъ знать для русскаго общества. Словомъ, за холопскую угодливость Булгарину было отдано на откупъ дѣло политическаго развитія русской читающей публики. До какой степени патріотическая литература пользовалась охраной со стороны властей, доказываетъ запрещеніе въ 1834 году лучшаго московскаго журнала „Московскаго Телеграфа“ только за то, что журналъ дерзнулъ раскритиковать нелѣпую патріотическую драму Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“. Бѣдный Полевой, редактировавшій „Телеграфъ“, не зналъ, что на постановку пьесы правительство, щедрое, когда дѣло шло о возбужденіи патріотизма, израсходовало 40,000 руб., что Николай I горячо аплодировалъ пьесѣ на первомъ представленіи. Любопытный докладъ, представленный по этому поводу Уваровымъ государю, приведенъ въ книгѣ Лемке „Николаевскіе жандармы“. Таковы были представители и внѣшняя исторія „патріотической литературы“. Ее хорошо охраняли отъ конкуррентовъ. Ея представителямъ не на что было жаловаться. Въ 1855 г. „грачи-разбойники“ (какъ называлъ Пушкинъ булгаринскую клику), издававшіе „Пчелу“, получили по 24,000 рублей дохода.

Обратимся теперь къ органамъ и представителямъ двухъ другихъ направленій, которыя являются дѣйствительно общественно-литературными теченіями и не имѣютъ ничего общаго съ Третьимъ отдѣленіемъ. Славянофилы стояли тоже на національно-патріо-

тической точкѣ зрѣнія, нѣкоторые изъ нихъ были въ близкихъ отношеніяхъ съ руководителями „Москвитянина“, и поэтому неудивительно, что ихъ смѣшивали съ представителями офиціальной народности. Но между тѣми и другими лежала глубокая пропасть. Славянофильство было дѣйствительно философскимъ и общественно-литературнымъ направленіемъ, тогда какъ для Булгарина и Греча литература и философія были, въ сущности, вывѣской, прикрывавшей ихъ темныя дѣла. „Общаго между ними, — говоритъ Герценъ,—не было ничего кромѣ словъ. Крайности и нелѣпости славянофиловъ все-же были безкорыстно нелѣпы и безъ всякаго отношенія къ III отдѣленію и управѣ благочинія. До какой степени славянофилы по чистотѣ побужденій стояли близко къ западникамъ, всего лучше показываютъ строки, посвященныя имъ Герценомъ въ его „Быломъ и думахъ“. „Рядомъ съ нашимъ кругомъ были наши противники, nos amis les ennemis или, вѣрнѣе, nos ennemis les amis — московскіе славянофилы. Возвратившись изъ Новгорода, я засталъ оба стана на барьерѣ. Славяне были въ полномъ боевомъ порядкѣ, съ своей легкой кавалеріей подъ начальствомъ Хомякова и чрезвычайно тяжелой пѣхотой Шевырева и Погодина“. Война обоихъ направленій сильно занимала московскіе круги. Но даже Герценъ, поставившій рядомъ Хомякова съ Погодинымъ, ясно опредѣляетъ, въ чемъ заключалась черта, роднившая западниковъ и славянофиловъ,— и тѣ, и другіе были выразителями общественнаго протеста. „Въ лицѣ Грановскаго московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль Запада,— мысль умственной независимости и борьбы за нее. Въ лицѣ славянофиловъ оно протестовало противъ оскорбленнаго чувства народности бироновскимъ высокомѣріемъ петербургскаго правительства“. Такимъ образомъ, несмотря на коренное разногласіе, славянофилы

и западники въ первой половинѣ 40-хъ годовъ еще сходились какъ друзья, несогласные въ своихъ воззрѣніяхъ, но все-таки друзья. И тѣ, и другіе были людьми европейски образованными, и какъ ни рвались славянофилы къ самобытности, какъ ни хотѣли они бороться противъ старѣющей культуры Запада, исходнымъ пунктомъ ихъ міровоззрѣнія была поэтическая и туманная философія Шеллинга, великаго нѣмца, который долго владѣлъ и умами западниковъ.

Старшими вождями славянофильства были Хомяковъ (1804—1860) и братья Кирѣевскіе (Ив. 1806—1856 и Петръ 1808 — 1856). Хомяковъ, по выраженію Герцена, былъ „Ильею Муромцемъ, разившимъ всѣхъ со стороны православія и славянизма". „Умъ сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображеніемъ, онъ горячо и неутомимо проспорилъ всю свою жизнь. Боецъ безъ устали и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами"... Оба брата Кирѣевскіе, по выраженію того же автора „Былого и думъ", стоятъ „печальными тѣнями на рубежѣ народнаго воскресенія". Особенно тяжело было положеніе Ивана Кирѣевскаго, который благодаря преслѣдованіямъ цензуры разорился на своихъ изданіяхъ. И этого человѣка, „чистаго и твердаго, какъ сталь, разъѣла ржа страшнаго времени". Онъ былъ „поклонникомъ свободы и великаго времени французской революціи". И не могъ „раздѣлять пренебреженія ко всему европейскому новыхъ старообрядцевъ". Онъ однажды сказалъ Грановскому: „Сердцемъ я больше связанъ съ вами, но не дѣлю многаго изъ вашихъ убѣжденій; съ нашими я ближе вѣрой, но столько же расхожусь въ другомъ". Среди болѣе молодыхъ членовъ группы слѣдуетъ назвать братьевъ Константина и Ивана Аксаковыхъ, Юрія Самарина, Кошелева и т. д. Герценъ считаетъ 1844 годъ эпохой оконча-

тельнаго разрыва, когда споры дошли до того, что обѣ партіи не хотѣли больше встрѣчаться. Какъ глубоко любили и уважали другъ друга представители обоихъ лагерей, чего стоилъ имъ разрывъ,—показываетъ слѣдующій эпизодъ, сообщаемый Герценомъ и относящійся именно къ этому 1844 году. „Я какъ-то шелъ по улицѣ, К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. „Мнѣ было слишкомъ больно,—сказалъ онъ,—проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ того, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься“. Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился. Я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту ссоры“.

Къ чему же сводилась сущность міросозерцанія славянофиловъ? Прежде всего необходимо помнить, что славянофилы были проникнуты тѣмъ же метафизическимъ и даже мистическимъ настроеніемъ, какое преобладало вообще въ кружкахъ молодежи 40-хъ годовъ. Для нихъ міръ былъ не міромъ явленій, связь и законы развитія которыхъ необходимо изслѣдовать, а художественнымъ твореніемъ, въ явленіяхъ котораго слѣдуетъ видѣть дыханіе единой идеи, воли создавшаго его Творца. Стоя на почвѣ этого шеллингіанскаго міросозерцанія, славянофилы особенно ярко примѣнили его къ своему ученію о народѣ и народности. Мистическое представленіе о народѣ было исходнымъ пунктомъ всего славянофильскаго ученія. Въ ихъ глазахъ каждый народъ осуществлялъ въ своемъ историческомъ бытіи особую миссію, для которой онъ посланъ въ міръ Провидѣніемъ. Въ своихъ критическихъ стать-

яхъ, напечатанныхъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ за 1847 годъ, К. Аксаковъ говоритъ о „народѣ, могущественномъ хранителѣ жизненной великой тайны“, о „глубокой сущности русскаго народа“. Такова основная идея славянофильства. Народъ есть посланникъ Бога. Человѣческія старанія безсильны передъ волей Творца. Измѣнить сущность народа, направить его жизнь по иной колеѣ, не предопредѣленной свыше,— безплодная задача. Люди, задающіеся подобной задачей, вносятъ только смуту въ правильный процессъ національнаго развитія, но народъ рано или поздно разрушитъ попытки теоретиковъ и мечтателей, потому что онъ не можетъ пойти по иному пути кромѣ назначеннаго Провидѣніемъ.

Изъ этой метафизической идеи національной сущности вытекали всѣ главныя идеи славянофильства. Во-первыхъ, славянофиламъ предстояло выяснить, въ чемъ заключается сущность русскаго народа, опредѣлить характеръ миссіи, опредѣленной ему Провидѣніемъ, установить русскую національную идею. Для этого необходимо было обратиться къ русской исторіи, такъ какъ въ своемъ историческомъ бытіи осуществляетъ народъ возложенныя на него идеальныя задачи. Прошлое западныхъ и славянскихъ народовъ привело славянофиловъ къ убѣжденію, что между западнымъ, романо-германскимъ міромъ, съ одной стороны, и восточнымъ, православно-славянскимъ—съ другой существуетъ коренная противоположность. Въ „запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи“, представленной въ 1855 году императору Александру II, К. Аксаковъ устанавливаетъ эти идеальныя начала, раскрывающіяся въ русской исторіи. Главное отличіе этой исторіи отъ процесса образованія западныхъ государствъ заключается въ томъ, что послѣднія сложились путемъ завоеваній, тогда какъ Русское государство образовалось мирнымъ путемъ. Русскій народъ не стремится

къ государственной власти и не ищетъ и никогда не искалъ политическихъ правъ. „Самымъ первымъ доказательствомъ тому,—говоритъ Аксаковъ,— служитъ начало нашей исторіи: добровольное призваніе чужой государственной власти въ лицѣ варяговъ, Рюрика съ братьями. Еще сильнѣйшимъ доказательствомъ служитъ тому Россія 1612 года, когда не было царя, когда все государственное устройство лежало вокругъ, разбитое вдребезги, и когда побѣдоносный народъ стоялъ еще вооруженный, въ умиленіи торжества надъ врагами, освободивъ всю Москву: что сдѣлалъ этотъ могучій народъ, побѣжденный при царѣ и боярахъ, побѣдившій безъ царя и бояръ, со стольникомъ княземъ Пожарскимъ да мясникомъ Козьмою Мининымъ во главѣ, выбранными имъ же? Что сдѣлалъ онъ? Какъ нѣкогда въ 862 году, такъ и въ 1612 народъ призвалъ государственную власть, избралъ царя и поручилъ ему неограниченную судьбу свою, мирно сложивъ оружіе и разошедшись по домамъ". Въ виду этого монархической власти не зачѣмъ ограждать себя, — ея незыблемость основана на самой сущности народнаго склада. Ту же мысль высказываетъ Кирѣевскій въ своей статьѣ „о характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи": „Не искаженная завоеваніемъ, русская земля въ своемъ внутреннемъ устройствѣ не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ другъ другу племенъ, принужденныхъ въ постоянной враждѣ устраивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другого, ни истекающей оттуда *политической* и *нравственной* борьбы. Она не знала и необходимаго порожденія этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго про-

цесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія, и дружины боярскія, и дружины городскія, и дружина земская,— всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинаковою потребностью общаго блага". Поэтому отношенія въ Русскомъ государствѣ построены на внутренней, а не внѣшней правдѣ. Имъ противенъ духъ формализма. Въ нихъ живутъ нравственныя требованія, а не принципъ обязательствъ и внѣшней пользы. Приписывая русскому народу особый складъ, славянофилы распространяли его и на другіе славянскіе народы. Вслѣдствіе начавшагося въ началѣ XIX вѣка броженія среди славянскихъ народностей, большое распространеніе получила идея панславизма, идея всеславянскаго движенія, причемъ миссія Россіи, которая станетъ во главѣ этого движенія, увлекла патріотовъ своей грандіозностью.

Изъ этихъ общихъ историческихъ взглядовъ славянофильства вытекали его воззрѣнія на древнюю Русь и на реформы Петра Великаго. Бытъ древней Руси они возводили въ идеалъ, реформы Петра Великаго, пытавшагося пересадить къ намъ западную образованность и нѣкоторыя формы западной жизни, славянофилы считали большимъ несчастьемъ для Россіи. Въ древней Руси было, по ученію К. Аксакова, два начала: *земля* и *государство*. Земля призвала государство. Они жили мирно рядомъ, потому что „не личное самолюбіе, не гордость западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы. Землю и государство, людей *земскихъ* и людей *служилыхъ* соединяла вѣра и жизнь: „Всякій чиновникъ, начиная отъ боярина, былъ свой человѣкъ народу". Вѣчевое устройство представлялось славянофиламъ идеаломъ. Здѣсь, по замѣчанію одного

славянофильскаго критика, не было раздѣленія на большинство и меньшинство, что обозначаетъ разложеніе общиннаго начала. Вѣче было выраженіемъ этого послѣдняго. Цѣль его—вынести и спасти единство. Отъ этого оно обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулой: „снидошася вси въ любовь". Многіе идеалы, которые западники считали результатомъ европейскаго просвѣщенія, славянофилы отыскивали въ древней Руси. Московскіе послы, говорившіе шведамъ „сотворилъ Богъ человѣка *самовластна* и далъ ему волю сухимъ и воднымъ путемъ, гдѣ онъ захочетъ ѣхать", уже выразили принципъ свободы международныхъ отношеній и торговли. Свобода вѣроисповѣданій обнаружилась въ томъ, что англичанамъ предоставлено было у насъ жить „въ своей вѣрѣ" и т. д.

Петръ Великій внесъ разладъ въ ту гармонію, которая царила въ древней Руси. Въ упомянутой уже запискѣ К. Аксакова лучше всего выразились взгляды славянофиловъ на петровскую реформу, которая служила однимъ изъ главныхъ пунктовъ ихъ разногласія съ западниками. Послѣдніе не видѣли въ реформахъ Петра искусственныхъ формъ жизни, навязанныхъ Россіи. Усвоеніе результатовъ европейскаго просвѣщенія было необходимостью, которая диктовалась естественнымъ ходомъ русской исторіи. Славянофилы утверждали противное: „Переворотъ Петра, несмотря на весь внѣшній блескъ свой,—говоритъ К. Аксаковъ,—свидѣтельствуетъ, какое глубокое внутреннее зло производитъ величайшій геній, какъ скоро онъ дѣйствуетъ одиноко, отдаляется отъ народа и смотритъ на него какъ архитекторъ на кирпичи. При Петрѣ началось то зло, которое есть и зло нашего времени. Какъ всякое неизлѣченное зло, оно усилилось съ теченіемъ времени и составляетъ коренную язву нашей Россіи. Я долженъ опредѣлить это зло. Если народъ не посягаетъ на государство, то и государство не должно по-

сягать на народъ". На Западѣ всегда шла борьба между этими двумя элементами. Въ Россіи народъ и правительство жили „въ благоденственномъ союзѣ". Въ лицѣ Петра государство посягнуло на народъ, вторглось въ его жизнь, въ его бытъ, измѣняло насильственно его нравы, его обычаи, самую его одежду. Съ этого времени произошелъ разрывъ въ русскомъ народѣ. „Служилые люди или верхніе классы оторвались отъ русскихъ началъ... зажили, одѣлись и заговорили по-иностранному". Русскій народъ сохранилъ свой духъ, но Петръ покинулъ Москву и въ Петербургѣ, отдаленномъ отъ сердца Россіи пунктѣ, окружилъ себя пришлымъ населеніемъ новообразованныхъ русскихъ. Союзъ между царемъ и народомъ, государствомъ и землей рушился, государство стало завоевателемъ, а русская земля какъ бы завоеванной. „Русскій монархъ,—говорилъ К. Аксаковъ, — получилъ значеніе деспота, а свободно-подданный народъ – значеніе раба-невольника въ своей землѣ". Аксаковъ и не подозрѣвалъ, что этимъ взглядомъ на „переворотъ" Петра онъ въ корнѣ подрывалъ мистическую вѣру славянофиловъ въ единеніе русскаго царя и народа. При первомъ же столкновеніи земли и государства онъ рѣзко сталъ на сторону первой и объявилъ второе нарушителемъ гармоніи. По мысли славянофиловъ, Петръ былъ создателемъ той чуждой народу бюрократіи, которая стоитъ между народомъ и царемъ, въ средѣ которой, какъ на Западѣ, идетъ чуждая русскому народу борьба за политическую власть. Прежде свободно повинующійся народъ сталъ рабомъ, который всегда готовъ стать бунтовщикомъ: „Изъ цѣпей рабства куются безпощадные ножи бунта". Такъ разрушилъ Петръ вѣковую гармонію, и необходимо вернуться къ прошлому, уничтожить слѣды этой реформы, уже начинающей вредно сказываться и на народѣ. Необходимо вернуться къ прошлому, пока народъ еще хранитъ древнія начала,

противится рабскому чувству и иностранному вліянію верхняго класса.

Такова въ общихъ чертахъ историческая концепція славянофильства. Она тѣсно связана съ ихъ представленіями о той роли, которую играло православно-религіозное чувство въ исторіи русскаго народа. Взглядъ на тѣсную связь между православіемъ и историческимъ развитіемъ русскаго народа постоянно высказывается въ сочиненіяхъ славянофиловъ. Въ своей статьѣ „О возможности русской художественной школы", напечатанной въ „Московскомъ Сборникѣ" 1847 года, Хомяковъ развиваетъ подробно эту идею. По его мнѣнію, христіанство представляетъ соединеніе идей свободы и единства въ нравственномъ законѣ взаимной любви. Римскій и германскій миръ построены на идеѣ антагонизма, вражды между этими двумя началами. Латинская церковь поставила въ этой борьбѣ идею единства выше идеи свободы и подчинила вторую первой. Это одностороннее пониманіе христіанства должно было вызвать реакцію, и протестантство было неизбѣжнымъ порожденіемъ католичества. Оно было односторонностью противоположнаго рода, удержало идею свободы и принесло ей въ жертву идею единства. Католическая церковь связала западное человѣчество закономъ внѣшняго единства. Протестантство уничтожило всякое освящающее начало извнѣ, протестантская церковь въ области религіи привела къ „неопредѣленности философскаго мышленія, т.-е. философскаго скепсиса", а въ области общественной жизни она привела къ состоянію „безпредѣльнаго броженія, которымъ потрясенъ западный міръ". Въ наше время судъ исторіи совершается надъ обанкротившимся латинско-протестантскимъ міромъ. Соціальныя системы въ родѣ сенъ-симоновской и философскія ученія въ родѣ гегеліанства, идя различными путями, имѣютъ одну цѣль, — пополнить пустоту, оставленную въ

западномъ обществѣ паденіемъ прежней вѣры. Онѣ обличили язву, но исцѣлить ее не могли. Онѣ раскрыли глубину бездны, въ которую опускается западный міръ, но не могли поднять этотъ міръ благодаря „субъективной произвольности, на которой онѣ основаны". Словомъ, Хомяковъ усматриваетъ причины мнимой гибели европейской цивилизаціи въ непониманіи или въ одностороннемъ пониманіи христіанства.

Ошибка можетъ быть исправлена только при условіи возстановленія утраченной гармоніи, при условіи пониманія вѣчной истины христіанства въ ея полнотѣ, т.-е. „въ тожествѣ единства и свободы, проявляемомъ въ законѣ духовной любви". Православіе является именно такимъ пониманіемъ христіанства. „Всякое другое пониманіе,—говоритъ Хомяковъ,—отнынѣ сдѣлалось невозможнымъ. Представителемъ же этого пониманія является Востокъ, по преимуществу же земли славянскія и во главѣ ихъ наша Русь, принявшая чистое христіанство издревле, по благословенію Божьему и сдѣлавшаяся его крѣпкимъ сосудомъ, можетъ-быть, въ силу того общиннаго начала, которымъ она жила, живетъ и безъ котораго жить не можетъ. Она прошла чрезъ великія испытанія, она отстояла свое общественное и бытовое начало въ долгихъ и кровавыхъ борьбахъ, по преимуществу же въ борьбѣ, возведшей на престолъ Михаила, и, сперва спасшая эти начала для самой себя, она теперь должна явиться ихъ представительницей для цѣлаго міра. Таково ея призваніе, ея удѣлъ въ будущемъ. Намъ позволено смотрѣть впередъ смѣло и безбоязненно". Въ этой тирадѣ ясно обнаруживается та связь, которую устанавливало славянофильство между православіемъ и русской исторіей. Православіе было тѣмъ идеальнымъ началомъ, которое раскрывается въ русской исторіи. Православіе — то начало, осуществленіе котораго и есть священная миссія, опредѣленная русскому на-

роду. „По заслугамъ,—говоритъ К. Аксаковъ,—дался и истинный и ложный пути вѣры, — первый — Руси, второй—Западу“.

Установивъ общія философско-историческія предпосылки, изъ которыхъ исходило славянофильство, нетрудно понять, какихъ началъ должна была придерживаться школа въ своихъ государственныхъ воззрѣніяхъ. Начала эти номинально совпадали съ принципами, которые начертало на своемъ знамени офиціальное народничество: православіе, самодержавіе, народность. Но по существу между ними было глубокое различіе. Православіе въ пониманіи славянофиловъ далеко расходилось съ толкованіемъ его у представителей офиціальной народности. Славянофилы возставали противъ вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла Церкви и нерѣдко въ рѣзкихъ выраженіяхъ нападали на бюрократію, стремившуюся превратить Церковь въ орудіе своей политики. К. Аксаковъ въ упомянутой уже выше „Запискѣ“ возстаетъ противъ того употребленія, которое дѣлали изъ православія неумѣренные представители офиціальной народности. На почвѣ внутренняго разлада между правительствомъ и народомъ,—говоритъ Аксаковъ,—„какъ дурная траза, выросла непомѣрная безсовѣстная лесть, увѣряющая во всеобщемъ благоденствіи, обращающая почтеніе къ царю въ идолопоклонство, воздающая ему какъ идолу божескую честь. Одинъ писатель выразился въ „Вѣдомостяхъ“ подобными словами: „Дѣтская больница была освящена по обряду православной Церкви; въ другой разъ была освящена посѣщеніемъ Государя Императора“. Принято выраженіе, что „Государь *изволилъ* пріобщаться Святыхъ Таинъ“, тогда какъ христіанинъ иначе сказать не можетъ, что онъ *сподобился* или *удостоился*. Скажутъ, это нѣкоторые случаи; нѣтъ, таковъ у насъ всеобщій духъ отношенія къ правительству. Это только легкіе примѣры поклоненія зем-

ной власти". Такимъ образомъ, главное различіе между славянофильствомъ и офиціальнымъ народничествомъ въ ихъ взглядахъ на православіе заключалось въ томъ, что первое отнюдь не имѣло въ виду дѣлать изъ православія орудіе политической власти и превращать его въ опору самодержавія, незыблемость котораго коренилась, по ученію славянофиловъ, въ самыхъ глубокихъ тайникахъ народнаго духа. Другое важное различіе заключалось въ томъ, что славянофильство допускало свободу изслѣдованія и допускало широкое участіе паствы въ жизни Церкви. Церковь, по ученію славянофиловъ не могла стать на мѣсто человѣческой совѣсти, ея авторитетъ уживался рядомъ съ нравственной свободой личности. Хомяковъ вынужденъ былъ печатать свои теологическіе трактаты за границей на французскомъ языкѣ, —лучшее свидѣтельство того, какъ мало общаго было между православіемъ славянофиловъ и офиціальнымъ православіемъ патріотовъ въ родѣ Булгарина и Греча. Въ запискѣ К. Аксакова есть рѣзкія строки, говорящія о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводило это стремленіе „патріотовъ", поставить власть и политическую церковь на мѣсто внутренней совѣсти и внутренняго Бога отдѣльной личности: „Моя вѣра", — сказалъ человѣкъ. „Государь есть глава Церкви",—отвѣтятъ ему (вопреки православному ученію, по которому глава Церкви — Христосъ). „Твоя вѣра—государь". „Мой Богъ",—скажетъ, наконецъ, человѣкъ. „Богъ твой—государь; онъ есть земной Богъ". И государь является какой-то невѣдомой силой, ибо объ ней и говорить и разсуждать нельзя, и которая между тѣмъ вытѣсняетъ всѣ нравственныя силы. Лишенный нравственныхъ силъ, человѣкъ становится бездушенъ и съ инстинктивною хитростью, гдѣ можетъ, грабитъ, воруетъ, плутуетъ". Если мы припомнимъ, что эти слова писались въ запискѣ, представленной государю, то станетъ понят-

нымъ глубокая пропасть, отдѣляющая славянофиловъ отъ офиціальныхъ патріотовъ.

Въ пониманіи второго принципа—самодержавія славянофилы такъ же мало сходились по существу съ офиціальной народностью, какъ и въ своемъ отношеніи къ православію. Уже историческія воззрѣнія славянофиловъ, приведенныя выше, свидѣтельствуютъ о томъ, что они далеко не смѣшивали самодержавія съ произволомъ и деспотизмомъ. Они оставляли монарху государственную власть, а землѣ, народу—его бытъ, независимость его жизни и нравственную свободу. Мы видѣли, что они не задумались рѣзко выступить противъ монархической власти въ лицѣ Петра, когда, по ихъ убѣжденію, она вторглась въ независимую область жизни *земли*. И въ современномъ имъ государственномъ строѣ славянофилы рѣзко осуждали вмѣшательство государства въ жизнь народа. Та картина отношеній между самодержавнымъ царемъ и народомъ, которая рисовалась славянофиламъ, вытекала изъ ихъ мистической вѣры въ невозможность конфликтовъ между этими двумя элементами. Они были врагами конституціоннаго западнаго строя. Въ этомъ послѣднемъ имъ не нравился принципъ юридическаго обязательства, который дѣлаетъ народное представительство чѣмъ-то постояннымъ, навязаннымъ монарху, которое дѣлаетъ для него юридически обязательными постановленія этого представительства, которое, наконецъ, какъ бы даетъ гарантію народа противъ измѣны со стороны монарха. По ихъ мнѣнію, русскому народу несвойственны подобныя отношенія. Гарантія, по словамъ Аксакова, есть зло: гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра. „Вся сила въ *идеалѣ*. Да и что значатъ условія и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней? Никакой договоръ не удержитъ людей, какъ скоро нѣтъ на это желанія. Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи. Это сокровище есть въ Россіи, потому что

она всегда въ него вѣрила и не прибѣгала къ договорамъ".

Но, отрицая конституцію, славянофилы, тѣмъ не менѣе, и не думали превращать народъ въ безсловесную массу, въ бездушную машину, которую можно произвольно направлять въ любую сторону. Мнѣніе земли они считали великимъ элементомъ въ правильномъ развитіи государственной жизни. Имъ рисовалась не конституціонная, а другая система народнаго представительства, нѣчто въ родѣ старыхъ русскихъ земскихъ сборовъ. Эту систему отличали отъ конституціонной два существенныхъ признака. Во-первыхъ, такое представительство не постановляло никакихъ, а тѣмъ болѣе обязательныхъ для монарха рѣшеній, оно только доводило до его свѣдѣнія мнѣніе земли, имѣло совѣщательный голосъ, какъ сказали бы мы въ настоящее время. Во-вторыхъ, конституціонный строй предполагаетъ обязательное постоянное функціонированіе народнаго представительства. Славянофилы полагали, что это представительство выступаетъ на сцену только тогда, когда монархическая власть почувствуетъ потребность ознакомиться съ мнѣніемъ земли. Благодаря вѣрѣ славянофиловъ въ существованіе внутренняго мистическаго сродства между царемъ и народомъ они не предполагали на этой почвѣ возможности конфликтовъ, вопросъ о которыхъ возникаетъ у насъ прежде всего, когда заходитъ рѣчь о такомъ строѣ. Нравственная сила мнѣнія земли такъ велика, что царь не можетъ поступить вопреки этому мнѣнію, а въ важныхъ вопросахъ, именно въ такихъ, которые касаются коренныхъ основъ народной жизни, царь не можетъ не почувствовать необходимости выслушать голосъ народа. Никакихъ принудительныхъ мѣръ и гарантій не требуется. Разъ естественная нравственная связь между царемъ и народомъ порвалась, гарантіи все равно ни къ чему не послужатъ. Такимъ

образомъ, для славянофиловъ народное или *общественное мнѣніе* было великой силой, которое дастъ тонъ и направленіе государственной жизни. Правда, въ этомъ общественномъ мнѣніи нѣтъ политической силы. Оно— сила нравственная. Но въ немъ государство видитъ, чего желаетъ страна, чѣмъ оно, государство, должно руководиться. „Охраненіе свободы общественнаго мнѣнія, какъ нравственной дѣятельности страны, есть, такимъ образомъ, одна изъ обязанностей государства... Мудрые цари наши это понимали: да будетъ имъ вѣчная за то благодарность! Они знали, что при искреннемъ и разумномъ желаніи счастья и блага странѣ нужно знать и въ извѣстномъ случаѣ вызвать ее мнѣніе. И потому цари наши часто созывали Земскіе Соборы, состоявшіе изъ выборныхъ всѣхъ сословій Россіи, гдѣ предлагали на обсужденіе тотъ или другой вопросъ, касающійся государства и земли“.

Обращаясь къ современности, славянофилы подвергли ее рѣзкой критикѣ. Аксаковъ указываетъ, что установившійся послѣ Петра бюрократическій режимъ поселилъ рабскія и вмѣстѣ съ тѣмъ и бунтовщическія чувства въ народѣ. „Рабъ видитъ только одну разницу между собою и правительствомъ: онъ угнетенъ, а правительство угнетаетъ; низкая подлость всякую минуту готова перейти въ наглую дерзость“. Аксаковъ указываетъ въ своей „Запискѣ“ на то, что народъ не имѣетъ довѣрія къ правительству, а правительство — къ нему, народъ въ каждомъ дѣйствіи правительства готовъ видѣть новое угнетеніе, а правительство постоянно боится революціи и въ каждомъ самостоятельномъ выраженіи мнѣнія, въ каждой подписанной многими просьбѣ (что уважалось въ древней Руси) готово видѣть бунтъ. „Все зло,—заявляетъ К. Аксаковъ, — происходитъ отъ угнетательной системы нашего правительства,—угнетательной относительно свободы жизни, свободы мнѣнія, свободы нравствен-

ной, ибо на свободу политическую въ Россіи притязаній нѣтъ". Одной изъ заслугъ славянофильства слѣдуетъ признать ихъ пламенныя статьи въ защиту свободы слова и страстныя филиппики противъ цензуры. Печать, какъ средство выраженія общественнаго мнѣнія, являлась въ ихъ глазахъ народной святыней. „Пусть государство возвратитъ землѣ ей принадлежащее: мысль и слово; и тогда земля возвратитъ правительству то, что ему принадлежитъ: свою довѣренность и силу. Человѣкъ созданъ отъ Бога существомъ разумнымъ и говорящимъ. Дѣятельность разумной мысли, духовная свобода есть призваніе человѣка. Свобода духа болѣе всего и достойнѣе всего выражается въ свободѣ слова. Поэтому свобода слова—вотъ неотъемлемое право человѣка. Въ настоящее время этотъ единственный органъ земли находится подъ тяжелымъ гнетомъ".

Такимъ образомъ, славянофильское пониманіе самодержавія и православія глубоко расходилось съ толкованіемъ этихъ началъ въ органахъ офиціальной народности. У славянофиловъ это были тѣ начала, которыя коренились въ глубинѣ народнаго характера. Православіе являлось суммой религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній народа, самодержавіе—той правительственной формой, которую народъ добровольно учредилъ, какъ форму, соотвѣтствующую его складу, чуждому власти и политическаго честолюбія. Такимъ образомъ, третій принципъ, провозглашенный славянофильствомъ, принципъ народности, былъ, въ сущности, синтезомъ двухъ первыхъ. Благочестіе и смиреніе, отреченіе отъ политической власти, преданность правленію и монарху и общинному строю,—таковы коренныя основы русскаго народнаго характера. Славянофилы повсюду являлись апологетами этихъ свойствъ, въ художественныхъ произведеніяхъ они искали ихъ

отраженія. Причины разочарованія Онѣгина они усматривали въ его оторванности отъ народа.

Подводя итоги славянофильству, нельзя не отмѣтить его крупныхъ заслугъ въ области разработки русской исторіи, въ дѣлѣ собиранія народныхъ пѣсенъ, наконецъ, въ изслѣдованіи отдѣльныхъ сторонъ русскаго быта. Достаточно указать историческіе труды Кирѣевскаго и К. Аксакова, изслѣдованіе Валуева о мѣстничествѣ, замѣчательное изслѣдованіе Ив. Аксакова объ украинскихъ ярмаркахъ. Своими критическими статьями славянофилы содѣйствовали развитію въ русской художественной литературѣ извѣстныхъ теченій. Ихъ вліяніе сказывается и въ спорахъ Лаврецкаго съ Паншинымъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ", и въ изображеніи Любима Торцова у Островскаго. Оно отразилось на творчествѣ Достоевскаго и другихъ нашихъ великихъ писателей. Въ исторіи нашей общественности они тоже сыграли немалую роль. Какъ публицисты, они часто выступали искренними и компетентными поборниками передовыхъ идей, съ точки зрѣнія которыхъ они, какъ, напримѣръ, И. Аксаковъ, освѣщали текущіе вопросы внутренней и внѣшней политики. Но въ то же время въ нападкахъ на славянофильство было много справедливаго. Ихъ политическія теоріи были туманны. Они искали въ древней Руси коренныхъ основъ русскаго народнаго характера, забывая, что многія черты тогдашняго строя были принадлежностью не спеціально русскаго народнаго уклада, а патріархальнаго періода въ исторіи всякаго народа. Картина идиллическаго согласія между царемъ и народомъ, которая представлялась славянофиламъ новымъ словомъ государственной мудрости, подареннымъ міру Русью, была, въ сущности, обычной картиной патріархальныхъ отношеній, непримѣнимой въ современныхъ сложныхъ государствахъ съ широко развѣтвленными формами политической

жизни. А между тѣмъ славянофилы причинили немало зла своими идеями о смиреніи русскаго народа, объ его добровольномъ отреченіи отъ политической дѣятельности. Они давали часто сильное оружіе въ руки бюрократіи и квасного патріотизма. Они сами далеко не свободны отъ упрека въ проповѣди національной и религіозной нетерпимости. Наконецъ, они не всегда заботились о томъ, чтобы ограничить себя отъ направленія офиціальной народности, съ представителями котораго они находились въ дружескихъ отношеніяхъ и въ органахъ котораго помѣщали свои статьи. Поэтому неудивительно, что ихъ нерѣдко смѣшивали съ публицистами, имена которыхъ стали символомъ обскурантизма и реакціи. Не слѣдуетъ также забывать, что славянофильское ученіе въ томъ видѣ, какъ оно представлено выше, развернулось во всей своей полнотѣ гораздо позднѣе 40-хъ годовъ. Въ эти годы его вожди еще не создали глубокаго обоснованія его. Славянофилы не нашли еще настоящей аргументаціи. Ихъ теоріи носили неопредѣленный характеръ, и неудивительно, что Бѣлинскій издѣвался въ это время надъ ними, требуя, чтобы они ясно формулировали свою систему.

VIII.

Западничество, его органы и представители.—Чаадаевъ.—Европейская реакція и мистицизмъ.—„Философическія письма".—Европа и Россія и сравнительная оцѣнка ихъ прошлаго и настоящаго у Чаадаева.—Его отношеніе къ славянофильству, западничеству и офиціальной Россіи.—Чаадаевъ и освободительное движеніе.

Третье общественно-литературное направленіе извѣстно подъ именемъ западничества. Въ сущности подъ этимъ словомъ объединились почти всѣ великія

имена тогдашней философской, критической и художественной литературы. Хотя писатели, не раздѣлявшіе православно-націоналистическихъ воззрѣній славянофильства, чтившіе европейское просвѣщеніе, и приняли кличку западниковъ, но само собою разумѣется, что этотъ условный терминъ далеко не охватывалъ великаго потока идей, брошенныхъ западниками русскому обществу, не охватывалъ всѣхъ созданій художественнаго творчества, которыя причислялись къ этому направленію. Мы уже видѣли, какія отношенія между славянофилами и западниками существовали въ Москвѣ. Въ Петербургѣ Бѣлинскій послѣ своего переѣзда туда сталъ главнымъ центромъ западническаго кружка, глашатаемъ его идеаловъ. Въ своихъ статьяхъ отражалъ онъ споры и идеи, волновавшіе кружокъ. Благодаря своему критическому чутью онъ угадывалъ новые таланты и такимъ образомъ постоянно пополнялъ кадры кружка новыми могучими силами. Наконецъ, благодаря его энергіи, его неустанному труду создавались и держались западническіе органы подъ тяжелыми ударами тогдашней цензуры. Бѣлинскій былъ душою журналовъ, на которыхъ воспиталось цѣлое поколѣніе, жадно набрасывавшееся на каждую статью великаго критика.

Западный кружокъ въ Петербургѣ составился изъ ядра станкевичевскаго кружка. Послѣ того какъ Бѣлинскій примирился съ друзьями Герцена, въ новый кружокъ вошли лучшіе представители обоихъ прежнихъ кружковъ. Къ нему присоединялись свѣжія силы, сошлись тѣ люди, которые получили названіе „людей 40-хъ годовъ“. Можно сказать, что въ этомъ новомъ кругѣ преобладало то теченіе, котораго представителями во времена студенчества были Герценъ и Огаревъ. Французскія идеи были теперь главнымъ предметомъ вниманія, и, поскольку рѣчь идетъ о западномъ вліяніи въ кружкѣ, его можно было бы назвать

скорѣе французскимъ, чѣмъ вообще западнымъ. „Изъ Франціи,—писалъ впослѣдствіи Салтыковъ,—разумѣется, не изъ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Сандъ лилась въ насъ вѣра въ человѣчество; оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ". Главнымъ органомъ кружка становятся „Отечественныя Записки", душой которыхъ былъ Бѣлинскій и мнѣнія которыхъ съ 1841 года постепенно завоевываютъ себѣ господствующее положеніе. Этотъ журналъ дѣлается руководителемъ передового общества, устанавливая эстетическія понятія и опредѣляя значеніе вновь появляющихся писателей. Онъ разрушаетъ авторитетъ патріотической журналистики, развиваетъ въ обществѣ художественные вкусы, отвлекая его отъ лже-патріотическихъ драмъ и романовъ и обращая его вниманіе на Гоголя, Кольцова и вновь нарождающіеся таланты, на будущихъ корифеевъ русской художественной литературы. Среди лицъ, примыкавшихъ къ кружку, мы встрѣчаемъ уже знакомыя намъ имена Герцена, Грановскаго, Боткина. А вмѣстѣ съ ними тѣсно связана блестящая плеяда романистовъ и поэтовъ, обогатившихъ вскорѣ русскую литературу великими твореніями. Быть-можетъ, величайшая доля значенія этого западнаго кружка заключается именно въ томъ, что въ его атмосферѣ развивались Тургеневъ, Некрасовъ, Григоровичъ, позднѣе—Гончаровъ, Достоевскій и проч., что здѣсь встрѣчали сочувствіе и нравственную поддержку представители свободнаго научнаго изслѣдованія въ области исторической и экономической жизни, какъ Соловьевъ, Кавелинъ, Аѳанасьевъ и т. д. Само собою разумѣется, что Бѣлинскому принадлежала главная роль въ этомъ вліяніи. Въ 1843 году Бѣлинскій въ первый разъ встрѣтился съ Тургеневымъ и сразу оцѣнилъ будущаго романиста. „Бесѣда и споры съ

нимъ,—пишетъ Бѣлинскій,—отводили мнѣ душу... Отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры". По словамъ Тургенева, когда Бѣлинскій бывалъ въ ударѣ, „не было возможности представить себѣ человѣка болѣе краснорѣчиваго, въ лучшемъ, въ русскомъ смыслѣ этого слова... Это было неудержимое изліяніе нетерпѣливаго и порывистаго, но свѣтлаго и здороваго ума, согрѣтаго всѣмъ жаромъ чистаго и страстнаго сердца и руководимаго тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ правды и красоты, котораго почти ничѣмъ не замѣнишь". Когда Тургеневъ написалъ „Парашу", въ которой, по словамъ Тургенева, было нѣсколько „едва замѣтныхъ крупицъ чего-то похожаго на дарованіе", Бѣлинскій, „всегда готовый протянуть руку начинающему и привѣтствовать все, что хоть немного обѣщало быть полезнымъ приращеніемъ тому, что Бѣлинскій любилъ самой страстной любовью,—русской литературѣ", напечаталъ о „Парашѣ" статью въ „Отеч. Записк." Однихъ этихъ словъ Тургенева достаточно, чтобы понять, какое огромное вліяніе оказывалъ Бѣлинскій на развитіе русской литературы. Почти всѣ великіе таланты послѣдующей эпохи начинали свою литературную карьеру съ благословенія Бѣлинскаго. Когда Бѣлинскій получилъ первую повѣсть Достоевскаго, онъ, ничего не ожидая, хотѣлъ пробѣжать рукопись передъ сномъ. Но первыя же страницы захватили его. Онъ не спалъ всю ночь. „Утромъ,—разсказываетъ Панаевъ,—Некрасовъ засталъ Бѣлинскаго уже въ восторженномъ лихорадочномъ состояніи... „Давайте мнѣ Достоевскаго!"—были первыя слова его. Потомъ онъ, задыхаясь, передалъ ему свои впечатлѣнія, говорилъ, что „Бѣдные люди" обнаруживаютъ громадный, великій талантъ, что авторъ ихъ пойдетъ далѣе Гоголя и пр. Когда къ нему привезли Достоевскаго, онъ встрѣтилъ его съ нѣжною, почти

отцовскою любовью и тотчасъ высказался передъ нимъ *весь*, передавъ ему вполнѣ свой энтузіазмъ". Когда Гончаровъ читалъ ему свой первый трудъ, „Обыкновенную исторію", Бѣлинскій повременамъ привскакивалъ на стулѣ съ сверкающими глазами. Онъ же угадалъ важное общественное значеніе „Антона Горемыки" Григоровича, хотя и чувствовалъ недостатки этой повѣсти въ художественномъ отношеніи. „Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія: читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязаетъ цѣлую вотчину—законное наслѣдіе его благородныхъ предковъ".

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы понять великое вліяніе Бѣлинскаго на ходъ русской литературы. Этихъ именъ достаточно, чтобы понять, какъ узко было слово „западничество" въ примѣненіи къ тѣмъ твореніямъ, которыя оно породило, какъ неполно обнимало оно то, что связано съ нимъ. Тургеневъ и Достоевскій, Гончаровъ и Григоровичъ,—все это друзья кружка, а между тѣмъ это вовсе не были западники въ томъ смыслѣ, какъ понимало это слово славянофильство, т.-е. далеко не были только глашатаями западныхъ идей. Вообще въ спорѣ между западничествомъ и славянофильствомъ было много страстности, мѣшавшей разглядѣть общія точки соприкосновенія между обѣими школами. Славянофилы отнюдь не отказывались отъ западнаго просвѣщенія и западныхъ идей,—самый источникъ славянофильской философіи, какъ мы видѣли, скрывался въ ученіи Шеллинга. Съ другой стороны, западники вовсе не требовали механическаго насажденія у насъ европейской образованности. Въ ихъ отношеніи къ народу часто было, можетъ-быть, больше истиннаго пониманія его склада и психологіи, чѣмъ у славянофиловъ. Достаточно на-

звать „Записки охотника“. Если у славянофиловъ было нѣкоторое основаніе упрекать своихъ противниковъ въ слѣпомъ поклоненіи Западу, то это относилось только къ крайнимъ представителямъ западничества. На личности и міровоззрѣніи одного изъ самыхъ характерныхъ представителей этого крайняго западничества необходимо остановиться въ виду огромнаго впечатлѣнія, произведеннаго его литературнымъ выступленіемъ.

Впрочемъ, говоря о „крайнемъ западничествѣ“ Чаадаева, слѣдуетъ сдѣлать очень существенныя оговорки. Это былъ оригинальный мыслитель, котораго съ нѣкоторымъ успѣхомъ можно причислить и къ славянофиламъ. Вѣрнѣе, его міровоззрѣніе не походило вполнѣ ни на одно изъ двухъ господствующихъ теченій, хотя имѣло много точекъ соприкосновенія съ каждымъ изъ нихъ. Если на него обрушились удары славянофиловъ, если въ немъ видѣли человѣка, доведшаго до абсурда культъ Европы и презрѣніе къ Россіи, то причиной этого было его знаменитое „философическое письмо“, гдѣ съ рѣдкой силой заклеймлено прошлое и настоящее Россіи и возвеличена европейская цивилизація. Г. Гершензонъ въ своей книгѣ о Чаадаевѣ пытался установить, что не въ этомъ культѣ западнаго міра лежалъ центръ ученія Чаадаева, что ученіе его дошло до насъ „обезглавленнымъ“, такъ какъ письма, въ которыхъ изложены его религіозно-философскія воззрѣнія не дошли до насъ. Въ этой точкѣ зрѣнія есть доля справедливости, но, тѣмъ не менѣе, историко-культурное значеніе Чаадаева заключается, конечно, не въ его мистицизмѣ, не въ его философско-религіозныхъ воззрѣніяхъ, а именно въ тѣхъ идеяхъ, которыя произвели, по выраженію Герцена, впечатлѣніе „выстрѣла, раздавшагося въ темную ночь“. Правда, Чаадаевъ въ своемъ протестѣ противъ существующей дѣйствительности не опирался на ту

раціоналистическую основу, на которой стояла оппозиціонная мыслящая Россія, но въ немъ жилъ могучій общественный инстинктъ, непонятнымъ образомъ его мистически-религіозныя идеи приводили къ негодующему протесту противъ тѣхъ же сторонъ русской дѣйствительности, противъ которой выступало все лучшее въ русской литературѣ, и, несмотря на все своеобразіе чаадаевскихъ идей, Герценъ и участники освободительнаго движенія, какъ справедливо замѣчаетъ Плехановъ, не ошиблись, считая Чаадаева своимъ.

Чаадаевъ родился въ 1794 году, воспитывался въ домѣ своей аристократической тети, княжны Щербатовой, получилъ блестящее образованіе и вообще росъ баловнемъ судьбы. Около 1809 года онъ поступилъ въ Московскій университетъ и въ качествѣ знатнаго, богатаго, свѣтски воспитаннаго и тонко образованнаго молодого человѣка былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей высшаго общества. По окончаніи университета онъ поступилъ въ гвардію и вмѣстѣ съ русскими войсками прошелъ всю Европу во время наполеоновскихъ войнъ. Послѣ войны онъ снова занимаетъ соотвѣтствующее положеніе въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, гдѣ пріобрѣтаетъ репутацію молодого мудреца благодаря своей склонности къ серьезному чтенію. Онъ попадаетъ въ кругъ будущихъ декабристовъ, сближается съ Пушкинымъ, который къ нему обратилъ свое знаменитое посланіе, заканчивающееся словами:

Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Однимъ словомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что въ юности Чаадаевъ стоялъ въ рядахъ передовой русской молодежи. Въ 1821 году Чаадаевъ вышелъ въ отставку,

а спустя два года уѣхалъ за границу. Здѣсь совершился въ его душѣ переворотъ: онъ сдѣлался мистикомъ. Трудно установить причины этого душевнаго переворота. Вѣроятно, сильное вліяніе оказало на Чаадаева общее настроеніе европейскаго общества, которое охвачено было идеями Жозефа де-Местра, Бональда и Шатобріана [1]), прочитанныя имъ еще до отъѣзда за границу сочиненія мистика Юнгъ-Шпиллинга, наконецъ, нервное разстройство, которымъ страдалъ Чаадаевъ. Онъ вернулся въ Россію съ тою же ненавистью къ русской дѣйствительности и съ ненавистью, которая еще укрѣпилась подъ вліяніемъ пребыванія въ культурныхъ странахъ Европы. Онъ далъ ей теперь другую основу, но онъ остался пламеннымъ общественникомъ. Онъ видѣлъ послѣдствія декабрьскаго возстанія, гибель своихъ друзей. Пессимизмъ и мрачный взглядъ на Россію для нервной, впечатлительной натуры Чаадаева были естественнымъ слѣдствіемъ совершавшихся вокругъ него событій, и, вѣроятно, въ концѣ его четырехлѣтняго мрачнаго затворничества (1823—1830) онъ написалъ свои философическія письма. Въ началѣ 30-хъ годовъ Чаадаевъ возвращается къ свѣтской общественной жизни, хотя не прекращаетъ своихъ кабинетныхъ занятій, и вскорѣ снова становится однимъ изъ „львовъ“ большого свѣта, благодаря своему воспитанію, уму и образованію. Попытка поступить на службу потерпѣла фіаско: слишкомъ мало подходилъ своеобразный философъ къ требованіямъ капраловъ, правившихъ тогда Россіей. Такъ текла жизнь Чаадаева, когда въ концѣ 1836 года безъ участія автора появилось въ „Телескопѣ“ его первое философическое письмо, вызвавшее цѣлую бурю и въ правительственныхъ, и въ общественныхъ сферахъ, появилось черезъ 6—8 лѣтъ послѣ того, какъ оно вышло изъ-подъ пера ав-

---

[1]) См. мои „Очерки по ист. зап.-европ. лит.“. Т. II.

тора, который къ этому времени уже измѣнилъ свои взгляды на нѣкоторые вопросы. Николаевскіе жандармы не умѣли вдумываться въ слишкомъ тонкія и глубокія идеи. То, что написалъ Чаадаевъ, было до того неожиданно, что прямолинейный капральскій умъ не нашелъ лучшаго средства, какъ объявить автора сумасшедшимъ. Едва ли это было тонкимъ издѣвательствомъ самодовольной бюрократіи надъ человѣкомъ, который въ пламенной рѣчи обличилъ не только ея несостоятельность, но и всю ходульную философско-историческую основу, на которой бюрократія самодовольно строила зданіе своей непогрѣшимости. Въ этомъ рѣшеніи было больше искренней солдатской тупости, чѣмъ тонкаго расчета. Чаадаеву было запрещено выѣзжать изъ дому, и надъ нимъ былъ учрежденъ унизительный медико-полицейскій надзоръ. Впрочемъ надзоръ этотъ длился всего около года, послѣ чего Чаадаеву было запрещено писать. Послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни Чаадаевъ провелъ безвыѣздно въ Москвѣ, разъ навсегда распредѣливъ порядокъ своего дня, которому онъ остался вѣренъ до самой своей смерти въ 1856 году.

Въ чемъ же заключались мысли, высказанныя въ „философическихъ письмахъ“, въ особенности въ первомъ, которое послужило поводомъ къ его унизительному наказанію?

Для оцѣнки Чаадаева необходимо принять въ расчетъ тѣ условія, въ которыхъ жило русское общество въ концѣ александровскаго и въ николаевское царствованіе. Въ сущности происхожденіе общественной психики Чаадаева и таковой у Бѣлинскаго, Герцена и славянофиловъ имѣло общую основу. Ученіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ мыслителей вытекало изъ двухъ основныхъ причинъ: изъ отрицательнаго отношенія къ существующей дѣйствительности, съ одной стороны, и изъ полной невозможности пріобщиться

къ этой дѣйствительности, оказывать на нее воздѣйствіе — съ другой. Эти двѣ причины заставляли мыслящую часть русскаго общества искать гармоніи въ теоріяхъ, ничего общаго съ русской жизнью не имѣющихъ. Если Бѣлинскій бросился въ объятія Шеллинга и Гегеля, Герценъ — Сенъ-Симона, а славянофилы — русской старины, пропущенной черезъ призму шеллингіанства, то было бы странно, если бы среди русскаго общества, оторваннаго отъ дѣйствительности и бросавшагося на Западъ за объясненіями своего разочарованія, не нашлось мыслителя, искавшаго выхода въ западныхъ мистическихъ ученіяхъ. Чаадаевъ въ этомъ смыслѣ, быть-можетъ, болѣе всѣхъ заслуживаетъ названіе родоначальника нашего западничества. Онъ открываетъ исторію пересадокъ западныхъ теорій на русскую почву и притомъ обращается къ тому ученію, которое и на Западѣ по времени было наиболѣе раннимъ. Литература реакціи во Франціи и въ значительной части Европы была, въ сущности, скорбнымъ воплемъ объ утратѣ того единства и той гармоніи, которыя подарило человѣчеству католичество. Что такое „Духъ христіанства“ Шатобріана, какъ не безплодная попытка возродить утраченную вѣру, воспѣть красоту католической религіи? Его „Рене“ долженъ былъ выяснить спасительную роль аскетизма и монастырской жизни. Книга Жозефа де-Местра „О папѣ“ должна была возродить идею папской непогрѣшимости, бросить проклятіе реформаціи и раціонализму XVIII вѣка, разрушившимъ слѣпое подчиненіе авторитету, подорвать значеніе точныхъ наукъ, возстановить мысль о божественной волѣ, раскрывающейся въ природѣ и исторіи. А Бональдъ съ его мрачнымъ фанатизмомъ и Новалисъ, договаривавшійся до апологіи инквизиціи,—все это выразители растерянности и разочарованія, охватившаго разгромленные революціей дворянскіе классы, а вмѣстѣ съ ними и значительную часть

общества, которое не могло сразу перейти отъ стараго феодально-католическаго строя къ новому буржуазно-научному. Не случайно, конечно, Шатобріанъ былъ бретонскимъ дворяниномъ, Жозефъ де-Местръ — графомъ, а Бональдъ—виконтомъ [1]). Тѣсная связь между писателями реакціи и Чаадаевымъ не подлежитъ сомнѣнію. У него мы встрѣтимъ и апологію политическаго католицизма во вкусѣ Жозефа де-Местра, и мысль объ эстетическихъ радостяхъ и глубокихъ чувствахъ, возбуждаемыхъ христіанствомъ, — мысль, легшую въ основу шатобріановской поэзіи и протестъ противъ раціонализма въ духѣ де-Местра и Бональда и заимствованную у послѣдняго идею объ исторіи рода человѣческаго, какъ о постепенномъ воспитаніи его Божіимъ промысломъ, которое приведетъ къ Царству Божію на землѣ.

Такимъ образомъ, Чаадаевъ стоялъ на почвѣ тогдашняго европейскаго мистицизма. Онъ перенесъ его къ намъ по-своему, такъ же, какъ Бѣлинскій пересадилъ гегеліанство. И страннымъ образомъ такіе несходные въ смыслѣ философской основы писатели, какъ Чаадаевъ, Бѣлинскій и Герценъ, были соратниками и единомышленниками по своимъ практическимъ стремленіямъ. Всѣ они, какъ и ихъ друзья, съ полнымъ правомъ перешли въ потомство въ качествѣ единой свѣтлой дружины прогресса, возставшей противъ общаго врага—торжествующаго обскурантизма николаевской эпохи. Именно таково значеніе знаменитаго письма Чаадаева, которое этой стороной своего содержанія произвело впечатлѣніе „выстрѣла среди ночи“, и Герценъ не ошибся, увидавъ въ этомъ выстрѣлѣ новое под-

---

[1]) О причинахъ, вызвавшихъ разочарованіе и мистико-романтическое настроеніе въ Европѣ въ началѣ XIX вѣка, а также объ упоминаемыхъ здѣсь писателяхъ реакціи см. подробнѣе мои *Очерки по ист. зап.-евр. лит.*

крѣпленіе противъ непріятеля. Разсмотримъ главныя идеи Чаадаева.

Основная мысль перваго письма—безнадежный пессимизмъ по отношенію къ прошлому, настоящему и будущему Россіи и безусловное преклоненіе передъ Западомъ, его исторіей и цивилизаціей. Русскій народъ — печальный наносокъ въ семьѣ европейскихъ народовъ. Мы никогда не шли рука-объ-руку съ прочими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣческаго рода; мы не принадлежимъ ни къ Западу, ни къ Востоку, и у насъ нѣтъ традицій ни того, ни другого. Стоя какъ бы внѣ времени, мы не были затронуты всемірнымъ воспитаніемъ человѣческаго рода. Исторія человѣческаго духа не оказала на насъ никакого вліянія. То, что въ другихъ странахъ давно стало основой общества, для насъ—только теорія и умозрѣніе. Наше прошлое печально. Всѣ народы прошли черезъ періодъ бурнаго волненія,—періодъ необходимый, которому они обязаны самыми яркими воспоминаніями, своей поэзіей, героическимъ элементомъ своей исторіи. У насъ не было такого періода. Исторія нашей юности—сначала дикое варварство, затѣмъ грубое невѣжество, наконецъ унизительное и свирѣпое чужеземное владычество, духъ котораго позднѣе унаслѣдовала наша національная власть. Ни плѣнительныхъ воспоминаній, ни граціозныхъ образовъ въ памяти народа, ни мощныхъ поученій въ его преданіи. Окиньте взглядомъ всѣ прожитые нами вѣка, все занимаемое нами пространство,—вы не найдете ни одного привлекательнаго воспоминанія, ни одного почтеннаго памятника, который властно говорилъ бы вамъ о прошломъ, который возсоздавалъ бы его предъ вами живо и картинно. Мы живемъ однимъ настоящимъ въ тѣсныхъ его предѣлахъ, безъ прошедшаго и будущаго, среди мертваго застоя. Мы въ мірѣ незаконныя дѣти, у насъ нѣтъ естественнаго внутрен-

пяго развитія, каждая новая идея безслѣдно вытѣсняетъ старыя, потому что она не вытекаетъ изъ нихъ, а является Богъ вѣсть откуда. Словомъ, мы существуемъ лишь какъ урокъ человѣчеству.

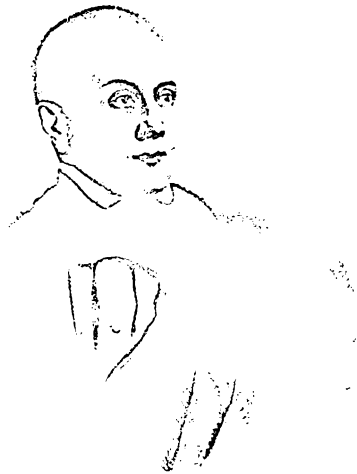
Въ противоположность намъ, западные народы образуютъ однородную семью, у нихъ при всѣхъ различіяхъ есть общая физіономія. У нихъ есть преемственное идейное наслѣдіе, и каждый человѣкъ пользуется изъ этого наслѣдства своей долей. Это идеи долга, справедливости, права, порядка. Всѣ европейскіе народы шли рука-объ-руку. Въ теченіе пятнадцати вѣковъ у нихъ былъ одинъ языкъ для обращенія къ Богу, одна духовная власть и одно убѣжденіе. Въ теченіе пятнадцати вѣковъ, каждый годъ, въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, они въ однихъ и тѣхъ же словахъ возносили свой голосъ къ Верховному Существу, прославляя Его за величайшее изъ Его благодѣяній. Протестантизмъ, разрушившій это единство, является главной причиной того, что вліяніе христіанства на общество не оцѣнено до сихъ поръ въ достаточной степени. Ничто,—говоритъ Чаадаевъ во второмъ письмѣ,—такъ не способствовало искаженію картины новой исторіи, какъ предразсудки протестантизма. Онъ преувеличилъ важность возрожденія наукъ, онъ придумалъ множество разныхъ причинъ прогресса, что было, конечно, возмутительно съ точки зрѣнія нашего философа, для котораго исторія направлялась согласно цѣли Божественнаго промысла. Реформація снова повергла міръ въ языческую разъединенность, вытравила изъ сознанія разумнаго вещества идею всеобщности. Папство, напротивъ того,—видимый знакъ единства, а вмѣстѣ съ тѣмъ—въ виду происшедшаго раздѣленія—и символъ возсоединенія. Чаадаевъ не сомнѣвается въ томъ, что послѣдствія гибельнаго дѣйствія протестантизма исчезнутъ. Недаромъ папство, несмотря на всѣ невзгоды, несмотря на

собственныя ошибки, стоятъ непоколебимо и тверже, чѣмъ когда-либо. Оно лишилось своего человѣческаго блеска, но стало отъ этого только сильнѣе. Нѣкогда его поддерживало почитаніе христіанскаго міра. Теперь оно держится своимъ смиреннымъ положеніемъ среди земныхъ державъ. Оно по-прежнему централизуетъ христіанскія идеи. Если бы случилось невозможное, и папство исчезло бы. всѣ религіозныя общины пришли бы въ великое смятеніе, и они стали бы искать его, это видимое единство, которымъ такъ мало дорожатъ теперь.

Таковы основныя идеи писемъ. Исторія человѣчества есть раскрытіе божественной идеи. Раціонализмъ и критическая мысль принесли величайшее зло европейскому человѣчеству, такъ такъ подорвали вѣру въ папство, хранителя этой идеи. Но западное человѣчество не можетъ не вернуться къ этому единству, и папство — „видимый знакъ этого единства"—по-прежнему является незыблемой силой. Россія лишена этихъ традицій. Она стоитъ внѣ семьи европейскихъ народовъ. Ея прошлое и настоящее печальны.

Для того, чтобы опредѣлить еще яснѣе мѣсто, занимаемое Чаадаевымъ въ исторіи нашей общественной мысли, необходимо выяснить его отношеніе къ тремъ главнымъ общественно-литературнымъ направленіямъ, именно къ славянофильству, западничеству и офиціальной народности.

У Чаадаева была одна точка соприкосновенія съ славянофильствомъ, именно самое противопоставленіе Россіи и Европы другъ другу, самая мысль о божественной идеѣ, раскрывающейся въ исторіи человѣчества, и о той роли, которая принадлежитъ отдѣльнымъ народамъ въ дѣлѣ осуществленія божественной цѣли. Эта мысль, приводившая Чаадаева къ безнадежному взгляду на Россію, съ другой сто-



Петръ Чаадаевъ.

роны, временами заставляла его искать въ изолированномъ положеніи Россіи указанія на особый умыселъ Божества, которое, быть-можетъ, назначило русскому—народу особую миссію. Уже въ то время, когда безъ вѣдома Чаадаева появилось въ печати его первое „философическое письмо", его взгляды относительно Россіи измѣнились. Именно мѣняется его взглядъ на ея будущее. Онъ думаетъ, что даже извѣстное преимущество для нея заключается въ томъ, что она имѣетъ передъ глазами уже развитую цивилизацію старыхъ народовъ, что она можетъ отнестись къ ней съ полной свободой выбора, принять доброе и отвергнуть дурное. Самая изолированность Россіи не есть случайность, а входитъ въ общій планъ Божества, ведущій къ осуществленію Царства Божія на землѣ. И Чаадаевъ приближается къ славянофильскому ученію, выясняя особенности русскаго уклада, развившіяся на почвѣ этой изолированности, особый характеръ ея православія, чистаго отъ соприкосновенія съ страстями и земными интересами, ея свободу отъ „вѣковыхъ предразсудковъ и эгоизмовъ", обуревающихъ Западъ, и т. д. Возвеличивая теперь православіе, онъ остается, однако, апологетомъ и католичества, и весьма возможно, что идеалъ, рисовавшійся Чаадаеву, заключался въ сліяніи обѣихъ церквей, хотя прямыхъ указаній въ этомъ смыслѣ мы не находимъ въ его произведеніяхъ. Особенно ярко обнаруживается эта вѣра въ особую миссію русскаго народа въ „Апологіи сумасшедшаго", написанной въ 1837 году. Здѣсь наша обособленность отъ другихъ народовъ пріобрѣтаетъ значеніе не печальнаго факта, а свой особый таинственный смыслъ. Отсутствіе свободнаго почина — главная черта нашей исторіи, всякая идея у насъ почти всегда заимствована. „Но въ этомъ наблюденіи нѣтъ ничего обиднаго для національнаго чувства... Есть великіе народы—какъ и великія исто-

рическія личности, — которые нельзя объяснить нормальными законами нашего разума, но которые таинственно опредѣляетъ верховная логика Провидѣнія: таковъ именно нашъ народъ". Но само собою разумѣется, это сходство съ славянофильской школой, которая стала складываться почти одновременно съ появленіемъ „Апологіи", было чисто-внѣшнимъ. Онъ былъ врагъ славянофильства по существу. Его ненависть къ кичливому національному самодовольству была слишкомъ очевидна, чтобы его можно было зачислить въ лагерь Хомяковыхъ и Кирѣевскихъ. Славянофилы прославляли прошлое Россіи, Чаадаевъ, если и говорилъ о провиденціальной роли Россіи, то имѣлъ въ виду только будущее. Онъ, написавшій пламенную апологію европейской исторіи и цивилизаціи, конечно не могъ мириться съ враждебнымъ и пренебрежительнымъ отношеніемъ славянофиловъ къ Западу. Послѣднія пятнадцать лѣтъ онъ ведетъ постоянно борьбу съ „пагубнымъ ученіемъ" русскихъ націоналистовъ, и, конечно, славянофильскій поэтъ Языковъ правильно угадалъ духъ вражды, отдѣлявшій школу отъ Чаадаева, когда писалъ къ нему свое стихотвореніе:

Вполнѣ чужда тебѣ Россі
Твоя родимая страна;
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ...
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушный,
Всего чужого гордый рабъ!..

Не трудно видѣть, насколько ближе, чѣмъ къ славянофильству, стоялъ Чаадаевъ къ противникамъ его. Правда, мистицизмъ и религіозное направленіе рѣзко отдѣляли его отъ западниковъ. Онъ отличался отъ нихъ и своеобразнымъ религіозно-мистическимъ взглядомъ на ходъ европейской исторіи. Но это не мѣшало

западникамъ видѣть въ немъ своего соратника. Не понимая его мистическихъ и религіозныхъ идей, они справедливо видѣли въ немъ страстнаго поборника европейской цивилизаціи, безпощаднаго врага надутаго патріотизма и обличителя косности и гнета русской жизни. Они могли съ недоумѣніемъ смотрѣть на его религіозныя идеи, считать его сужденія „голосомъ изъ гроба", но кружокъ Герцена и Огарева, Грановскій и молодые профессора считали его своимъ соратникомъ. И Герценъ не измѣнилъ этой точки зрѣнія до конца, и когда въ 1851 году появилась въ Парижѣ книжка Герцена „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи", Чаадаеву было отведено въ ней видное мѣсто среди поборниковъ свободы, несмотря на собственное отреченіе Чаадаева, не обладавшаго гражданскимъ мужествомъ въ большой мѣрѣ. Если по отношенію къ славянофильству и западничеству Чаадаевъ занималъ своеобразную, не совсѣмъ опредѣленную позицію, то его отношеніе къ офиціальному народничеству не оставляетъ никакихъ сомнѣній на свой счетъ. Его „письмо" наносило жестокій ударъ не только бюрократіи, но и самой философіи, на которую опиралась офиціальная народность. Это было полное отрицаніе той Россіи, которую возводили на пьедесталъ Уваровъ съ своей знаменитой формулой и шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ съ его не менѣе знаменитымъ изреченіемъ: „Le passé de la Russie a été admirable; son present est plus que magnifique; quant à son avenir, il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer" (прошлое Россіи вызываетъ удивленіе; ея настоящее болѣе чѣмъ великолѣпно; а что касается ея будущаго, то оно превосходитъ все, что можетъ нарисовать себѣ самое смѣлое воображеніе).

Какъ бы мы ни относились къ общей мистической точкѣ зрѣнія Чаадаева, но не можетъ быть двухъ мнѣній относительно его значенія въ исторіи нашей

общественно-литературной мысли. Онъ принадлежалъ къ свѣтлой дружинѣ піонеровъ освободительнаго движенія. Нѣтъ нужды, что онъ подходилъ къ русской исторіи и русской дѣйствительности съ другой стороны, чѣмъ Герценъ и Бѣлинскій. Но заодно съ ними возсталъ онъ противъ этой дѣйствительности. Вѣдь и Герценъ и Бѣлинскій подошли съ разныхъ сторонъ. Одинъ отправлялся отъ нѣмецкой метафизики, другой—отъ Сенъ-Симона. Русская мысль бросалась во всѣ стороны, всюду искала истины. Она не сразу нашла истинный положительный путь. Но всѣ ея лучшіе представители были единодушны въ одномъ. Они знали, что съ стараго пути, съ пути гнета и бюрократической опеки, необходимо сойти. И въ этомъ сознаніи Чаадаевъ былъ такъ же непоколебимъ, какъ и его друзья. А мученическій вѣнецъ, которымъ поспѣшили украсить его чело николаевскіе жандармы, закрѣпилъ за нимъ навсегда почтенное мѣсто въ рядахъ передовой литературы того времени.

IX.

Міросозерцаніе Бѣлинскаго въ 40-годахъ.—Переходъ къ реальной, научно-позитивной точкѣ зрѣнія.—Приложенія этой точки зрѣнія къ исторіи, къ ученію о національности и народѣ и къ общественнымъ вопросамъ.—Эстетическія воззрѣнія.—Главныя идеи натурализма: вѣрное изображеніе дѣйствительности, анализъ ея, общественная роль искусства, отношеніе поэта къ изображаемому, чистое и тенденціозное искусство, защита угнетенныхъ. Бѣлинскій и офиціальное народничество.—Бѣлинскій и славянофилы.—Бѣлинскій и передовая литература.—Бѣлинскій въ исторіи русской мысли.

Охарактеризовавъ общественно-литературныя направленія, возникшія въ 40-хъ годахъ, мы можемъ вернуться къ Бѣлинскому и выяснить его главныя идеи въ этотъ періодъ, когда онъ разстался съ нѣмецкой

матафизической философіей, обратился къ русской дѣйствительности и попытался подойти къ ней не съ точки зрѣнія предвзятыхъ теорій, не съ философскими предубѣжденіями, а съ точки зрѣнія фактовъ и реальныхъ отношеній. Выяснить его огромныя заслуги передъ русской литературой за эти нѣсколько лѣтъ во всѣхъ деталяхъ было бы, конечно, невыполнимой задачей въ предѣлахъ нашего краткаго обзора. Бѣлинскій былъ въ полномъ смыслѣ слова вождемъ русской мысли, общественной и эстетической. Его статьи, написанныя въ 40 годахъ, это—цѣлая энциклопедія. Онѣ касались всего: и исторіи, и морали, и общественныхъ движеній, и географическихъ книгъ, и эстетическихъ, и классовыхъ вопросовъ. Бѣлинскій производилъ колоссальную работу очистки авгіевыхъ конюшенъ, которыя представляла собою русская умственная и общественная жизнь николаевской эпохи. Въ этой работѣ было много спѣшнаго и случайнаго. Не слѣдуетъ забывать также, что надъ ней висѣлъ мечъ тогдашней цензуры. И въ то же время Бѣлинскій при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ сумѣлъ отразить тотъ поворотъ, который начинался въ міросозерцаніи передовой части русскаго общества. Мы остановимся только на главныхъ идеяхъ Бѣлинскаго.

Прежде всего круто измѣнилась общая философская точка зрѣнія. Отъ метафизическаго міросозерцанія онъ склоненъ перейти (а иногда и переходитъ вполнѣ) къ научно-позитивному, отъ спекулятивнаго метода къ эмпирическому, отъ вѣры въ существованіе прирожденныхъ идей къ объективному изслѣдованію міра явленій. Онъ начинаетъ сознавать, что абсолютныя истины не существуютъ. Правда, онъ дѣлаетъ оговорки, старается примирить старое съ новымъ. Но къ концу его дѣятельности все яснѣе устанавливается тотъ взглядъ, что опредѣленіе справедливости, истины, добра и красоты слѣдуетъ выводить для ка-

ждаго даннаго момента и среды изъ реальныхъ отношеній этой среды. Онъ эмпирикъ-изслѣдователь, не вѣрующій больше въ гегелевскую Абсолютную идею, съ высоты которой слѣдуетъ оцѣнивать развертывающіяся передъ нами и жизнь, и исторію, и природу. Напротивъ, явленія, факты въ его глазахъ все болѣе пріобрѣтаютъ значеніе непреложной основы, а понятія, идеи — значеніе обобщеній и выводовъ, мѣняющихся въ зависимости отъ измѣненія самихъ явленій. Бѣлинскій, писавшій въ статьѣ о нравственной философіи Дроздова: „Умозрѣніе всегда основывается на законахъ необходимости, а эмпиризмъ—на условныхъ явленіяхъ", утверждавшій въ этой статьѣ, что „должно факты объяснять мыслію, а не мысль выводить изъ фактовъ",—Бѣлинскій теперь въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года" пишетъ: „Все на свѣтѣ только относительно, важно или не важно, велико или мало, старо или ново". Онъ заявляетъ, что истина и добродѣтель вѣчны какъ понятіе, какъ мысль, но „какъ *осуществленіе*, какъ *фактъ*, онѣ относительны". „Идеи истины и добра признавались всѣми народами, во всѣ вѣка; но что непреложная истина, что добро для одного народа или вѣка, то часто бываетъ ложью и зломъ для другого народа въ другой вѣкъ. Поэтому *безусловный, или абсолютный способъ сужденія есть самый легкій, но зато и самый ненадежный*". Бѣлинскій сознаетъ теперь, что нѣтъ ничего легче какъ опредѣлить, чѣмъ долженъ быть человѣкъ въ нравственномъ отношеніи: „Но ничего нѣтъ труднѣе, какъ показать, почему вотъ этотъ человѣкъ сдѣлался тѣмъ, что онъ есть, а не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ бы ему, по теоріи нравственной философіи, слѣдовало быть". Въ этомъ новомъ отношеніи къ задачамъ человѣческаго познанія чувствуется уже вліяніе успѣховъ научнаго знанія, приближающееся торжество методовъ естествознанія. Субъективный методъ метафизики, объясняю-

щій намѣреніями и планами Абсолютнаго все, что представляется неправильнымъ нашему *я*, смѣняется новымъ естественно-научнымъ методомъ, въ основу котораго кладется фактъ, явленіе, и который преслѣдуетъ болѣе скромную задачу — установленіе путемъ эмпирическаго изслѣдованія постоянной зависимости между явленіями, или управляющихъ ими законовъ.

Этотъ новый научный методъ Бѣлинскій примѣняетъ теперь ко всѣмъ отраслямъ знанія, которыхъ онъ касается. Касаясь теперь вопросовъ о національности и историческомъ развитіи народа, онъ смѣется надъ прежней точкой зрѣнія, согласно которой народъ былъ посланникомъ неба для осуществленія опредѣленной назначенной ему миссіи, а исторія была не чѣмъ инымъ, какъ раскрытіемъ божественной идеи, положенной въ основу ея высшими силами, стоящими внѣ нашихъ земныхъ отношеній. Онъ указываетъ на то, что и здѣсь факты, а не предвзятыя представленія о цѣляхъ Абсолютной идеи,—лучшій источникъ для уясненія смысла исторіи, для пониманія законовъ, по которымъ развивается жизнь народа. Въ этой же статьѣ онъ привѣтствуетъ тотъ фактъ, что изученіе русской исторіи приняло такой серьезный характеръ, какого оно никогда не имѣло. „Мы вопрошаемъ и допрашиваемъ прошедшее, чтобы оно объяснило намъ наше настоящее и намекнуло о нашемъ будущемъ“. Онъ понимаетъ теперь, что въ исторіи не бываетъ случайностей. Перескочить обратно черезъ петровскую реформу,—это равносильно попыткѣ измѣнить порядокъ временъ года. „Это значило бы признать явленіе Петра Великаго, его реформу и послѣдующія событія въ Россіи случайными, какимъ-то тяжелымъ сномъ“. Нетрудно видѣть, что въ этомъ нежеланіи признать „явленіе Петра Великаго“ случайностью кроется идея отрицанія роли личности въ исторіи,—идея, органически вошедшая впослѣдствіи въ матеріалистическое объясненіе историческаго про-

цесса. „Такъ думать сродно только господамъ Маниловымъ. Подобныя событія (т.-е. такія, какъ петровская реформа) въ жизни народа слишкомъ велики, чтобы быть случайными, и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый можетъ давать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла. Вмѣсто того, чтобы думать о невозможномъ и *смѣшить всѣхъ на свой счетъ самолюбивымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы*, гораздо лучше, *признавши неотразимую и неизмѣнную дѣйствительность существующаго*, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не маниловскими фантазіями". Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ въ виду выставлять Бѣлинскаго представителемъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Онъ не перестаетъ еще упоминать о высшей волѣ, онъ не пытается отыскать единый факторъ, лежащій въ основѣ историческаго процесса, но онъ ясно повременамъ отвергаетъ идеалистическую точку зрѣнія, отвергаетъ роль случайностей, по крайней мѣрѣ для крупныхъ явленій народной жизни, и роль личности и ея идейныхъ усилій. Онъ дѣлаетъ такимъ образомъ рѣзкій переходъ, если не къ матеріалистической, то къ реалистической точкѣ зрѣнія.

Одновременно съ этимъ исчезаетъ и его прежнее мистическое представленіе о народѣ и національности. Онъ возстаетъ противъ крайностей націонализма и космополитизма. То, что является духомъ народа, онъ сравниваетъ съ духовной индивидуальностью, отдѣльной личностью, причемъ порой высказываетъ воззрѣнія, подъ которыми охотно подписался бы самый законченный матеріалистъ. Вы, — говоритъ онъ,—цѣните въ человѣкѣ чувство, такъ цѣните же и этотъ кусокъ мяса, который трепещетъ въ его груди, и который вы называете сердцемъ, и котораго ускоренное или замедленное біеніе вѣрно соотвѣтствуетъ каждому движенію вашей души. Вы уважаете умъ, — благого-

вѣйте же передъ этой массою мозга, „откуда по всему организму распространяются, черезъ позвоночный хребетъ, нити нервъ, которыя суть органы ощущеній и чувствъ и которыя исполнены какихъ-то до того тонкихъ жидкостей, что онѣ ускользаютъ отъ матеріальнаго наблюденія и не даются умозрѣнію. Иначе вы будете *удивляться въ человѣкѣ слѣдствію мимо причины, или—что еще хуже — сочините свои небывалыя въ природе причины*". Далѣе онъ заявляетъ, что психологія безъ физіологіи такъ же несостоятельна, какъ и физіологія безъ анатоміи. Итакъ, Бѣлинскій является матеріалистомъ, апологетомъ естественныхъ наукъ, какъ источника всѣхъ знаній. Духовный міръ—только слѣдствіе нашей матеріальной природы. Онъ здѣсь предшественникъ базаровскихъ воззрѣній, того увлеченія естествознаніемъ и матеріализмомъ, которое скоро овладѣетъ умами русскаго общества. Правда, личность для него тайна, какъ и сама жизнь, но онъ знаетъ, что „безъ нея, случайнаго и превосходнаго явленія, не было бы ни чувства, ни ума, ни воли, ни добродѣтели, ни красоты, такъ же, какъ не было бы ни безчувственности, ни глупости, ни безхарактерности, ни порока, ни безобразія". Чѣмъ личность является въ отношеніи къ идеѣ человѣка, тѣмъ народъ въ отношеніи къ идеѣ человѣчества. „Національность есть самобытный результатъ соединенія людей, но не есть ихъ произведеніе: ни одинъ народъ не создалъ своей національности, какъ не создалъ самого себя. Это указываетъ на кровное родовое происхожденіе всѣхъ національностей". И здѣсь мы видимъ, что мистическое представленіе о народѣ, посланномъ высшими силами для осуществленія опредѣленной миссіи, смѣняется болѣе научнымъ и реальнымъ взглядомъ на національность какъ на „результатъ соединенія людей". Роль геніальной личности въ судьбахъ народа Бѣлинскій опредѣляетъ почти аналогично съ историческими матеріа-

листами. Геній и по Бѣлинскому, въ сущности, почти только тѣмъ и великъ, что подхватываетъ безсознательныя стремленія массы. „Великій человѣкъ всегда націоналенъ, какъ его народъ, ибо онъ потому и великъ, что представляетъ свой народъ“. Борьба массы съ геніемъ является экзаменомъ этому послѣднему, и его побѣда служитъ доказательствомъ его права дѣйствовать на судьбы своего отечества. Въ этой мысли Бѣлинскаго скрывается косвенное признаніе, что въ конечномъ счетѣ масса является рѣшающимъ факторомъ при опредѣленіи геніальности. Геній, который „не взялъ своего“, т.-е. который былъ раздавленъ толпой, этимъ самымъ доказалъ, что онъ не геній.

Еще рѣзче эмпирическая и реальная точка зрѣнія начинаетъ преобладать у Бѣлинскаго надъ идеалистической при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ. Гоголь въ своихъ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ среди другихъ странныхъ мыслей, высказалъ между прочимъ, что причина лихоимства чиновниковъ происходитъ отъ расточительности ихъ женъ, которыя жадно стремятся блистать въ свѣтѣ. Бѣлинскій въ статьѣ, посвященной этой „Перепискѣ“, по поводу гоголевскаго толкованія высказываетъ взглядъ, идущій глубоко вразрѣзъ съ его прежнимъ моральнымъ и идеалистическимъ воззрѣніемъ на общественные пороки. Когда-то и онъ думалъ, что долгъ человѣка одинъ—нравственное самоусовершенствованіе. Теперь для него порокъ — прежде всего результатъ несовершенства общественнаго строя. Онъ смѣется надъ Гоголемъ, съ которымъ не согласятся „такъ-называемые практическіе люди, которые все понимаютъ не вдохновеніемъ, а здравымъ смысломъ и опытностью“. Невозможно у однихъ уничтожить желаніе блистать, когда „другіе по своимъ средствамъ скорѣе согласятся умереть, нежели перестать блистать“. И далѣе Бѣлинскій высказываетъ мысль, уже прямо со-

прикасающуюся съ идеями научнаго соціализма: „если равенство въ средствахъ есть неосуществимая мечта, то никакія „Переписки“ въ мірѣ не убѣдятъ никакого Ира не желать быть Крезомъ или не завидовать ему“. Эта мысль крайне любопытна. Согласно ей, страсти и пороки являются результатомъ общественныхъ экономическихъ отношеній. Правда, черезъ строку Бѣлинскій снова упоминаетъ о „природѣ человѣческой“, но это не можетъ скрыть отъ насъ того факта, что идеалистъ превратился въ реалиста, метафизикъ—въ позитивиста. То, что раньше объяснялось дѣйствіемъ Абсолютнаго начала, то выводится теперь изъ реальныхъ условій дѣйствительности. Въ толкованіе фактомъ духовной жизни Бѣлинскій вноситъ матеріалистическую точку зрѣнія. Правда, эта точка зрѣнія не преобладаетъ у него. Онъ и теперь еще придаетъ важное значеніе случайностямъ, роль которыхъ, какъ мы видѣли, онъ почти сводитъ къ нулю. Онъ многое объясняетъ появленіемъ великихъ личностей, говоритъ о человѣческой природѣ вообще. Но это не мѣшаетъ увидать въ его міросозерцаніи начало поворота въ умственномъ направленіи передовой русской интеллигенціи. Долго бросавшаяся на различныя западныя теоріи, она начинала приходить къ той мысли, что единственный источникъ всѣхъ нашихъ знаній—эмпирическій матеріалъ, добытый изъ дѣйствительности, а единственныя знанія, доступныя намъ,—это относительныя условныя истины, полученныя изъ этого матеріала.

Такова первая крупная перемѣна, совершившаяся въ міросозерцаніи Бѣлинскаго. Съ ней тѣсно связано и его новое эстетическое ученіе. Въ старомъ спорѣ о задачахъ искусства Бѣлинскій занимаетъ теперь новую позицію. Раньше искусство было для него посредникомъ между человѣкомъ и абсолютнымъ міромъ. Оно открывало завѣсу вѣчности, играло такую же

роль, какъ религія, помогая человѣку вступать въ непосредственное общеніе съ Божествомъ. Пока Бѣлинскій считалъ задачей познанія раскрытіе цѣлей Абсолютнаго Разума,—и искусство представлялось ему не чѣмъ инымъ, какъ элементомъ и притомъ главнымъ, даже временами единственнымъ путемъ, ведущимъ къ сліянію съ этимъ Разумомъ. Теперь, когда задача познанія сводится, главнымъ образомъ къ пониманію міра явленій, видимой дѣйствительности и жизни, роль искусства въ его глазахъ почти сливается съ задачами точнаго изслѣдованія, пользующагося эмпирическимъ методомъ. Бѣлинскій еще до Эмиля Зола [1]), автора „экспериментальнаго романа", создаетъ теорію натуральной школы въ литературѣ. Замѣчательно, что нашъ критикъ выступилъ съ ясно формулированной теоріей задолго до Зола, съ именемъ котораго навсегда связано представленіе о расцвѣтѣ европейскаго натурализма.

Въ чемъ же заключается сущность натурализма въ литературѣ, по ученію Бѣлинскаго? Первое основное требованіе натурализма, это- сближеніе науки и литературы. Поэтъ является не кѣмъ инымъ, какъ ученымъ, изслѣдующимъ и изображающимъ жизнь и внутренній міръ человѣка, такъ же, какъ анатомъ изучаетъ человѣческій организмъ, а ботаникъ—организмъ растеній. Съ этой точки зрѣнія онъ начинаетъ оцѣнивать художественныя произведенія. „Деревня" Григоровича и повѣсть Луганскаго,—говоритъ онъ,—интересны не какъ повѣсти, а какъ мастерскіе физіологическіе очерки бытовой стороны жизни". Романъ—говоритъ онъ,—какъ всякое художественное произведеніе, есть воспроизведеніе явленій дѣйствительнаго міра во всей ихъ истинѣ. Истина такъ же есть предметъ и цѣль искусства, какъ и философія; вся раз-

---

[1]) См. II т. моихъ „Оч. по ист. зап.-европ. лит.".

ница въ средствахъ и пріемахъ. Иначе, по его мнѣнію, искусство ничѣмъ не отличалось бы отъ картъ, было бы ниже любого ремесла, потому что ремесло полезно. Въ невозможномъ не можетъ быть ничего умнаго. Небесный сводъ, при взглядѣ на который онъ прежде усматривалъ величіе единой божественной идеи, теперь представляется ему въ сухихъ астрономическихъ опредѣленіяхъ: „Что путнаго можетъ увидѣть въ небѣ поэтъ нашего времени, если онъ совершенно чуждъ самыхъ общихъ физическихъ и астрономическихъ понятій и не знаетъ, что этотъ голубой куполъ, плѣняющій его глаза, не существуетъ въ дѣйствительности, но есть произведеніе его же собственнаго зрѣнія, ставшаго центромъ видимой имъ сферической окружности; что тамъ, на высотѣ, куда ему такъ хочется, и пусто, и холодно, и нѣтъ воздуха для дыханія, что отъ звѣзды до звѣзды и въ тысячу лѣтъ не долетишь на лучшемъ аэростатѣ... То ли дѣло земля! — на ней намъ и свѣтло и тепло, все наше, все близко и понятно намъ, на ней наша жизнь и наша поэзія... Зато, кто отворачивается отъ нея, не умѣя понимать ее, тотъ не можетъ быть поэтомъ и можетъ ловить въ холодной высотѣ однѣ холодныя и пустыя фразы...“ Такова основная задача натуралистической литературы— вѣрное изображеніе видимаго міра, и природы, и жизни, вѣрное въ смыслѣ позитивно-научныхъ требованій, свободное отъ фантазіи и призраковъ. Поэтъ больше не населяетъ міра сверхъестественными силами. Онъ видитъ въ немъ рядъ явленій, воспринимаемыхъ нашими органами чувствъ, и изгоняетъ изъ него фей и духовъ.

Изъ этого перваго основного требованія вытекаютъ и всѣ остальныя идеи натуральной школы. Вторая основная задача ея заключается въ томъ, что она, помимо вѣрнаго изображенія дѣйствительности, производитъ ея анализъ. И здѣсь ея цѣли совпадаютъ съ

цѣлями науки. Все различіе между ними только въ способѣ обработки матеріала. Ученый анализируетъ факты и приходитъ къ извѣстнымъ практическимъ выводамъ, художникъ стремится къ тому же, но другимъ путемъ. Первый доказываетъ, второй показываетъ. Въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“ Бѣлинскій говоритъ: „Видятъ, что искусство и наука не одно и то же, а не видятъ, что ихъ различіе вовсе не въ содержаніи, а только въ способѣ обрабатывать данное содержаніе. Философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ—образами и картинами, а говорятъ оба они одно и то же. Политико-экономъ, вооружаясь статистическими числами, *доказываетъ*, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ вооружаясь живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, *показываетъ* въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ“. Одинъ доказываетъ, другой показываетъ, но оба убѣждаютъ, только одинъ логическими доводами, другой картинами. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другого всѣ. Высочайшій и священнѣйшій интересъ общества есть его собственное благосостояніе, равно простертое на каждаго изъ его членовъ. Путь къ этому благосостоянію—сознаніе, а сознанію искусство можетъ способствовать не меньше науки. Тутъ и наука и искусство равно необходимы, и ни наука не можетъ замѣнить искусства ни искусство — науки“. Такимъ образомъ вторая идея дополняетъ первую. Поэзіи ставятся двѣ главныя задачи, которыя стоятъ передъ точнымъ знаніемъ: вѣрная регистрація фактовъ и установленіе постоянныхъ связей или причинъ, связующихъ одинъ

фактъ съ другимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ приведенномъ отрывкѣ намѣчается и третья важная задача искусства. Устанавливая причинную связь между явленіями, оно должно понимать, что священнѣйшій интересъ общества заключается въ его собственномъ благосостояніи, слѣдовательно, просвѣтлѣніе сознанія въ соціальномъ направленіи — наиболѣе серьезная цѣль искусства. Оно должно содѣйствовать выясненію соціальныхъ отношеній, объяснять, почему „положеніе того или другого класса улучшилось или ухудшилось“ и т. д. Бѣлинскій создаетъ стройную эстетическую систему, въ которой всѣ части гармонически сочетаются одна съ другой. У него съ необыкновенной ясностью впервые въ русской критикѣ выступаетъ та идея, что реальное искусство должно быть неизбѣжно общественнымъ.

Если мы прослѣдимъ дальше за ходомъ его эстетическихъ идей, то мы увидимъ, что онъ во всѣхъ деталяхъ предвосхищаетъ теорію Зола. Онъ предъявляетъ къ поэту два новыхъ требованія: всесторонность въ изображеніи дѣйствительности и полную научную объективность. Поэтъ пересталъ быть жрецомъ, священнослужителемъ, онъ не можетъ вносить субъективный произволъ въ свои образы, ореолъ, окружавшій его, поблекъ. Не носителемъ высшихъ тайнъ, недоступныхъ простымъ смертнымъ, а обыкновеннымъ изслѣдователемъ, подчиненнымъ общимъ законамъ эмпирическаго изслѣдованія, становится онъ. Онъ не можетъ больше выбирать только одни героическія и возвышенныя фигуры. Положимъ, что образованный человѣкъ выше необразованнаго. „Но развѣ ботанистъ интересуется только садовыми улучшенными искусствомъ растеніями презирая, ихъ полевые дикорастущіе первообразы. Развѣ для анатома и физіолога организмъ дикаго австралійца не такъ же интересенъ, какъ и организмъ просвѣщеннаго европейца? На какомъ же

основаніи искусство въ этомъ отношеніи должно такъ разниться отъ науки?" Новая научная точка зрѣнія приводитъ такимъ образомъ Бѣлинскаго къ двумъ новымъ требованіямъ: поэзія должна быть всестороннимъ отраженіемъ дѣйствительности, для нея не существуетъ недостойныхъ сюжетовъ. Поэтъ долженъ быть объективнымъ какъ ботаникъ и анатомъ. Эти новыя требованія приводятъ Бѣлинскаго, съ другой стороны, къ тому основному настроенію, которое владѣло имъ въ теченіе всей его жизни, къ скорби о тяжелой долѣ меньшого брата. Угнетенные и обездоленные являются предметомъ вниманія поэзіи, и этимъ отнюдь не нарушается ея объективный характеръ. Она слишкомъ долго служила богатымъ и сильнымъ, слишкомъ долго занималась украшеніемъ дѣйствительности. Поэтому интересъ къ мужику есть, въ сущности, возстановленіе ея истиннаго объективнаго отношенія къ дѣйствительности.

Здѣсь мы сталкиваемся съ послѣднимъ важнымъ вопросомъ, на который необходимо было отвѣтить натуральной школѣ, чтобы выяснить свою эстетическую теорію до конца, именно съ вопросомъ о томъ, должно ли искусство служить самому себѣ цѣлью, быть чистымъ искусствомъ, искусствомъ для искусства, или оно должно преслѣдовать утилитарныя цѣли, служить дѣлу проповѣди извѣстныхъ идей и новыхъ формъ жизни. И въ этомъ вопросѣ натуральная школа стоитъ на точкѣ зрѣнія эмпирической науки. Для нея самое противопоставленіе тенденціознаго и чистаго искусства представляется, повидимому, неправильной постановкой вопроса. Истинно-художественное произведеніе, т.-е. произведеніе, правильно отражающее дѣйствительность, проливающее свѣтъ на нее, не можетъ не раскрывать ея отрицательныхъ сторонъ, не можетъ не говорить нашему сознанію о необходимыхъ измѣненіяхъ. Такое художественное произведеніе отравляетъ

покой тѣхъ, кто является виновникомъ несовершенства жизни и извлекаетъ лично для себя блага изъ этого несовершенства. Оно возбуждаетъ къ борьбѣ съ этими отрицательными сторонами дѣйствительности. Но это происходитъ вовсе не отъ того, что искусство уклонилось отъ своихъ прямыхъ задачъ. Сама жизнь толкаетъ на вѣчную борьбу съ ея темными сторонами, и искусство, какъ отраженіе жизни, не можетъ преслѣдовать другой задачи. Что такое чистое искусство? „Оно,—отвѣчаетъ Бѣлинскій,—въ сущности, есть дурная крайность другой дурной крайности, т. е. искусства дидактическаго, поучительнаго, холоднаго, котораго произведенія не иное что, какъ риторическія упражненія на заданныя темы. Безъ всякаго сомнѣнія, искусство прежде всего должно быть искусствомъ, а потомъ оно уже можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху“. Но что значитъ быть „прежде всего искусствомъ“? Слѣдующія слова Бѣлинскаго поясняютъ, что онъ разумѣетъ подъ этимъ: „Когда въ романѣ или повѣсти нѣтъ образовъ и лицъ, нѣтъ характеровъ, нѣтъ ничего *типическаго*,— какъ бы вѣрно и тщательно ни было списано съ натуры все, что въ немъ разсказывается, читатель не найдетъ тутъ никакой натуральности, не замѣтитъ ничего вѣрно подмѣченнаго, ловко схваченнаго“. Словомъ, одного вѣрнаго изображенія дѣйствительности недостаточно; нужно умѣть уловить внутреннюю связь явленій и типическое въ характерахъ. Чтобы вѣрно списывать съ натуры, нужно умѣть провести явленія дѣйствительности черезъ свою фантазію, дать имъ новую жизнь,—говоритъ Бѣлинскій. Но не слѣдуетъ думать, что онъ имѣетъ въ виду старую романтическую фантазію, которая населяетъ міръ несуществующими призраками. Это новая фантазія, которая играетъ у Бѣлинскаго болѣе скромную роль. Это та фантазія, которая дополняетъ работу эмпирика, которая помогла

Ньютону открыть законъ всеобщаго тяготѣнія. Самъ Бѣлинскій поясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ этой способностью. Слѣдственное дѣло, даже хорошо изложенное, еще не есть художественное произведеніе. Художникъ воспользуется имъ иначе. „Онъ долженъ проникнуть мыслію во внутреннюю сущность дѣла, отгадать тайныя душевныя побужденія, заставившія эти лица дѣйствовать такъ, схватить ту точку этого дѣла, которая составляетъ центръ круга этихъ событій, даетъ имъ смыслъ чего-то единаго, полнаго, цѣлаго, замкнутаго въ самомъ себѣ. А это можетъ сдѣлать только поэтъ". Такъ рѣшается споръ между чистымъ и тенденціознымъ искусствомъ. Истинное искусство всегда будетъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Истинный поэтъ открываетъ скрытую связь явленій изъ нихъ самихъ, открываетъ ихъ внутренній смыслъ и этимъ возбуждаетъ то или иное отношеніе къ нимъ. Признавая, что искусство прежде всего должно быть искусствомъ, Бѣлинскій, однако, прекрасно понимаетъ, что „мысль о какомъ-то чистомъ отрѣшенномъ искусствѣ, живущемъ въ своей собственной сферѣ, не имѣющей ничего общаго съ другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная,—такого искусства никогда и нигдѣ не бываетъ". Разъ искусство есть вновь воспроизведенный міръ, то можетъ ли человѣкъ не отразиться въ немъ какъ личность, какъ натура, изображать явленія дѣйствительности безъ отношенія къ себѣ? Въ твореніяхъ Вальтеръ-Скотта нельзя не видѣть тори и консерватора. Шекспиръ былъ поэтомъ старой веселой Англіи, которая въ продолженіе немногихъ лѣтъ вдругъ сдѣлалась суровою, строгой, фантастической. Мильтонъ въ лицѣ своего гордаго и мрачнаго сатаны написалъ апоѳеозъ возстанія противъ авторитета. „Такъ сильно, — замѣчаетъ Бѣлинскій, — дѣйствуетъ на поэзію историческое движеніе обществъ"; чисто эсте-

тическая критика, имѣющая дѣло только съ поэтомъ и его произведеніемъ, не принимающая въ соображеніе среды и эпохи,—обстоятельствъ, подготовившихъ его,— теряетъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, всякій кредитъ въ настоящее время. „Искусство и литература въ наше время больше, чѣмъ когда-нибудь сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общедоступнѣе всѣмъ, яснѣе, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ". Итакъ, искусство становится, по ученію Бѣлинскаго, могучей общественной силой, оно можетъ не бояться этой роли, будто отводящей его отъ прямого назначенія. Напротивъ, между этой ролью и этимъ назначеніемъ нѣтъ противорѣчія. Они сливаются въ одно гармоническое цѣлое. И Бѣлинскій прославляетъ натуральную школу. Она не побоялась вывести мужика въ его сѣромъ неприглядномъ видѣ. Она не побоялась обрушиться на чиновниковъ и ихъ злоупотребленія. На нее возстали сторонники старой эстетики. Они раскрываютъ книгу и ищутъ въ ней красоты того, что одѣваетъ неприглядную жизнь въ розовые цвѣта. А между тѣмъ книга перестала лгать. Обезпеченный сибаритъ „въ вольтеровскихъ креслахъ, за чашкой кофе" переворачиваетъ листы — „и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезаетъ съ румяныхъ губъ, онъ взволнованъ, встревоженъ, раздосадованъ". „И есть отчего! Книга говоритъ ему, что не всѣ на свѣтѣ живутъ такъ хорошо, какъ онъ, что есть углы, гдѣ подъ лохмотьями дрожитъ цѣлое семейство, можетъ-быть, недавно еще знавшее довольство; что есть на свѣтѣ люди, рожденіемъ, судьбою обреченные на нищету, что послѣдняя копейка идетъ на зелено-вино, не всегда отъ праздности и лѣни. И нашему счастливцу неловко, какъ будто совѣстно своего комфорта". Онъ взялъ книгу для удовольствія, а вычиталъ то мрачное, о чемъ хотѣлъ за-

быть при помощи ея. „Такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать, и бѣдный забывать свое горе, голодный—свой голодъ, стоны страданій должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетитъ, не нарушился твой сонъ“...

Таковъ Бѣлинскій въ 40-хъ годахъ. Не туманныя метафизическія грезы, а реальное знаніе стало теперь опорой его міросозерцанія. Не абстрактная несправедливость, а реальная неправда стала предметомъ его пламенныхъ обличеній. Наука какъ оружіе, общественное зло, какъ врагъ—такова теперь новая сфера примѣненія его силъ. Съ этими новыми воззрѣніями подходитъ онъ теперь къ тому, что наполняло тогдашнюю литературу. Офиціальное народничество становится предметомъ его язвительныхъ насмѣшекъ, съ славянофильствомъ онъ вступаетъ въ непримиримую борьбу, западничество находитъ въ немъ своего апостола, собравшаго подъ знамя этого направленія все лучшее въ русской литературѣ.

Разсмотримъ вкратцѣ его отношеніе къ этимъ тремъ направленіямъ. Само собою разумѣется, что при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ Бѣлинскій не могъ развить борьбу съ реакціонно-патріотическимъ направленіемъ до той широты, которая дала бы ему возможность обрушиться на мрачныя стороны николаевскаго режима со всей силой своего слова. Да и самое направленіе офиціальной народности выражалось въ слишкомъ уродливыхъ формахъ, чтобы Бѣлинскій могъ принять по отношенію къ нему серьезный тонъ. Оружіе, къ которому онъ прибѣгаетъ въ борьбѣ съ нимъ,—по большей части насмѣшка. Остроумныя уничтожающіе сарказмы по адресу Булгарина и его соратниковъ разсѣяны повсюду въ статьяхъ Бѣлинскаго. Онъ разоблачаетъ ходульность патріотической художественной литературы, издѣвается надъ ея притяза-

ніями на монополію патріотизма, на охрану чистоты русской рѣчи. Въ статьѣ „Русская литература въ 1844 году" онъ даетъ такой убійственный отзывъ о «Москвитянинѣ»: «Кто считаетъ себя только русскимъ, не заботясь о своемъ славянизмѣ, тотъ въ статьяхъ „Москвитянина" заблудится, словно въ одной изъ тѣхъ темныхъ дубравъ, гдѣ воздвигались деревянные храмы Перуну и обитали мелкія славянскія божества—кикиморы и лѣшіе. Надо быть истымъ славяниномъ, чтобы находить въ статьяхъ „Москвитянина" талантъ, знаніе, убѣжденіе, интересъ, ясность и пр. Но—увы!—мы не болѣе какъ русскіе, а не славяне, мы—граждане Россійской имперіи, мы и душой и тѣломъ въ интересахъ нашего времени, и желаемъ не возврата aux temps primitifs, а естественнаго хода впередъ, путемъ просвѣщенія и цивилизаціи. Это обстоятельство совершенно лишаетъ насъ возможности понимать „Москвитянина". Далѣе онъ издѣвается надъ заявленіемъ „Сѣверной Пчелы", что она „по прежнему будетъ *хранительницей* и *блюстительницей* чистоты и правильности драгоцѣннаго народнаго достоянія—русскаго языка". Въ доказательство того, какъ удачно выполняетъ „Сѣверная Пчела" эту миссію, онъ приводитъ рядъ безграмотныхъ или напыщенно-нелѣпыхъ выраженій со страницъ самой же „Сѣверной Пчелы", въ родѣ слѣдующихъ: „Г-жа Тадини имѣетъ звучный голосъ, хорошую методу, *выгодную физику* (?) и много жару" или „надобно необыкновенной власти надъ собою, чтобъ..." или „А если вы левъ или львица, то вы должны быть въ восторгѣ отъ огнедышущихъ изверженій волканической головы, на каменномъ основаніи сердца Жоржъ-Санда".

Если офиціальное народничество не заслуживало въ глазахъ Бѣлинскаго ничего, кромѣ насмѣшки и презрѣнія, то къ другому противнику, славянофильству, онъ относился болѣе серьезно. Онъ не скрывалъ

своего уваженія къ искренности славянофиловъ. „Каковы бы ни были,—говоритъ Бѣлинскій,—ихъ понятія, или, по нашему, ошибки и заблужденія, мы уважаемъ ихъ источникъ. Мы можемъ относиться съ уваженіемъ ко всякому искреннему, независимому и благородному въ его началѣ, убѣжденію, не только не раздѣляя его, но и видя въ немъ діаметральную противоположность нашему убѣжденію". Обвиненія Бѣлинскаго главнымъ образомъ сводятся къ туманному характеру славянофильскаго ученія. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ болѣе или менѣе стройную систему славянофильство сложилось уже послѣ смерти Бѣлинскаго. Знаменитый критикъ засталъ ту первоначальную стадію его исторіи, когда оно было скорѣе сердечнымъ неяснымъ порывомъ, чѣмъ обоснованнымъ ученіемъ. Неудивительно, что Бѣлинскій потребовалъ у школы прежде всего отчета въ ея вѣрованіяхъ, яснаго изложенія ея ученія. „Положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то туманныхъ мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается фактами дѣйствительности". Въ „Отвѣтѣ Москвитянину" Бѣлинскій сознается, что, можетъ быть, не всегда точно и ясно излагалъ мнѣнія своихъ противниковъ. „Но кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, не мы, а сами гг. славянофилы. До сихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не потрудился изложить основныхъ началъ славянофильскаго ученія. Онъ указываетъ на то, что славянофилы противорѣчатъ сами себѣ безпрестанно, что у „нихъ столько же мнѣній, сколько лицъ". Другое обвиненіе, съ которымъ онъ выступаетъ противъ славянофиловъ, заключается въ томъ, что они не постарались отграничить себя отъ офиціальной народности. И, дѣйствительно, какъ мы уже знаемъ, не всегда можно было установить границу между патріотами полицейскаго оттѣнка и искрен-

ними націоналистами славянофильской школы. „Многіе славянофилы,—говоритъ Бѣлинскій въ своемъ „Отвѣтѣ“,—не любятъ вспоминать о „Маякѣ“, какъ-будто чуждаются его, никогда не высказываютъ своего мнѣнія ни за, ни противъ его; подумаешь, что они и не знаютъ ничего о существованіи подобнаго журнала. А это оттого, что „Маякъ“ былъ самымъ крайнимъ и самымъ послѣдовательнымъ органомъ славянофильства“. По мнѣнію Бѣлинскаго, „Маякъ“ могъ презирать „Москвитянина“ за его половинчатость, „Маякъ“ выставилъ славянофильство „на позорище свѣта въ его истинномъ, настоящемъ видѣ“. За славянофилами Бѣлинскій признаетъ одну заслугу, но заслугу отрицательную; они возстали противъ русскаго европеизма, они указали только фактъ, не изслѣдовавъ его причинъ, но зато заставили своихъ противниковъ сдѣлать это. Такова ихъ единственная заслуга, имѣющая отрицательный характеръ.

Но главное значеніе Бѣлинскаго заключается не въ этой борьбѣ съ отрицательными явленіями тогдашней литературы. Новыя научныя идеи, проникавшія все сильнѣе въ русское общество, новое отношеніе къ дѣйствительности, новыя требованія къ художественной литературѣ,—все это не могло бы завоевать себѣ такъ быстро господствующаго положенія, если бы Бѣлинскій не обладалъ геніальнымъ критическимъ чутьемъ и не примѣнилъ бы новыхъ воззрѣній къ тому новому и крупному, что нарождалось въ русской литературѣ, и къ ея прошлому. Его точка зрѣнія на отдѣльныхъ писателей теперь коренным образомъ мѣняется по сравненію съ тѣмъ, что мы видѣли въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“. Кантемира онъ называетъ теперь „умнымъ и даровитымъ“. Писателей прошлаго онъ оцѣниваетъ теперь по ихъ отношенію къ дѣйствительности. Фонвизинъ, который въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ удостоился пренебрежительнаго

отзыва, въ статьѣ „Взглядъ на русск. лит. 1846 г.“ названъ „первымъ даровитымъ комикомъ“, котораго „не только чрезвычайно интересно изучать, но котораго читать есть истинное наслажденіе“. Въ его лицѣ „русская литература какъ-будто даже преждевременно сдѣлала огромный шагъ къ сближенію съ дѣйствительностью: его сочиненія — живая лѣтопись той эпохи“. Нужно ли прибавлять, что русская литература эпохи Бѣлинскаго давала богатый матеріалъ для мыслей великаго критика. Онъ подвелъ итоги дѣятельности Пушкина. На его глазахъ развивался могучій талантъ Гоголя. Наконецъ, онъ привѣтствовалъ восходящую плеяду будущихъ свѣтилъ русской литературы. Достаточно сказать, что въ одной статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“ Бѣлинскому пришлось сразу выяснить значеніе такихъ произведеній, какъ „Кто виноватъ“ Герцена, „Обыкновенная исторія“ Гончарова, „Хорь и Калинычъ“ Тургенева, „Антонъ-Горемыка“ и „Деревня“ Григоровича, „Хозяйка“ Достоевскаго и т. д. Вся литература, анализу которой посвящены слѣдующія страницы нашей книги, является лучшимъ показателемъ положительной заслуги Бѣлинскаго въ области критики.

Такой краткій путь, но путь, полный богатаго внутренняго содержанія и напряженной мысли, прошелъ Бѣлинскій. Онъ началъ съ абстракцій и кончилъ почти позитивизмомъ и матеріализмомъ. Онъ началъ съ поисковъ единой Абсолютной идеи, изъ которой сразу можно было бы объяснить всѣ явленія видимой дѣйствительности. Онъ кончилъ тѣмъ, что стремился установить объективные методы познанія истины на основаніи фактовъ этой дѣйствительности. Въ началѣ своей дѣятельности онъ видитъ въ историческомъ процессѣ только раскрытіе божественной идеи. Въ концѣ ея онъ уже предчувствуетъ возможность научной теоріи историческаго процесса, онъ смѣется надъ

„самолюбивымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы“ и требуетъ признанія „неотразимой дѣйствительности существующаго“. Мистическая идея народа смѣняется представленіемъ о національности какъ о „результатѣ соединенія людей“, предчувствіемъ новыхъ воззрѣній относительно земного происхожденія государства и національности. Литература, нѣкогда раскрывавшая въ его глазахъ гармонію божественнаго замысла, должна заняться изученіемъ дѣйствительности, изслѣдованіемъ законовъ, управляющихъ явленіями; она становится спутникомъ науки, почти сливается съ нею, разъясняя то, что совершается вокругъ насъ, содѣйствуя правильному направленію нашихъ усилій въ духѣ назрѣвающихъ общественныхъ потребностей, являясь могучимъ орудіемъ прогресса, великой поборницей передовыхъ идей. Наконецъ, исторія въ его глазахъ начинала превращаться въ закономѣрный процессъ, въ основѣ котораго лежали реальные факты, развивающіеся въ силу законовъ, свойственныхъ имъ и вполнѣ доступныхъ человѣческому изслѣдованію. Конечно, было бы чудовищнымъ преувеличеніемъ назвать Бѣлинскаго представителемъ или даже предшественникомъ матеріалистическаго міросозерцанія. До конца литературной дѣятельности его не покидаетъ идея нравственной справедливости, лежащей въ основѣ развертывающейся жизни, до конца стоитъ онъ на идеалистической точкѣ зрѣнія и прилагаетъ свои нравственныя субъективныя мѣрила къ явленіямъ дѣйствительности. Въ отношеніяхъ между личностью и обществомъ онъ до конца апологетъ личности, страданія которой глубоко отзываются въ его великомъ сердцѣ. До конца онъ больше говоритъ о томъ, что должно быть, а не о томъ, что есть. Но среди его твореній, проникнутыхъ идеализмомъ, мы видимъ проникновенныя строки, свидѣтельствующія о томъ, что этотъ страстный искатель истины

былъ недалекъ отъ того, чтобы броситься въ объятія новаго ученія, которое было съ необыкновенной яркостью и силой провозглашено почти въ годъ его кончины. Въ его недовольствѣ „говорунами“, которые видятъ произволъ и случайность тамъ, гдѣ совершается необходимый процессъ; въ его замѣчаніи „о непреложныхъ законахъ“, заключенныхъ въ „сущности самого общества и обусловливающихъ его жизнь и развитіе; въ его словахъ, что государственныя постановленія „не бываютъ закономъ, изреченнымъ отъ человѣка, но являются, такъ сказать, довременно и только выговариваются человѣкомъ“; наконецъ, въ его изумительно просто высказанной мысли, что „дѣйствительность, какъ явившійся отѣлесившійся разумъ, всегда предшествуетъ сознанію, потому что прежде, нежели сознавать, надо имѣть предметъ для сознанія“, — во всемъ этомъ чувствуется научный духъ, который царитъ и въ „Коммунистическомъ манифестѣ“.

Какое же мѣсто занимаетъ Бѣлинскій въ исторіи развитія русской мысли? Его міросозерцаніе было переходомъ отъ чистой метафизики къ чисто-научному міровоззрѣнію, отъ крайняго идеализма къ матеріализму. Можно искать въ мірѣ прежде всего космическихъ силъ, считать дѣйствительность только продуктомъ единой царящей въ мірѣ идеи. Съ этой точки зрѣнія подъ разными формами мысль всегда жертвуетъ дѣйствительностью во имя этой міровой идеи. Съ этой точки зрѣнія дѣйствительность и вообще міръ явленій никогда не будутъ представлять сами по себѣ цѣли нашего познанія, всегда будутъ играть служебную роль въ пониманіи міровой жизни. И человѣческое общество, его развитіе есть одинъ изъ элементовъ въ этомъ процессѣ. Можно исходить изъ совершенно противоположнаго воззрѣнія. Міръ явленій представляется даннымъ фактомъ Всѣ наши понятія и идеи — только обобщенія видимыхъ явленій, они не имѣютъ абсолют-

ной цѣнности и реальнаго бытія, они мѣняются въ зависимости отъ перемѣнъ, совершающихся въ мірѣ явленій. Съ первой точки зрѣнія, развитіе міра есть осуществленіе опредѣленной цѣли, и различныя ступени этого развитія оцѣниваются въ зависимости отъ ихъ роли въ ея осуществленіи. Со второй точки зрѣнія процессъ развитія безцѣленъ, онъ совершается въ силу измѣненій, присущихъ самимъ явленіямъ. Развитіе человѣческаго общества совершается тоже благодаря неизбѣжно развивающимся изъ самихъ себя силамъ, входящимъ въ его структуру. Отдѣльныя ступени этого развитія не подлежатъ абсолютной нравственной оцѣнкѣ. Среди нихъ нѣтъ высшихъ и низшихъ. Всѣ они—необходимыя стадіи, и наша задача заключается въ томъ, чтобы, не внося субъективныхъ оцѣнокъ, не доискиваясь несуществующей или скрытой отъ насъ божественной цѣли, принять совершающійся процессъ развитія какъ фактъ и попытаться вывести изъ него общіе законы, которые лежатъ въ его основѣ. Въ первый періодъ своей литературной дѣятельности Бѣлинскій примыкаетъ вполнѣ къ первой изъ двухъ указанныхъ точекъ зрѣнія. До второй онъ не дошелъ до конца своей жизни. Но онъ приблизился къ ней. Онъ чувствовалъ, что въ реальныхъ условіяхъ самой общественной жизни слѣдуетъ искать законовъ, объясняющихъ процессъ ея развитія. Но онъ, какъ мы видѣли, до конца не переставалъ замѣнять произвольными логическими построеніями изученіе дѣйствительной причинной связи событій. Онъ не дожилъ до того момента, когда новыя историческія и соціальныя воззрѣнія завоевали себѣ почетное мѣсто и діалектическій идеализмъ смѣнился діалектическимъ матеріализмомъ. И, тѣмъ не менѣе, онъ останется знаменемъ русской интеллигенціи не только потому, что выступилъ глашатаемъ ея вѣры въ апріорные идеалы истины, добра и красоты, но и потому,

что его пламенное стремленіе къ истинѣ сдѣлало его предвѣстникомъ и того направленія русской общественной мысли, которое подошло къ дѣйствительности безъ предубѣжденій и въ ней самой стало искать ея объясненія.

Болѣе полувѣка отдѣляютъ насъ отъ смерти Бѣлинскаго, и онъ остается до сихъ поръ источникомъ, отъ котораго можно вести современныя намъ теченія общественно-литературной мысли. Онъ выступилъ съ нетерпѣливой жаждой истины. Его умъ не искалъ, а страстно требовалъ ея. Своей желѣзной духовной силой стремился онъ сковать въ гармоническое цѣлое все, надъ чѣмъ вѣками бьется человѣческая мысль, стремился создать цѣльный міръ, гдѣ Богъ и вселенная, исторія и общество, наука и поэзія, правда и страданіе образовали бы стройную картину, отвѣчавшую пламенному стремленію его духа. Дѣйствительность разрушила эту гармонію, разбила иллюзіи. И онъ, не задумываясь, подошелъ съ другой стороны, чтобы овладѣть неприступной крѣпостью истины. Отъ общаго и неопредѣленнаго пришлось перейти къ частностямъ, придать абстрактному конкретныя формы. Русская интеллигенція съ тѣхъ поръ разбилась на враждующія группы, идущія различными путями къ общей цѣли. Но Бѣлинскій навсегда останется именемъ, которому принадлежитъ ихъ общее поклоненіе. Онъ—символъ этой общей цѣли. Его энтузіазмъ, его пламенная ненависть, муки его жизни и муки его мысли, это—типичныя формы, въ которыя облекались этапы русской прогрессивной мысли. Можно спорить о томъ, какому направленію принадлежалъ бы его геніальный умъ, если бы не закончилась такъ рано его страдальческая жизнь. Но нельзя спорить о томъ, что значеніе его неизмѣримо шире, чѣмъ роль родоначальника опредѣленнаго направленія. Онъ уничтожилъ традиціи и расчистилъ путь философскимъ и

общественнымъ исканіямъ. Съ его именемъ связанъ самый фактъ возникновенія литературно-общественныхъ и философско-историческихъ направленій. Его общественная злоба разбила русское общество на лагери и разставила на враждебныя позиціи тѣхъ, кто считали себя соратниками. Онъ часто ошибался въ путяхъ, но одно завѣщанное имъ наслѣдіе, какъ недосягаемый идеалъ, было воспринято всѣми лучшими представителями послѣдующей литературы,—это святой образъ мученика-публициста, беззавѣтно мужественнаго борца за права угнетенныхъ и обездоленныхъ.

Отдѣлъ III.

Герценъ.

X.

Бѣлинскій и Герценъ. — Обстановка, въ которой совершалось развитіе Герцена.—Дѣтская въ барскомъ домѣ.—Слуги и народъ.—Деревня и природа.—Императоръ Николай и Герценъ.—Впечатлѣніе декабрьскаго бунта.—Огаревъ.—Университетъ.—Ссылка.—Литературныя отношенія Герцена въ 40-хъ годахъ.—За границей.—Разочарованіе послѣ 1848 года.—„Колоколъ".—Заключеніе.

Бѣлинскій былъ по преимуществу выразителемъ философскаго и научнаго энтузіазма современнаго ему русскаго общества. Онъ началъ съ него и только къ концу своей жизни сталъ все болѣе и болѣе погружаться въ міръ практическихъ вопросовъ. Его знаменитый современникъ пошелъ инымъ путемъ. Въ то время какъ Бѣлинскій искалъ истины въ восторженномъ созерцаніи, Герценъ на практикѣ знакомился съ жизнью въ тюрьмѣ и ссылкѣ.

Бѣлинскій вышелъ изъ среды бѣднаго провинціальнаго чиновничества. Герценъ былъ отпрыскомъ стараго русскаго барства. Бѣлинскій внесъ въ свое творчество желчь и слезы изстрадавшагося бѣдняка, Герценъ согрѣлъ свое уютной и теплой поэзіей патріархальнаго склада. Даже въ періодъ метафизическихъ

порывовъ неприкрашенная ненависть къ „ликующимъ, праздно болтающимъ“ и мучительная любовь къ „погибающимъ“ нарушала гармонію абстрактныхъ построеній Бѣлинскаго. Въ самый разгаръ ненависти къ торжествующимъ угнетателямъ, въ эпоху отчаянія, когда писались безнадежныя проклятія „Съ того берега“, Герценъ сохранилъ тотъ смягчающій мечтательный романтизмъ, который помогъ ему превратить свою собственную біографію въ волшебную поэму, изъ исторіи своей жизни создать „Былое и Думы“, одно изъ прекраснѣйшихъ твореній нашей литературы. Бѣлинскій началъ съ философіи и поэзіи, Герценъ съ практическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Но въ философіи и поэзіи перваго было больше мучительной практики, а въ практикѣ второго — больше поэзіи. Бѣлинскому не выпало на долю принять офиціальный мученическій вѣнецъ, николаевскіе жандармы скорбѣли о томъ, что не успѣли сгноить въ тюрьмѣ „умершаго во-время“ писателя. Герцена правительство украсило этимъ вѣнцомъ. Онъ испыталъ тюрьму и ссылку. Но въ „свободѣ“ Бѣлинскаго было много тюрьмы и ссылки, а въ тюрьмѣ и ссылкѣ Герцена было много свободы и независимости.

Подобно Бѣлинскому, Герценъ жилъ въ эпоху раннихъ общественныхъ исканій русской интеллигенціи. Поэтому и его путь былъ въ значительной степени неровной дорогой, полной скачковъ и уклоненій. Но, отпрыскъ богатаго дворянскаго рода, онъ таилъ въ своей душѣ органическую связь съ извѣстной культурой. Бѣлинскій былъ сломленъ страшнымъ потокомъ тяжелой русской дѣйствительности, который онъ хотѣлъ охватить со всѣхъ сторонъ. Онъ взялъ на себя дѣло великана,—дѣло, въ которомъ могъ разобраться только рядъ поколѣній послѣ него, раздѣлившихъ задачу на отдѣльныя части. Бѣлинскій явился въ русскую литературу первымъ великимъ разночинцемъ,

очутившимся въ атмосферѣ господствовавшаго тогда либеральнаго дворянскаго міровоззрѣнія. Поэтому онъ сталъ внѣклассовымъ бойцомъ, истиннымъ интеллигентомъ, другомъ всѣхъ угнетенныхъ. Онъ выполнилъ великую разрушительную работу, уничтожилъ традиціи, свергъ съ пьедестала старые долго чтимые кумиры, расчистилъ путь свободной мысли и общественной работѣ, подарилъ своимъ преемникамъ горячую вѣру и соціальный энтузіазмъ, хотя не оставилъ точной общественной программы, не можетъ быть цѣликомъ зачисленъ въ родоначальники ни одного изъ послѣдующихъ общественно-литературныхъ направленій, изъ которыхъ, однако, каждое обязано ему своими лучшими идеалами. Герценъ былъ достойнымъ соратникомъ своего великаго современника. Онъ тоже выступилъ на защиту общихъ завоеваній европейской культуры. Но когда потребовалось облечь ихъ въ конкретныя формы, онъ нашелъ болѣе опредѣленный путь и почти сталъ родоначальникомъ опредѣленнаго направленія. Уютная дѣтская, довольство и счастье въ эпоху отрочества и юности, патріархальный складъ помѣщичьей жизни, религіозно-мистическая натура любимой женщины, наконецъ, крестьянинъ, крѣпостной, рабъ, горе и муки котораго проявлялись въ помѣстьѣ его отца не такъ ужасно, какъ въ другихъ мѣстахъ,— таковъ былъ кругъ чувствъ и настроеній, въ которомъ вращался Герценъ. Здѣсь инстинктивно искалъ онъ выхода своимъ сомнѣніямъ и здѣсь, въ строѣ и бытѣ русской деревни, нашелъ онъ въ концѣ-концовъ, спасеніе отъ безысходнаго отчаянія въ ту минуту, когда казалось, что ему не оставалось никакого спасенія. Между этимъ западникомъ и славянофилами было гораздо болѣе общаго, чѣмъ могло бы показаться при поверхностномъ взглядѣ. Они были отпрысками одной общественной группы, ихъ идеалы одинаково окрашены оттѣнкомъ тѣхъ настроеній, которыя воз-

никли въ усадьбахъ стараго русскаго барства. Но въ отличіе отъ нихъ Герценъ отрѣшился отъ узкаго націонализма, проникся передовыми идеалами современной ему европейской философской и соціальной мысли, и старая помѣщичья Русь предстала предъ нимъ не законченной, совершенной формой жизни, а великой почвой, на которой можно было насадить и взрастить эти идеалы. Онъ сочеталъ то, что дала ему европейская мысль, съ тѣмъ органическимъ влеченіемъ къ русской деревнѣ, которое жило въ его душѣ, слилъ западничество съ славянофильствомъ, подобно славянофиламъ увѣровалъ въ великую миссію Россіи, но эта миссія не была въ его глазахъ отрицаніемъ общечеловѣческой культуры. Напротивъ, Россіи вслѣдствіе ея своеобразнаго уклада жизни предстояла почетная роль— претворить въ жизнь идеалы, провозглашенные въ Европѣ и оказавшіеся не подъ силу этой Европѣ. Своеобразный складъ русскаго народа въ глазахъ Герцена ставилъ его не въ изолированное положеніе, а, напротивъ, превращалъ его въ безсознательнаго носителя идеи соціализма.

Отецъ Герцена, Яковлевъ, былъ богатымъ и родовитымъ русскимъ бариномъ. Его мать была нѣмка Луиза Гаагъ, вывезенная Яковлевымъ изъ Штутгарта. Представитель стариннаго дворянскаго рода, Яковлевъ не рѣшился жениться на Луизѣ Гаагъ. Плодомъ ихъ союза, не освященнаго бракомъ, былъ будущій писатель, родившійся 25-го марта 1812 года въ Москвѣ и получившій фамилію Герцена въ память того, что его мать была избранницей сердца (Herz) его отца. Первые дни его жизни совпали съ пожаромъ Москвы. Въ дѣтствѣ Герценъ любилъ слушать разсказы о вступленіи французовъ въ Москву, захватившихъ здѣсь и семью Яковлева, не успѣвшаго выбраться. Наполеонъ отпустилъ его, взявъ съ него честное слово, что онъ доставитъ его письмо императору Александру.

Яковлевъ сдержалъ свое слово. Въ эти разсказы вплетались трогательные эпизоды, въ которыхъ простой русскій крестьянинъ наивно и безсознательно игралъ благородную роль чистаго чуткаго человѣка. По дорогѣ въ ярославское имѣніе Яковлева мать Герцена случайно очутилась въ глухой деревнѣ. Можно представить ужасъ семнадцатилѣтней нѣмки среди „полудикихъ людей съ бородами, одѣтыхъ въ нагольные тулупы, говорящихъ на совершенно незнакомомъ языкѣ". „А *дикіе* эти, — говоритъ Герценъ въ „Быломъ и Думахъ" [1]), — жалѣли ее отъ всей души, со всѣмъ радушіемъ, со всей простотой своей, и староста посылалъ нѣсколько разъ сына въ городъ за изюмомъ, пряниками, яблоками и баранками для нея". По окончаніи войны Яковлевы снова поселились въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ Яковлевымъ поселился его братъ, котораго Герценъ въ „Быломъ и Думахъ" называетъ сенаторомъ. Оба брата, двѣ нянюшки,—одна русская, одна нѣмка,— и камердинеръ сенатора Кало „единственный пріятель" мальчика,—таково было общество, окружавшее дѣтство будущаго писателя. Сенаторъ прошелъ видную служебную карьеру, отецъ Герцена „ненавидѣлъ офиціальный міръ". Мрачный образъ отца съ причудами стараго барства, съ европеизмомъ, странно преломившимся въ московскомъ домѣ и въ помѣщичьей усадьбѣ, съ тайнымъ презрѣніемъ къ людямъ и съ манерами истиннаго джентльмэна, глубоко запечатлѣлся въ воображеніи Герцена на всю жизнь. Онъ былъ „слѣдствіе встрѣчи двухъ вещей, до того противоположныхъ какъ XVIII вѣкъ и русская жизнь, при посредствѣ третьей, ужасно способствующей капризному развитію — помѣщичьей праздности". Онъ принадле-

---

[1]) Мы пользуемся женевскимъ изданіемъ соч. Герцена (Oeuvres d'Alexandre Herzen. Соч. А. И. Герцена. Genève-Bale-Lyon).

жалъ къ числу тѣхъ людей, про которыхъ Герценъ говоритъ въ „Быломъ и Думахъ“: „Иностранцы дома, иностранцы въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, испорченные для Россіи западными вліяніями, для Запада русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ нестерпимомъ эгоизмѣ“. Онъ принадлежалъ къ высшему кругу общества, и когда возрастъ помѣшалъ ему вести до конца легкомысленную жизнь, онъ сталъ одинокимъ и угрюмымъ и наполнялъ свой досугъ тѣмъ, что съ старческимъ деспотизмомъ отравлялъ жизнь окружающимъ, издѣвался надъ зависимыми отъ него людьми. „Твердая воля превращалась въ упрямые капризы, незанятыя силы портили нравъ, дѣлали его тяжелымъ“.

Среди томящей скуки барскаго дома Герцена спасла передняя, дѣвичья и деревня, какъ впослѣдствіи спасла его вѣра въ Россію на краю отчаянія. „Былое и Думы“ полны благодарныхъ воспоминаній о простомъ русскомъ человѣкѣ. Мальчикъ жадно хватался за эти пути, которые являлись соединительными нитями между нимъ и народомъ. Все отрицательное, что гнѣздилось здѣсь, отлетало отъ него. Онъ воспринималъ только здоровые элементы. Уже тогда въ простомъ народѣ, не только среди крестьянъ, но и среди дворни, онъ находилъ здоровыя основы, которыхъ не было среди „умныхъ ненужностей“ высшаго круга. „Передняя и дѣвичья составляли единственно живое удовольствіе, которое у меня оставалось. Тутъ мнѣ было совершенное раздолье, я бралъ партію однихъ противъ другихъ, судилъ и рядилъ вмѣстѣ съ моими пріятелями ихъ дѣла, зналъ всѣ ихъ секреты и никогда не проболтался въ гостиныхъ о тайнахъ переднихъ“. Онъ полюбилъ простыхъ людей. Тамъ созрѣвала идея будущаго народничества, идея о томъ, что у этихъ людей должны брать уроки высшіе слои общества. Тамъ складыва-

лась мысль, что въ передней дѣти воспринимаютъ грубыя выраженія и дурныя маперы, но въ гостиной они принимаютъ грубыя мысли и дурныя чувства. Тамъ онъ понялъ, что „разница между дворянами и дворовыми такъ же мала, какъ между ихъ названіями“; что, „представляя слугъ и рабовъ распутными звѣрями, плантаторы отводятъ глаза другимъ и заглушаютъ крики совѣсти въ себѣ“; что „мы рѣдко лучше черни, но выражаемся мягче, ловчѣе скрываемъ эгоизмъ и страсти“. Онъ видѣлъ ихъ пороки и недостатки, но, „перебирая воспоминанія“ свои впослѣдствіи, онъ подвелъ итоги, и эти „пороки“ потонули въ полудѣтской простотѣ, наивности и человѣчности тѣхъ, кто покорно несли тяжелое иго рабства. И въ поэтической думѣ о старинѣ, когда существовала „династическая любовь между помѣщиками и дворовыми“, въ скорбномъ сѣтованіи на то, что нѣтъ „больше на Руси усердныхъ слугъ, преданныхъ роду и племени своихъ господъ“, чувствуется отпрыскъ стараго барства, просвѣщенный гуманистъ, который, при пробудившемся чувствѣ протеста противъ рабства, смотритъ не всегда охотно вдаль будущаго и повременамъ съ любовью обращаетъ свой взоръ въ прошлое. Нетрудно понять, какая глубокая ненависть запала въ душу ребенка, когда предъ нимъ проходили потрясающія картины крѣпостной жизни. Домъ Яковлева былъ счастливымъ исключеніемъ среди притоновъ разврата, насилія и гнета, которыми являлись тогдашніе помѣщичьи дома, но даже здѣсь у этихъ европейски образованныхъ людей мальчикъ не разъ видѣлъ раздирающія душу сцены. Шестидесятилѣтній старикъ, которому Яковлевъ велѣлъ обрить бороду за растрату оброка, рыдая навзрыдъ, безрезультатно валялся у его ногъ, предлагая заплатить сверхъ оброка сто рублей, лишь бы избавиться отъ безчестья. Даровитый крестьянинъ, по прихоти сенатора слушавшій лекціи въ университетѣ, женившійся на дочери

офицера, гибнетъ, когда его жена узнала, что онъ крѣпостной, и бѣжала отъ него; близкій къ умопомѣшательству, онъ отравляется. „Я слышалъ,—пишетъ Герценъ,—когда ядъ сталъ дѣйствовать, его стонъ и страдальческій голосъ: „жжетъ, жжетъ! огонь!“ Далѣе мальчикъ видѣлъ его тѣло на столѣ, „первое мертвое тѣло“, которое ему пришлось видѣть „въ томъ видѣ, какъ онъ уморъ, во фракѣ безъ галстука, съ раскрытой грудью, черты его были страшно искажены и уже почернѣли“. Близкій къ обмороку, маленькій Герценъ вышелъ вонъ: „игрушки и картинки, подаренныя мнѣ на новый годъ, не тѣшили меня“. Таковы были итоги его знакомства съ „передней“: онъ научился любить простого человѣка и ненавидѣть рабство.

Деревня наложила своеобразный колоритъ на эти впечатлѣнія, вынесенныя изъ барскаго дома. Деревня была уже въ дѣтствѣ для Герцена тѣмъ идеаломъ, гдѣ онъ находилъ удовлетвореніе стремленіямъ своей души. Поѣздки на лѣто въ Васильевское были отраднѣйшими моментами его жизни. „Для меня деревня была временемъ воскресенія, я страстно любилъ деревенскую жизнь. Лѣса, поля и воля-вольная—все это мнѣ было такъ ново, выросшему въ хлопкахъ, за каменными стѣнами, не смѣя выйти ни подъ какимъ предлогомъ за ворота безъ спроса и безъ сопровожденія лакея“. Онъ любилъ и жалѣлъ разваливающійся старый каменный домъ „можетъ-быть оттого, что онъ въ немъ впервые встрѣтился съ деревней“, любилъ длинную тѣнистую аллею, которая вела къ нему, и одичалый садъ возлѣ него, и бѣлый песокъ, и тростникъ, гдѣ онъ игралъ, и сгорбленнаго старика, сидѣвшаго всегда предъ домомъ, а гнѣзда воронъ, покрывавшія макушки деревьевъ. И долго до конца жизни не могъ забыть онъ этого уютнаго чувства, рожденнаго въ запущенныхъ садахъ и въ покривившихся домахъ умирающаго помѣщичьяго барства. Много лѣтъ

спустя, послѣ потрясеній, вдали отъ родины, своеобразная природа родного помѣстья и теплыя чувства, пробуждаемыя ею, воскресали въ душѣ эмигранта и мятежника и звали и манили его, и чудилось, будто тамъ таится залогъ вѣчной правды и общечеловѣческаго счастья, которыхъ онъ тщетно искалъ въ революціонныхъ буряхъ Европы, въ бунтующихъ системахъ ея геніевъ. Вдали отъ родины воскресали передъ ними сельскіе вечера: „они и теперь, какъ тогда, остались для меня минутами благочестія, тишины и поэзіи“. И когда ему однажды пришлось проѣзжать черезъ итальянскую деревню, при выѣздѣ изъ которой въ нишѣ стояла небольшая мадонна съ горѣвшимъ передъ ней фонаремъ, Герценъ „былъ глубоко потрясенъ, глубоко тронутъ“. Онъ вспомнилъ Васильевское.

Деревья сада
Стояли тихо. По холмамъ
Тянулась сельская ограда,
И расходилось по домамъ
Уныло медленное стадо.

Идиллическія картины помѣщичьяго быта окрашивались ласкающимъ розовымъ колоритомъ въ воспоминаніяхъ Герцена. Самыя трагедіи, разыгравшіяся на почвѣ крѣпостничества, смягчались поэзіей и уютностью безраздумнаго барства, были скорѣе плодомъ безсознательнаго, наивнаго эгоизма, чѣмъ злой воли. Но въ дѣтство Герцена вторгался одинъ образъ, который казался ему воплощеніемъ жестокости, отрицаніемъ всего, о чемъ грезилъ мальчикъ въ своихъ свѣтлыхъ юныхъ мечтахъ. Съ раннихъ лѣтъ этотъ образъ сталъ для него воплощеніемъ всего, противъ чего возставала его аристократическая натура, съ его тонкими ощущеніями, съ его благороднымъ умомъ, проникающимъ въ самые глубокіе изгибы человѣческой души. Герценъ и императоръ Николай! Они

были врагами еще до того момента, когда услыхали другъ о другѣ. Все, что наполняло атмосферу, окружавшую ребенка, слезами и кровью, все, что оскорбляло его чувствительное сердце,—все это онъ объединилъ въ имени императора Николая. Для Герцена онъ былъ символъ. Въ его желѣзной личности для Герцена воплотилась идея отрицанія личности и человѣческаго достоинства,—та идея, которая была дорогимъ священнымъ стремленіемъ для Герцена и его сверстниковъ. Николай I и Герценъ—это два полюса, безпощадный холодъ и пламенный энтузіазмъ, надменное величіе и жажда жертвы, самовластная сила и чуткое сердце, откликающееся на каждый стонъ человѣчества. Никто не умѣлъ такъ ярко нарисовать во весь ростъ эпоху, когда Россія была скована желѣзными кандалами. Какъ неподвижное мраморное изваяніе, встаетъ ея холодный образъ въ „Быломъ и Думахъ“ съ мертвящей дланью, съ гнетущей силой. Все, что еще дышало въ Россіи полной грудью, все, что еще осталось отъ разнообразныхъ порывовъ ума и сердца,—все это замерло, застыло подъ леденящимъ дыханіемъ тогдашняго правительства. Декабрьскія событія оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ мальчика. Онъ видѣлъ нравственное паденіе русской аристократіи. Никто не смѣлъ показать участія арестованнымъ, которымъ вчера еще жали руки. „Напротивъ, являлись дикіе фанатики рабства, одни изъ подлости, а другіе хуже—безкорыстно“. Однѣ женщины не участвовали въ этомъ позорномъ отреченіи отъ близкихъ. „Жены сосланныхъ въ каторжную работу лишались всѣхъ гражданскихъ правъ, бросали богатство, общественное положеніе и ѣхали на цѣлую жизнь неволи, въ страшный климатъ восточной Сибири, подъ еще страшнѣйшій гнетъ тамошней полиціи“. Казнь Пестеля и его товарищей „окончательно разбудила ребяческій сонъ“ души Герцена. Онъ чувствовалъ, что онъ „не

съ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрьмы и цѣпи". Никто, даже отецъ Герцена, не вѣрилъ въ то, что смертный приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе; думали, что хотятъ „поразить умы". Но общество плохо понимало смыслъ новаго курса. Жители Москвы едва вѣрили глазамъ, читая въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" страшную новость. На другой день былъ молебенъ въ Кремлѣ. Побѣду надъ пятью торжествовали въ Москвѣ молебствіемъ. Среди Кремля митрополитъ Филаретъ благодарилъ Бога. „Вся царская фамилія молилась, около нея Сенатъ, министры, а кругомъ, на огромномъ пространствѣ, стояли густыя массы гвардіи, колѣнопреклоненныя, безъ кивера, и тоже молились; пушки гремѣли съ высотъ Кремля". Никогда висѣлицы, пишетъ Герценъ, не имѣли такого торжества. „Мальчикомъ четырнадцати лѣтъ, потеряннымъ въ толпѣ, я былъ на этомъ молебствіи, и тутъ передъ алтаремъ, оскверненнымъ кровавой молитвой, я клялся отмстить за казненныхъ... Черезъ тридцать лѣтъ я стою подъ тѣмъ же знаменемъ, котораго не покидалъ ни разу". Такъ писалъ Герценъ въ 1855 г. въ „Полярной Звѣздѣ". Послѣ казни императоръ Николай совершилъ торжественный въѣздъ въ Москву. „Я,—говоритъ Герценъ,— тутъ видѣлъ его въ первый разъ; онъ ѣхалъ верхомъ возлѣ кареты, въ которой сидѣли вдовствующая императрица и молодая. Онъ былъ красивъ, но красота его обдавала холодомъ; нѣтъ лица, которое бы такъ безпощадно обличало характеръ человѣка, какъ его лицо. Лобъ, быстро бѣгущій назадъ, нижняя челюсть, развитая на счетъ черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное—глаза, безъ всякой теплоты, безъ всякаго милосердія, зимніе глаза". Если правительство этой эпохи безпощадно казнило русскую мысль, то въ другой, высшей сферѣ оно само подверглось жестокой казни. Герценъ отмстилъ за русскую литера-

туру. На вѣчныя времена на судъ смѣняющихъ другъ друга поколѣній выставилъ онъ это мрачное время и воплотившуюся въ немъ идею.

Самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ дѣтства Герцена была его дружба съ Огаревымъ, дальнимъ родственникомъ Яковлевыхъ. Маленькій другъ Герцена былъ извѣстенъ подъ именемъ Ника. Въ немъ „было что-то доброе, кроткое и задумчивое". Когда они въ первый разъ читали Шиллера, Герцена перазило сходство ихъ вкусовъ, они любили одни и тѣ же мѣста, и переходъ отъ Вильгельма Телля къ 14-му декабря былъ легокъ. Дружба обоихъ даровитыхъ мальчиковъ сразу пріобрѣла серьезный характеръ; шалости никогда не занимали у нихъ перваго мѣста. Они видѣли въ себѣ избранниковъ, предназначенныхъ къ великому будущему; у нихъ была общая религія. Однажды на Воробьевыхъ горахъ, запыхавшись и раскраснѣвшись, оба мальчика остановились на мѣстѣ закладки Витбергова храма. „Садилось солнце, купола блестѣли, городъ стлался на необозримое пространство подъ горой... мы постояли, оперлись другъ на друга и, вдругъ обнявшись, присягнули, въ виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу".

Мы нарочно такъ подробно остановились на дѣтствѣ Герцена. Біографіи писателей имѣютъ огромное значеніе, когда онѣ раскрываютъ отраженіе эпохи въ выдающихся сердцахъ и умахъ. Дѣтство Герцена — типичное дѣтство гуманныхъ и просвѣщенныхъ дворянъ той эпохи. Впослѣдствіи мы увидимъ, что тѣ же картины отпечатлѣвались въ умѣ Тургенева, Некрасова и другихъ чуткихъ и даровитыхъ дворянъ николаевскаго царствованія: тѣ же раздирающія душу сцены крѣпостного права, тѣ же настроенія уютнаго стараго барства, то же вліяніе простого двороваго человѣка, то же грубое прикосновеніе желѣзнаго режима къ чуткому, нѣжному сердцу, тѣ же „аннибаловы клятвы".

Юность была полна впечатлѣній такого же характера. Мы уже знаемъ, въ какомъ положеніи находились тогдашніе университеты и въ частности московскій, „этотъ разсадникъ разврата“, который правительство едва терпѣло. Попечитель Голицынъ долго не могъ привыкнуть къ мысли, что когда профессоръ боленъ, то нѣтъ лекцій; онъ думалъ, что слѣдующій *по очереди* долженъ его замѣнить, такъ что профессору богословія иной разъ пришлось бы читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ. Несмотря на такія воззрѣнія тогдашнихъ хозяевъ русской науки, опальный университетъ росъ: „въ него, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собою и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея“. Подъ вліяніемъ одного родственника, котораго Герценъ называетъ химикомъ, онъ поступилъ на физико-математическое отдѣленіе. Въ университетѣ Герценъ быстро завоевалъ любовь товарищей, какъ добрый и смѣлый товарищъ, не только въ университетскихъ „исторіяхъ“, но и въ университетскихъ попойкахъ и кутежахъ. Онъ умѣлъ не выдать товарища и „пострадать“, когда нужно было. Но въ этихъ „страданіяхъ“ было много удали, много спортсменства богатой дворянской молодежи. Достаточно вспомнить карцеръ, куда Герценъ и его товарищи попали послѣ извѣстной „маловской исторіи“. Герценъ объяснялся съ ректоромъ Двигубскимъ, какъ балованный барчукъ. А жизнь въ карцерѣ благодаря подкупу солдата превратилась въ веселый праздникъ съ „сигарами, дичью и ликерами“. Яркая панорама университетской жизни николаевскаго царствованія развертывается въ “Быломъ и Думахъ“ съ комическими фигурами профессоровъ-чиновниковъ, съ тревожными

слухами о репрессіяхъ, о грозящихъ университету карахъ, о вѣроятномъ закрытіи, съ образами восторженныхъ студентовъ, жадно ищущихъ знаній, бросающихся отъ одной философской системы Запада къ другой, охваченныхъ наивнымъ энтузіазмомъ и жаждой жертвы; затѣмъ преслѣдованія, обвиненія въ участіи въ тайныхъ обществахъ—излюбленное обвиненіе николаевской полиціи. Что могли сдѣлать нѣсколько студентовъ?—восклицаетъ Герценъ. „Но что же это была бы за молодежь, которая могла бы, въ ожиданіи теоретическихъ рѣшеній, спокойно смотрѣть на то, что дѣлалось вокругъ, на сотни поляковъ, гремѣвшихъ цѣпями по владимирской дорогѣ, на крѣпостное состояніе, на солдатъ, засѣкаемыхъ на Ходынскомъ полѣ, на студентовъ-товарищей, пропадавшихъ безъ вѣсти. Въ нравственную очистку поколѣнія, въ залогъ будущаго, они должны были негодовать до безумныхъ опытовъ, до презрѣнія опасности. Свирѣпыя наказанія мальчиковъ 16—17 лѣтъ служили грознымъ урокомъ и своего рода закаломъ; занесенная надъ каждымъ звѣриная лапа, шедшая отъ груди, лишенной сердца, впередъ отводила розовыя надежды на снисхожденіе къ молодости... За одну дурно скрытую слезу о Польшѣ, за одно смѣло сказанное слово—годы ссылки, бѣлаго ремня, а иногда и казематъ; потому-то и важно, что слова эти говорились, и что слезы эти лились. Гибли молодые люди иной разъ; но они гибли, не только не мѣшая работѣ мысли, разъяснявшей себѣ сфинксову задачу русской жизни, но оправдывая ея упованія“. Эти строки принадлежатъ не юношѣ-Герцену; онѣ написаны много лѣтъ спустя послѣ университета, и въ нихъ лучшій отвѣтъ всѣмъ, кто порицаетъ молодежь за ея увлеченія, за ея безумную вѣру въ свои силы, за нелѣпое стремленіе противопоставить могучей физической силѣ энтузіазмъ кучки благородныхъ сердецъ. Въ этихъ словахъ выяснена положительная

роль благороднаго безумія въ историческомъ движеніи общества.

Надъ Герценомъ и Огаревымъ уже собиралась гроза. Ихъ имена уже были замѣчены. Въ это время Сенъ-Симонъ царилъ въ ихъ кружкѣ. Не одни кутежи и увлеченія занимали ихъ. „Юношескія оргіи, разгульныя минуты, хватавшія иногда черезъ край“, были не единственнымъ воспоминаніемъ: „большая половина сердца была не туда направлена, гдѣ праздная страстность и болѣзненный эгоизмъ сосредоточиваются на нечистыхъ помыслахъ и троятъ пороки“. Богатые юноши отдавали дань молодости: „Послѣ ужина,— пишетъ Герценъ,—возникалъ обыкновенно *капитальный* вопросъ, — вопросъ, возбуждавшій пренія, а именно: какъ варить жженку?“ Такими „событіями“ пестрятъ воспоминанія Герцена. Но въ это же время его товарищи начали „съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать“ не только то, что творилось въ Россіи, но и то, что совершалось въ Европѣ. Среди этого броженія, среди усилій понять пугавшія ихъ сомнѣнія имъ попались въ руки сенъ-симонистскія брошюры. Дѣйствіе сенъ-симонистскихъ проповѣдей на друзей Герцена было потрясающее. Они возвѣстили новую вѣру. Замѣчательно, что въ ученіи сенъ-симонистовъ Герцена прежде всего поразили не столько общія идеи соціализма, сколько двѣ идеи: съ одной стороны „*освобожденіе женщины*, призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею какъ съ равнымъ“, съ другой—„оправданіе *искупленіе плоти*, Réhabilitation de la chair!“ Это были „великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа, міръ естественно-нравственный и потому естественно-чистый“. Сенъ-Симонъ легъ въ основу ихъ убѣжденій. „Удобовпечатлимые, искренне-молодые, мы легко были подхвачены мощной волной его и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ оста-

навливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду—черезъ море!" Сенъ-Симонъ былъ послѣднимъ впечатлѣніемъ университетскаго періода. Огаревъ былъ взятъ первымъ. Вскорѣ послѣдовалъ арестъ Герцена. 19-го іюля 1834 года онъ, разстроенный судьбой своего товарища, еще говорилъ о немъ съ дѣвушкой, которая воскресила его нѣсколькими словами. „До завтра",—сказалъ онъ ей на прощанье. Во второмъ часу ночи Герцена разбудилъ испуганный камердинеръ. Полицеймейстеръ стоялъ въ дверяхъ залы, сзади толпились какія-то лица, Герценъ разглядѣлъ казацкую шапку. Нужно ли прибавлять, что обвиненія, направленныя противъ Герцена, касались не преступныхъ дѣяній, а образа мыслей. Сыщики старались проникнуть въ сокровенныя мысли обвиняемаго, напрягали усилія, чтобы изъ захваченныхъ бумагъ, изъ подслушанныхъ рѣчей, изъ гордыхъ, полныхъ презрѣнія отвѣтовъ Герцена сплести сѣть доказательствъ его преступнаго образа мыслей. Одинъ изъ инквизиторовъ „суда", учрежденнаго надъ Герценомъ, ссылаясь на дружбу своего отца съ Яковлевымъ, предлагалъ Герцену помочь ему, намекая даже на его будущую карьеру. Для этого отъ Герцена требовалось немного: искренне раскаяться и „назвать несчастныхъ заблудившихся людей, которые вовлекли его". Нетрудно догадаться о томъ, что отвѣтилъ Герценъ. Приговоръ гласилъ, что хотя подсудимыхъ „по закону слѣдовало бы, какъ людей уличенныхъ въ оскорбленіи величества пѣніемъ возмутительныхъ пѣсенъ, лишить живота; а въ силу другихъ законовъ сослать на вѣчную каторжную работу", но государь въ безпредѣльномъ милосердіи своемъ во вниманіе къ молодости виновныхъ часть ихъ прощаетъ, а часть (въ числѣ послѣднихъ былъ и Герценъ) ссылаетъ „на безсрочное время въ дальнія губерніи на граждан-

скую службу и подъ надзоромъ мѣстнаго начальства".

Открылся періодъ скитаній Герцена. Ссылка дала ему еще больше матеріала для ознакомленія съ родной дѣйствительностью, чѣмъ дѣтская и университетъ. Страшно становится за Россію, когда въ „Быломъ и Думахъ" встаютъ мастерски очерченные образы тогдашнихъ безконтрольныхъ властителей Россіи, невѣжественныхъ и жестокихъ людей, которымъ ввѣрялись спокойствіе и счастье милліоновъ. Въ Вяткѣ Герценъ очутился во власти тамошняго губернатора Тюфяева. Его исторія—удивительная карьера, характерный показатель того, какихъ исполнителей требовала николаевская эпоха для осуществленія идеи тогдашняго правительства. Отецъ Тюфяева былъ чуть ли не сосланъ въ Тобольскъ и принадлежалъ къ бѣднѣйшимъ мѣщанамъ. Его сынъ, будущій губернаторъ, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ присталъ къ ватагѣ бродячихъ комедіантовъ, пляшущихъ по ярмаркамъ на канатѣ, кувыркающихся колесомъ. Въ одномъ городѣ его арестовали какъ бродягу и пѣшкомъ съ арестантами отправили въ Тобольскъ. Далѣе онъ писецъ въ магистратѣ; какъ ловкаго дѣльца его замѣчаютъ; онъ попадаетъ къ особѣ, проѣзжавшей черезъ Тобольскъ, въ писаря. Очутившись въ Петербургѣ, онъ дѣлаетъ карьеру. Черезъ десять лѣтъ онъ—секретарь Канкрина, затѣмъ попадаетъ на важный постъ въ канцелярію Аракчеева. Въ награду за адскій трудъ въ канцеляріи, въ этихъ „мѣдныхъ рудникахъ", на этой „фабрикѣ приказовъ и указовъ", Тюфяева, который ставилъ „повиновеніе въ первую добродѣтель людскую", назначили вице-губернаторомъ, а затѣмъ пермскимъ губернаторомъ. „Губернія, по которой Тюфяевъ разъ прошелъ по веревкѣ, и которая на веревкѣ, лежала у его ногъ". Онъ былъ „развратенъ по жизни, грубъ по натурѣ", не терпѣлъ возраже-

ній. Отправляя чиновника на слѣдствіе, онъ говорилъ ему, что „вѣроятно, откроется то-то и то-то“, и горе чиновнику, если открывалось не это. Онъ оскорбилъ сестру одного бѣднаго чиновника, и когда послѣдній вступился за честь своей сестры, Тюфяевъ велѣлъ освидѣтельствовать его. Все трепетало передъ могущественнымъ сатрапомъ, даже старикъ-нѣмецъ, инспекторъ врачебной управы. Несчастный чиновникъ былъ признанъ сумасшедшимъ и умеръ въ сумасшедшемъ домѣ. „Этотъ-то почтенный ученикъ Аракчеева и достойный товарищъ Клейнмихеля, — восклицаетъ Герценъ, - акробатъ, бродяга, писарь, секретарь, губернаторъ, нѣжное сердце, безкорыстный человѣкъ, запирающій больныхъ въ сумасшедшій домъ и уничтожающій ихъ тамъ, брался теперь пріучать меня къ службѣ“. Вятка слѣдовала за Пермью, за Вяткой — Владиміръ. И всюду передъ Герценомъ раскрывались однѣ и тѣ же картины гнета, произвола и невѣжества. Онъ видѣлъ дѣтей, „чахлыхъ, тщедушныхъ“, которыхъ гнали пѣшкомъ сотни верстъ, — дѣтей, изъ которыхъ половина умирали въ пути, при видѣ которыхъ надрывалось сердце у самого конвойнаго офицера, при видѣ которыхъ онъ бросился въ свою коляску, чтобы не выдать своихъ рыданій. Онъ долго помнилъ „благородныя черты художника, задавленнаго правительствомъ съ холодной и безчувственной жестокостью“, — геніальнаго Витберга, восторженнаго, эксцентрическаго и мистически настроеннаго. Онъ создалъ колоссальный, исполненный религіозной поэзіи проектъ храма Спасителя, который долженъ былъ воздвигнуться въ память избавленія отъ французовъ. Александръ I былъ пораженъ проектомъ, полнымъ вдохновенія. „Вы камнями говорите“, — сказалъ онъ юному артисту. Но послѣ смерти Александра I онъ былъ опозоренъ, разоренъ и сосланъ въ Вятку. Какія „чудовищныя преступленія безвѣстно схоронены въ архивахъ“ этой

ужасной эпохи! „Мы,—говоритъ Герценъ,—къ нимъ привыкли, они дѣлались обыденно, дѣлались какъ ни въ чемъ не бывало, никѣмъ незамѣченныя, потерянныя за страшною далью, беззвучно, замоленныя въ въ нѣмыхъ канцелярскихъ омутахъ или задержанныя полицейской цензурой“. Но не одни тяжелыя воспоминанія вынесъ Герценъ изъ ссылки. Во время пребыванія во Владимирѣ Герценъ женился на своей двоюродной сестрѣ Натальѣ Александровнѣ, которая воспитывалась у сестры Яковлева Хованской и много вынесла отъ своенравной и деспотической старухи. Natalie сыграла большую роль въ исторіи внутренняго развитія Герцена. Переписка Герцена съ ней, предшествовавшая ихъ женитьбѣ,—яркій памятникъ той эпохи, отраженіе душевнаго состоянія людей 40-хъ годовъ. И въ ссылкѣ Герценъ оставался гуманнымъ представителемъ стараго барства, въ которомъ было много мечтательности и мягкаго романтизма. Жизнь чувства нерѣдко выступаетъ у него на первый планъ и передъ нею блѣднѣютъ кровавые призраки замученныхъ жертвъ. Въ его письмахъ къ Natalie можно нерѣдко встрѣтить фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Вздоръ мое литературное призваніе, Богъ съ нимъ, писать можно отъ скуки, мое призваніе — ты“. Она была полна религіознаго мистицизма. „По мѣрѣ роста нашего въ мірѣ духовномъ,—писала Наташа Герцену,—мы должны уничтожаться въ здѣшнемъ мірѣ; по мѣрѣ увеличенія *тамъ*, должны умаляться *здѣсь*. Потому-то намъ и необходимо отречься отъ всего, что утучняетъ внѣшняго человѣка“. Ея мистицизмъ передался и Герцену, у котораго, по его собственному выраженію, до 1837 года не было ни одной религіозной идеи. А въ февралѣ 1838 года онъ уже пишетъ своей возлюбленной: „Я переплавленъ тобою въ другую форму... религіозность твоей любви — вотъ что имѣло такое вліяніе... Поглощая свою любовь, я вмѣ-

стѣ поглощалъ молитву и сдѣлался христіаниномъ". Въ теченіе извѣстнаго періода Наташа была для него всѣмъ. Онъ „всѣмъ друзьямъ сказалъ прощайте, какъ сказалъ мечтамъ о славѣ, о поприщѣ, о дѣятельности" [1]). Таковы были итоги ссылки: идея борьбы съ тѣмъ океаномъ зла, который заливалъ русскую землю,—идея, утвердившаяся какъ органическая часть духовнаго существа Герцена, идея, ставшая его путеводной звѣздой, а съ другой стороны—неясное представленіе о методахъ борьбы, о путяхъ, ведущихъ къ осуществленію завѣтнаго идеала, нѣсколько сантиментальная мечтательность богатаго дворянина, и въ самомъ изгнаніи не видавшаго нищеты и горя, пронесшихся тяжкимъ кошмаромъ черезъ всю жизнь Бѣлинскаго, наконецъ, колебаніе между безвѣріемъ и религіознымъ мистицизмомъ, навѣяннымъ любимой подругой жизни. Весь этотъ потокъ разнообразныхъ чувствъ и противорѣчивыхъ настроеній привезъ съ собой Герценъ въ Москву, куда онъ вернулся въ 1840 году изъ ссылки.

Онъ сразу занялъ видное мѣсто въ литературныхъ кружкахъ Москвы. Изъ своего кружка онъ нашелъ только Огарева. Члены станкевичевскаго кружка встрѣтили его каждый „съ томомъ Гегеля" и требовали присяги. Послѣдовало знаменитое столкновеніе двухъ принциповъ: примиренія Бѣлинскаго и протеста Герцена. Намъ уже извѣстно, что оно кончилось побѣдой послѣдняго, и когда Герценъ переѣхалъ въ Петербургъ, онъ и Бѣлинскій стали друзьями, и эта дружба уже не прекращалась до самой смерти Бѣлинскаго. Въ извѣстной книгѣ Батуринскаго „Герценъ, его друзья и знакомые" приведены любопытныя письма, относящіяся къ этой славной ссорѣ, которая показала непо-

---

[1]) Эволюція чувства Герцена подробно выяснена въ статьѣ Милюкова „Любовь у идеалистовъ 40-хъ годовъ" (перепечатана въ его книгѣ „Изъ ист. русск. интеллигенціи").

колебимое благородство обоихъ мыслителей, умѣвшихъ ненавидѣть и любить за свои убѣжденія. „Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія, — сказалъ я Бѣлинскому, думая его поразить моимъ ультиматумомъ, - вы можете доказать, что чудовищные порядки разумны и должны существовать“.—„Безъ всякаго сомнѣнія“, — отвѣчалъ Бѣлинскій и прочелъ мнѣ „Бородинскую годовщину“ Пушкина. — „Этого я не могъ вынести и отчаянный бой закипѣлъ между нами“. Этотъ періодъ кипучей литературной жизни былъ прерванъ новой кратковременной ссылкой, на этотъ разъ въ Новгородъ, гдѣ Герценъ провелъ мучительные дни. Здѣсь не было уже того счастья любви и религіознаго настроенія, которыя окрасили розовымъ колоритомъ владимирскіе дни. Начинался разладъ между нимъ и женою. Мистическая пелена спадала съ Герцена; раздраженіе и озлобленіе противъ новаго несправедливаго удара (на этотъ разъ Герценъ былъ сосланъ совершенно безъ всякаго основанія), возникшее въ душѣ Герцена, до извѣстной степени оскорбляло Наташу, склонную къ аскетическому взгляду на міръ, къ идеямъ смиренія и покорности. Появились первые признаки того, что Наташа, соединенная съ Александромъ, была „голубь, привязанный къ ракетѣ“. Герценъ недолго пробылъ во второй ссылкѣ. Съ 1842 г. онъ снова живетъ въ Москвѣ и въ подмосковномъ имѣніи. Это былъ періодъ страстныхъ литературныхъ споровъ, жгучей борьбы между западниками и славянофилами. Если первый періодъ его жизни, періодъ ссылки, былъ подготовительнымъ временемъ, то теперь Герценъ пробовалъ претворить свои впечатлѣнія въ слово. Онъ выступаетъ съ рядомъ произведеній, въ которыхъ чувствуется напряженная работа гуманнаго ума, стремящагося разрѣшить роковые вопросы жизни. Это былъ самый плодотворный періодъ его литературной дѣятельности, начавшійся 1842 годомъ и продолжавшійся до самаго

отъѣзда его за границу въ 1847 году. Въ это время появляются: „Сорока-воровка“, „Кто виноватъ?“ „Докторъ Круповъ“, „Дилеттантизмъ въ наукѣ“, „Дилеттанты-романтики“ и т. д. Герценъ касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Но особенно интересуютъ его семейный и брачный вопросъ, а главное—угнетенная личность во всѣхъ видахъ и ея освобожденіе. Онъ еще не поглощенъ мыслью о перестройкѣ общества, онъ еще не тотъ Герценъ-соціологъ, какимъ станетъ впослѣдствіи за границей. Онъ беретъ личность самое по себѣ, онъ напряженно вдумывается въ трагическіе конфликты, въ которые она попадаетъ, и ищетъ разрѣшенія загадки въ ней самой, въ ея страстяхъ и чувствахъ. И въ этотъ періодъ типичныя черты барства и неопредѣленные гуманистическіе порывы продолжаютъ сказываться въ его жизни и настроеніяхъ. Кутежи и похожденія переплетались съ горячими спорами, съ страстнымъ исканіемъ истины, съ изумительнымъ интересомъ къ завоеваніямъ западно-европейской мысли. Въ 1846 году произошла новая ссора среди друзей. Поссорились Грановскій и Герценъ. Послѣдній въ это время увлекался матеріализмомъ, онъ чувствовалъ, что „современное состояніе науки обязываетъ насъ къ принятію кое-какихъ истинъ, независимо отъ того, хотимъ мы этого, или нѣтъ“. Герценъ чувствовалъ, что молодежь ближе стоитъ къ нему, чѣмъ къ идеализму Грановскаго, который уже не возбуждалъ въ ней прежняго энтузіазма. Когда однажды Герценъ высказалъ свои мысли Грановскому, послѣдній, „слегка измѣнившись въ лицѣ“, сказалъ: „Я никогда не приму вашей сухой холодной мысли единства тѣла и духа: съ ней исчезаетъ безсмертіе души. Можетъ, вамъ его не надобно, но я слишкомъ много схоронилъ, чтобы поступиться этой вѣрой. Личное безсмертіе мнѣ необходимо“. Для такихъ людей, какъ Герценъ и Грановскій, такія размолвки были событіями. Можно при-

бавить, что онѣ были событіями и для умственной исторіи русскаго общества. Герценъ понялъ, что образовалась новая великая трещина; утомленный и разочарованный, онъ стремился уйти подальше оттуда, гдѣ была нанесена новая рана его сердцу. „Ѣхать, ѣхать вдаль, надолго непремѣнно ѣхать!"—такъ опредѣляетъ онъ свое настроеніе послѣ ссоры съ Грановскимъ. 21-го января 1847 года онъ навсегда покинулъ Россію.

Въ Европѣ начинается великій переворотъ въ душѣ Герцена Европа, откуда шли идеалы свободы и равенства, насмѣялась надъ ними и растоптала ихъ въ прахъ. Герценъ сразу почувствовалъ въ Европѣ, что политическій либерализмъ былъ красивой декораціей, прикрывавшей неприглядную дѣйствительность. Парижъ, котораго имя говорило ему не меньше, чѣмъ слово „Москва", произвелъ на него удручающее впечатлѣніе. Онъ увидѣлъ, что, вмѣсто „благородныхъ" идей и „возвышенныхъ" цѣлей, жизнью страны, никогда еще не падавшей такъ низко, двигаетъ одинъ рычагъ—деньги. Почти одновременно съ „Коммунистическимъ манифестомъ" формулировалъ онъ въ сжатыхъ сильныхъ выраженіяхъ сущность буржуазно-капиталистическаго строя. „Нажива сдѣлалась страстью, религіей; жизнь сведена на средство чеканить монету, государство, судъ, войско—на средство беречь собственность". Онъ уѣхалъ въ Италію, здѣсь онъ воспрянулъ духомъ. „Вся Италія, — пишетъ онъ въ „Западныхъ арабескахъ",—„просыпалась" на моихъ глазахъ! Я видѣлъ неаполитанскаго короля, сдѣланнаго ручнымъ, и папу, смиренно просящаго милостыню народной любви, вихрь, поднявшій все, унесъ и меня". При извѣстіи февральской революціи 1848 года онъ вернулся во Францію. Ему казалось измѣной не быть въ Парижѣ, когда въ немъ республика. Новое, еще болѣе жестокое разочарованіе ждало Герцена. Пролетаріатъ, отстаивавшій

—

на баррикадахъ идеалы соціалистическаго строя, какъ оказалось, подставлялъ свою грудь не для себя. Либеральная буржуазія захватила власть въ свои руки, воспользовавшись плодами его побѣды, провела своихъ представителей во временное правительство, которое принимало мѣры къ охранѣ собственности и закрѣпленію экономическаго гнета. Извѣстно, чѣмъ кончилась іюньская попытка пролетаріата свергнуть правительство либеральной буржуазіи. Три дня лились потоки крови на улицахъ Парижа, тысячи бойцовъ погибли подъ пулями или на эшафотѣ, и дѣло свободы было проиграно. „Вечеромъ 26-го іюля,—писалъ черезъ мѣсяцъ Герценъ,—послѣ побѣды мы слушали правильные залпы съ небольшими разстановками и съ барабаннымъ боемъ. „Вѣдь это разстрѣливаютъ!"—сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна и молчалъ; за такія минуты ненавидятъ десятъ лѣтъ, мстятъ всю жизнь.—*Горе людямъ, забывающимъ такія минуты*". Безнадежное отчаяніе овладѣло Герценомъ: „Внутри все было оскорблено, все опрокинуто, очевидныя противорѣчія, хаосъ; снова ломка, снова ничего нѣтъ... Жизнь обманула, исторія обманула..." Однажды утромъ, когда, измученный за ночь стонами своей больной маленькой дочери, Герценъ прошелъ пройтись, онъ увидѣлъ, что толпы народа, несмотря на холодъ и ранній часъ, покрывали бульвары, мальчишки съ крикомъ продавали бюллетени — пять милліоновъ голосовъ „клали связанную Францію къ ногамъ Людовика-Наполеона: осиротѣвшая передняя нашла, наконецъ, своего барина!" Ужасное душевное состояніе Герцена нашло себѣ выраженіе въ полномъ отчаянія посланіи „Съ того берега". „Парижъ! Какъ долго имя это гремѣло путеводной звѣздой народовъ; кто не любилъ, кто не поклонялся ему,- но его время миновало, пускай онъ идетъ со сцены... Парижъ раз-

стрѣливаетъ безъ суда... Что выйдетъ изъ этой крови? — кто знаетъ; но что бы ни вышло, довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣшенства, мести, раздора, возмездія погибнетъ міръ, тѣснящій новаго человѣка, мѣшающій ему жить, мѣшающій водвориться будущему—и это прекрасно, а потому — да здравствуетъ хаосъ и разрушеніе!"

Годы, слѣдовавшіе за 1848 годомъ, были печальнымъ періодомъ его жизни. Въ Швейцаріи, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время, онъ попалъ въ среду революціонеровъ всѣхъ странъ. Русское правительство предписало ему вернуться въ Россію. Это значило итти добровольно въ Сибирь, и Герценъ принялъ швейцарское подданство, навсегда лишившись надежды увидѣть родину. Въ это же время его постигъ сильный сердечный ударъ. Разладъ между нимъ и женой, начавшійся еще въ Новгородѣ, теперь усилился. Наталья Александровна была не удовлетворена и тосковала. Наконецъ, она покинула мужа и ушла къ нѣмецкому поэту Гервегу. Впрочемъ вскорѣ она вернулась. Герценъ встрѣтилъ ее радостно: они подали теперь другъ другу руки „не какъ заносчивые юноши, самонадѣянные и гордые вѣрой въ себя и въ какую-то исключительность своей судьбы", а какъ „ветераны, закаленные въ бою жизни". Но воскресшее было счастье оказалось непродолжительнымъ: въ слѣдующемъ 1852 году жена Герцена умерла.

Онъ уѣхалъ въ Лондонъ почти случайно и остался тамъ потому, что ему было „рѣшительно некуда ѣхать и незачѣмъ". По цѣлымъ днямъ сиживалъ онъ одинъ, но пустота кругомъ дала ему время собраться съ силами. Онъ много думалъ и постепенно полюбилъ Лондонъ, „этотъ муравейникъ, гдѣ сто тысячъ человѣкъ всякую ночь не знаютъ, гдѣ прислонить голову, и полиція нерѣдко находитъ дѣтей и женщинъ, умершихъ съ голода, возлѣ отелей, въ которыхъ нельзя обѣдать,

не истративши двухъ фунтовъ". Онъ почувствовалъ жажду дѣла и прежде всего потребность завести рѣчь съ своими, хотѣлось „имъ разсказать, что тяжело лежало на сердцѣ". Писемъ въ Россію не пропускали— книги пройдутъ сами, и Герценъ принялся за устройство русской типографіи. Вскорѣ она пригодилась. Въ 1856 году пріѣхалъ въ Лондонъ Огаревъ. Оба друга стали „за первымъ станкомъ вольнаго русскаго слова", и Герцену казалось, что ребяческая сцена на Воробьевыхъ горахъ была не тридцать три года тому назадъ, а много три. „Все измѣнилось вокругъ: Темза течетъ вмѣсто Москвы-рѣки и чужое племя около, и нѣтъ больше намъ дороги на родину... одна мечта двухъ мальчиковъ, одного 13 лѣтъ, другого 11 — уцѣлѣла!"

Вѣра въ Россію спасла Герцена на краю гибели. Въ первый періодъ своей литературной дѣятельности еще въ Россіи онъ является либераломъ, борцомъ за освобожденіе личности. Во второй періодъ онъ — врагъ буржуазіи, энтузіастъ соціализма, а затѣмъ безнадежный пессимистъ, не усматривающій въ Европѣ элементовъ, въ которыхъ можетъ найти опору будущій строй жизни. Теперь въ Лондонѣ онъ вступаетъ въ третій періодъ, когда онъ стремится претворить въ практику свои идеалы, приложить ихъ къ русской дѣйствительности; когда онъ проникается горячей вѣрой, что Россія можетъ осуществить то, чего не могло выполнить разлагающееся европейское общество; когда онъ сливаетъ идеалы западничества съ патріотическимъ энтузіазмомъ славянофиловъ. А событія въ Россіи давали основаніе къ этому вернувшемуся оптимизму. Императоръ Николай I умеръ, повѣяло освѣжающей атмосферой шестидесятыхъ годовъ, подготовлялось освобожденіе крестьянъ. Типографія пригодилась, и въ 1857 году при участіи Огарева сталъ выходить герценовскій „Колоколъ". Онъ

сталъ могучимъ факторомъ русской государственной и общественной жизни. Онъ почти открыто провозился въ Россію. На немъ воспитывалась русская молодежь, его боялись министры. „Написать въ „Колоколъ“ было угрозой для всесильныхъ бюрократовъ, которые не боялись ничего. Герценъ привѣтствовалъ освобожденіе крестьянъ. Онъ требовалъ освобожденія слова отъ цензуры, податного сословія — отъ тѣлесныхъ наказаній. Каждый вопросъ русской жизни встрѣчалъ откликъ на страницахъ „Колокола“, и къ его сильному голосу внимательно прислушивались. Оппозиція правительственному режиму въ его цѣломъ теперь прекратилась. Герценъ пересталъ быть революціонеромъ. Онъ не задумывался поддерживать и одобрять одни мѣропріятія правительства и порицать другія. Ослабѣла и страсть къ общимъ вопросамъ. Герценъ сталъ публицистомъ-практикомъ. Когда, во время польскаго возстанія въ 1863 году, Герценъ противъ воли, по настоянію русскихъ радикаловъ и революціонеровъ, выступилъ на защиту возстанія, это послужило началомъ паденія „Колокола“. Мятежъ былъ раздавленъ. Польша снова была закована въ цѣпи, и зажигательныхъ статей Герцена не могли простить ему восторжествовавшіе патріоты. Вліяніе „Колокола“ стало падать, и въ 1864 году Герценъ уѣхалъ въ Женеву. Черезъ шесть лѣтъ, 9-го января 1870 года, Герцена не стало. Его послѣдніе годы были исполнены пессимистическаго настроенія. Разочарованіе въ народныхъ массахъ, на которыя благодаря ихъ косности нельзя опереться, сознаніе, что необходима долгая подготовительная работа и просвѣщеніе темныхъ массъ, что всѣ революціи и баррикады были пока безплодны, наконецъ, что ему и его сверстникамъ не дождаться окончанія этой продолжительной просвѣтительной работы, — таковы были итоги этой многострадальной жизни. Одинъ за другимъ слѣдовали въ теченіе ея тяжелые удары

грубой внѣшней силы, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что самыя тяжелыя муки этотъ богато одаренный умъ перенесъ не въ борьбѣ съ желѣзнымъ гнетомъ николаевской эпохи, а въ борьбѣ со своими собственными сомнѣніями и отчаяніемъ. Безпощадны были условія, въ которыхъ приходилось жить и дѣйствовать людямъ, подобнымъ Чаадаеву, Бѣлинскому, Грановскому и Герцену, но еще болѣе безпощадно отражался въ ихъ сердцахъ мучительный процессъ, путемъ котораго русская общественная мысль шла къ выработкѣ опредѣленныхъ программъ и идеаловъ. Тюрьма и ссылка наложили глубокій отпечатокъ на душу Герцена, но ссора съ Грановскимъ по поводу матеріализма оставила незаживающую рану. Въ ту эпоху любившіе другъ друга люди расходились врагами на недѣлю изъ-за одной фразы Гегеля, а теорія для этихъ мечтателей была истинной практикой. Въ то время люди разныхъ теоретическихъ воззрѣній не могли быть друзьями, и Герценъ писалъ въ „Быломъ и Думахъ“ по поводу размолвки съ Грановскимъ: „Въ дѣйствительно близкихъ отношеніяхъ тожество *религіи*, тожество въ главныхъ теоретическихъ убѣжденіяхъ необходимо... Между нами, братьями одной семьи, близнецами, жившими одной жизнью, нельзя было такъ глубоко расходиться. Еще бы у насъ было неминуемое дѣло, которое бы насъ совершенно поглощало, а то вѣдь, собственно, вся наша дѣятельность была въ сферѣ мышленія и пропаганды нашихъ убѣжденій... Какія же могли быть уступки на этомъ полѣ?“ Ко всѣмъ людямъ 40-хъ годовъ въ той или иной степени приложимы слова Некрасова:

Что враги? Пусть клевещутъ язвительнѣй,—
Я пощады у нихъ не прошу:
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!

Жизнь этихъ людей была драмой, ихъ мысль и творчество - трагедіей. Мы видѣли драму Герцена. Перейдемъ къ его трагедіи.

XI.

Первый періодъ литературной дѣятельности Герцена.—Индивидуалистическая точка зрѣнія. — Страданія личности и защита ея правъ. — Главныя мысли статьи „По поводу одной драмы": личное и общее. — „Сорока-воровка", „Докторъ Круповъ" и „Кто виноватъ?" — Типъ Бельтова и его значеніе. — Идеи реализма и защита научнаго метода въ статьѣ „Дилеттантизмъ въ наукѣ" и въ другихъ статьяхъ этого періода.

Литературная дѣятельность Герцена не только продуктъ великаго и искренняго ума, жадно ищущаго истины, но и памятникъ умственной жизни эпохи, когда мысль русской интеллигенціи, захваченная „роковыми вопросами", искала отвѣта не въ дефектахъ общественнаго строя, а во внутреннемъ мірѣ отдѣльной личности. Исторія литературной дѣятельности Герцена—это исторія перехода отъ индивидуализма къ соціальному идеалу. Эти „роковые вопросы" въ общечеловѣческой, почти абстрактной формѣ, безъ опредѣленныхъ очертаній, безъ прямого отношенія къ русской дѣйствительности, въ формѣ скорѣе моральныхъ, чѣмъ соціальныхъ или научныхъ проблемъ, волновали умы мыслящей части русскаго общества:

Отчего подъ ношей крестной
Изнываетъ вѣчно правый?
Отчего вездѣ богатый
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной?..

Это тѣ вопросы, которые смутили покой стараго барства, когда постепенно мѣняющіяся условія хозяйственной жизни начали приводить къ банкротству старый укладъ помѣщичьей жизни, заставили прислу-

шаться къ воплямъ и стонамъ крѣпостного крестьянства, которое до сихъ поръ эксплуатировали съ спокойною совѣстью по привычкѣ и по традиціи. И на первыхъ порахъ пробудившаяся гуманная мысль у болѣе чуткихъ представителей барства металась въ разныя стороны, не находя пути, который указывала исторія. Дѣла не могло еще быть, и силы растрачивались на мучительную теоретическую работу, на споры и рѣчи. Въ своихъ стихотвореніяхъ, полныхъ тоски и благородныхъ стремленій, Некрасовъ отразилъ этотъ психологическій моментъ въ исторіи русскаго общества, состоявшаго тогда изъ Агариныхъ, Рудиныхъ и Бельтовыхъ:

Словно брала ихъ чужая кручина,
Все разсуждали: какая причина—
Вотъ ужъ который теперича вѣкъ
Бѣденъ, несчастливъ и золъ человѣкъ!

Первый наиболѣе плодотворный періодъ литературной дѣятельности Герцена, начавшійся по возвращеніи изъ ссылки и длившійся до 1847 года, отмѣченъ произведеніями, въ которыхъ ярко отразилось это настроеніе русскаго общества въ 40-хъ годахъ. Мы остановимся на главныхъ произведеніяхъ этого періода. Его общая точка зрѣнія, его основное настроеніе, которое цѣликомъ заключалось въ идеѣ личности, опредѣляется въ строкахъ, написанныхъ въ 1846 году („Капризы и раздумье", т. VIII женевскаго изданія). Личность для него выше идеи, субъективное пристрастіе выше объективной справедливости. Пристрастіе лежитъ въ основѣ всего лучшаго, идея въ основѣ всего безличнаго и отвлеченнаго. „Предпочтеніе, которое мать оказываетъ своему ребенку, есть вопіющее пристрастіе; мать, которая была бы только справедлива къ дѣтямъ, могла бы служить образцомъ сухого и бездушнаго существа. Семейная любовь—такое же пристрастіе, не выдерживающее критики, какъ любовь къ отечеству". Герценъ

привѣтствуетъ слова Мизангропа, заявившаго: „L'ami du genre humain ne peut pas être le mien“, толкуя ихъ въ томъ смыслѣ, что тотъ, кто другъ всѣмъ, не можетъ быть моимъ другомъ. Онъ возстаетъ противъ афоризмовъ: „Идеи—все, человѣкъ—ничего“, „всеобщему надобно жертвовать частнымъ“. Онъ приводитъ въ примѣръ нѣмцевъ, которые такъ любятъ теоріи, а на практикѣ жертвуютъ „всѣмъ міромъ и всѣми идеями въ пользу тихой семейной жизни съ подругою дней и ночей, которая останется вѣрна мужу лѣтъ сорокъ при жизни да лѣтъ двадцать послѣ его смерти“. Любить въ человѣкѣ только идею значитъ любить эту идею, а не самого человѣка.

Это общее настроеніе Герцена, это предпочтеніе, оказываемое личности передъ цѣлымъ, развивается въ цѣльную обоснованную теорію въ наиболѣе характерномъ для упомянутаго періода произведеніи Герцена, въ статьѣ „По поводу одной драмы“, написанной въ 1842 году.

Пьеса, которую видѣлъ Герценъ въ театрѣ, послужила поводомъ для обоснованія его воззрѣній. Сюжетъ пьесы—излюбленный сюжетъ жоржъ-сандовскихъ романовъ: семейный конфликтъ.—20-лѣтній юноша Эмиль полюбилъ 28-лѣтнюю дѣвицу Генріетту, на которой и женился. Послѣдствія этого неравнаго брака не трудно было предвидѣть. Черезъ пять лѣтъ онъ не любитъ больше Генріетты и уже страстно влюбленъ въ живущую у нихъ въ домѣ Полину. Далѣе рядъ жертвъ, которыя приносятъ эти трое несчастныхъ людей другъ другу. Полина съ согласія Эмиля, въ которомъ побѣдило чувство долга, удаляется изъ его дома. Генріетта, видя страданія своего мужа, исчезаетъ и симуллируетъ смерть. Тогда Эмиль отыскиваетъ Полину и женится на ней. Случай сталкиваетъ его съ Генріеттой. „Она бросается къ нему; но онъ, окаменѣлый, полумертвый, потерянный, отвѣчаетъ на ея порывъ новостью о сво-

емъ бракѣ". Слабая Генріетта не вынесла удара. Она умираетъ, прощая его и завѣщая беречь Полину. И двоеженецъ, поверженный въ прахъ, остается съ страшными угрызеніями совѣсти. „Всѣ люди въ этой драмѣ,—заключаетъ Герценъ,—люди добрые, обыкновенные, даже честные и исполняющіе свой долгъ; а между тѣмъ одинъ изъ нихъ казненъ смертью, а двое другихъ—участіемъ въ этой казни".

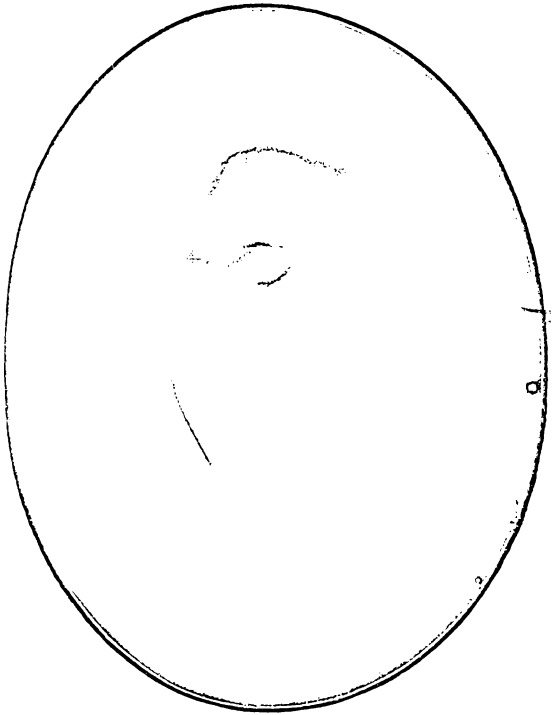
Главныя мысли статьи, поводомъ къ которой послужила упомянутая пьеса,—это кругъ тѣхъ идей, среди которыхъ вращалась мысль тогдашней интеллигенціи. Современную эпоху Герценъ называетъ промежуточной эпохой. Поколѣніе, современное ему, утратило цѣльность, которая составляла главный признакъ міровоззрѣнія отцовъ. Въ старину не думали, не критиковали, „жили по-писанному". Новый „сварливый, ко всему привязывающійся" вѣкъ разрушилъ традицію и сжегъ все огнемъ критики. Стало просторно, но просторъ даромъ не достается. „Мы узнали, что вся отвѣтственность, падавшая внѣ ихъ, падаетъ на насъ; самимъ пришлось смотрѣть за всѣми и занять мѣста привидѣній, которыя стали злѣе грызть совѣсть. Сдѣлалось тоскливо и страшно... Въ событіяхъ жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ насъ преслѣдуютъ неразрѣшимые вопросы и, вмѣсто того чтобы наслаждаться жизнью, мы мучаемся". Такова главная черта мыслящаго общества 40-хъ годовъ. Оно не можетъ жить по старинѣ, оно задумалось, внесло критику въ жизнь вмѣсто традиціи, не можетъ непосредственно наслаждаться жизнью, превратилось въ поколѣніе Гамлетовъ, Рудиныхъ и „рыцарей на часъ", много говорящихъ и мыслящихъ, но неспособныхъ къ дѣлу. Это тѣ люди, въ которыхъ пробудились „мечты и волшебная власть возвышающей душу природы, пламя юности, мужество, страсть и великое чувство свободы", но которые не сразу нашли примѣненіе этимъ новымъ чувствамъ.

Какъ же рѣшаетъ Герценъ „роковые вопросы“, какъ относится онъ къ разыгравшейся передъ нимъ драмѣ, къ неумирающему вопросу о вѣчныхъ страданіяхъ личности? Прежде всего онъ высказываетъ свою любимую мысль, что частное и личное не должно быть принесено въ жертву общему. Сухой формализмъ легко нашелъ бы виновнаго въ разыгравшейся драмѣ. Онъ осудилъ бы тѣхъ, кто не до конца исполнилъ свой долгъ и не сумѣлъ заглушить личнаго чувства во имя идеи брака. Но не таково,—говоритъ Герценъ,—христіанское ученіе о бракѣ, до котораго не можетъ возвыситься сухой формализмъ. Правда, послѣдній „допускаетъ, что *основаніе* браку есть любовь; это его естественнаая непосредственность; но послѣ вѣнчанія любовь не нужна,—вы перешли границу естественныхъ влеченій, въ сферу нравственности, гдѣ уже нѣтъ ни плача, ни воздыханій, никакой страстности, а есть скука и тупое исполненіе долга, котораго смыслъ утратился и котораго внутренняя Психея отлетѣла. Сознаніе, что я жертвую всею сердечной стороной бытія для нравственной идеи брака,—вотъ награда. Словомъ, бракъ для брака. Самое высшее развитіе такого брака будетъ, когда мужъ и жена другъ друга терпѣть не могутъ и исполняютъ ex officio супружескія обязанности“. Въ этихъ словахъ скрыты могучая апологія правъ личности и протестъ противъ принциповъ и абсолютныхъ началъ, которымъ должны приноситься въ жертву ея страсти и желанія: „Сердце знаетъ, что наслажденіе есть также право всего живущаго, ищетъ его и манитъ имъ; за что оно имъ пожертвуетъ,—формализму до этого нѣтъ дѣла“. Таковъ первый выводъ, къ которому пришелъ Герценъ по поводу пьесы: въ ней нѣтъ виновныхъ, каждый изъ ея героевъ имѣлъ право любить, ревновать, желать счастья. Какъ же объяснить причину ихъ страданій? За что казнена одна невинная смертью, а двое другихъ—участіемъ въ этой

казни? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ раскрывается положительная сторона міросозерцанія Герцена, чувствуется его признаніе, что отъ личнаго рано или поздно неизбѣжно придется перебросить мостъ къ общему, отъ индивидуальнаго перейти къ соціальному. Герои драмы были виновны, не въ томъ, что обладали страстями и жаждали счастья и наслажденія: „закулисная вина несчастія этихъ людей—тѣснота и неестественная для человѣка жизнь въ праздности, преступное отчужденіе отъ интересовъ всеобщихъ, преступный холодъ ко всему человѣческому внѣ ихъ тѣснаго круга, исключительное занятіе собою, взаимное обоготвореніе“. Личныя страсти и счастье не въ жертву должны быть принесены общему; напротивъ, поднимаясь до этого общаго, человѣкъ придаетъ больше красоты, силы и прочности личному счастью. Поднимаясь въ сферу всеобщаго, страстность не утрачивается, но преображается, теряя свою дикую, судорожную сторону; предметъ ея выше, святѣе; по мѣрѣ расширенія интересовъ уменьшается сосредоточенность около своей личности, а съ нею ядовитая жгучесть страстей. Поэтому, если бы *человѣчность* героевъ драмы „не ограничилась первой ступенью, т.-е. семейною жизнью,—катастрофы этой, конечно, не было“. Если бы Эмиль кромѣ личныхъ привязанностей былъ бы захваченъ любовью къ родинѣ, искусству, наукѣ, то „остался ли бы онъ сложа руки, въ ничтожной праздности, разжигая бездѣйствіемъ страсти, истощая силы души на противодѣйствіе несчастной любви“? Тогда любовь могла бы быть лишь случайной гостьей, она не нарушила бы его мира съ женой, потому что „онъ былъ бы сильнѣе всего той стороной бытія, которой онъ не развилъ“. А ихъ жизнь была „бѣдная жизнь въ сферѣ частной любви, выхода не имѣла и при неудачѣ лопнула“. Тотъ, кто основалъ все свое благо на семейной жизни, строитъ домъ на пескѣ. Такимъ образомъ, даже

указывая на огромное значеніе общественныхъ интересовъ, провозглашая ихъ первенствующую роль въ человѣческой жизни, Герценъ стоитъ на индивидуалистической точкѣ зрѣнія, мотивируя эту роль прежде всего воспитательнымъ значеніемъ общественныхъ и всякихъ общихъ интересовъ, ихъ дѣйствіемъ въ качествѣ факторовъ, упрочивающихъ и расширяющихъ личное счастье человѣка. Соціальная проблема сама по себѣ чужда ему. Общее не есть самодовлѣющая цѣль, оно — психологическій факторъ. Проникнуться стремленіемъ къ общему человѣкъ долженъ ради самого себя, ради своего счастья, такъ какъ подобное стремленіе упрочиваетъ это счастье. Въ своей статьѣ Герценъ является моралистомъ и психологомъ, но не соціологомъ. Онъ говоритъ о томъ, что свободному духу невыносимо сознаніе своей зависимости отъ случайности. Это сознаніе настолько оскорбительно для человѣка, что онъ придумываетъ грозную судьбу и покоряется ей, хочетъ, чтобы бѣдствія, его постигающія, были предопредѣлены, т.-е. стояли бы въ связи съ всемірнымъ порядкомъ. И вотъ, чтобы избавиться отъ этой оскорбительной власти случайностей, получить силу переносить ихъ удары, необходимо „подниматься и развиваться въ сферу разумную и вѣчную всеобщаго“. Такимъ образомъ, Герценъ неясно предчувствуетъ, что страданіе и счастье личности находятся въ зависимости не отъ случайности, а отъ „всеобщаго“. Но онъ не переноситъ центра вниманія на это „всеобщее“, не изучаетъ законовъ его жизни. Въ переустройствѣ общественныхъ отношеній онъ не видитъ главнаго пути къ счастью отдѣльной личности.

Мысли, высказанныя въ статьѣ „По поводу одной драмы“, легли въ основу его беллетристическихъ произведеній: „Сорока-воровка“, „Докторъ Круповъ“ и „Кто виноватъ?“ Правда, въ нихъ широко захвачены общественные вопросы, крѣпостное право развертыи-



А. И. Герценъ

вается во всѣхъ своихъ темныхъ, мрачныхъ краскахъ. Но центръ—личность, ея страсти и чувства. Герценъ погружается во внутренній міръ героевъ. Онъ слѣдитъ, главнымъ образомъ, за ихъ личной жизнью и мало интересуется ими съ той стороны, съ которой онъ могъ бы освѣтить главный общественный вопросъ эпохи, именно съ точки зрѣнія ихъ отношеній къ крестьянамъ. Сердечная жизнь Бельтова, героя романа „Кто виноватъ?", его вкусы и скука больше занимаютъ Герцена, чѣмъ взаимоотношеніе помѣщичьяго и крестьянскаго классовъ. Онъ изображаетъ горе и слезы людскія, но за этими картинами чувствуется моралистъ и психологъ, а не соціологъ, разглядывающій въ частныхъ страданіяхъ отраженіе соціальныхъ непорядковъ. Любовь и семейные конфликты, утонченная внутренняя жизнь остаются главными темами его произведеній въ теченіе 40-хъ годовъ.

Въ „Сорокѣ-воровкѣ" разсказана трогательная повѣсть крѣпостной артистки Анеты, игравшей въ театрѣ князя Скалинскаго, богатаго мецената, страстнаго любителя искусства, человѣка съ огромнымъ вкусомъ, сумѣвшаго создать хорошую труппу изъ своихъ дворовыхъ людей. Анета была великая артистка. Когда она играла въ „Сорокѣ-воровкѣ", она потрясла до глубины души присутствовавшаго въ театрѣ артиста звуками своего голоса. „Откуда взялись такіе звуки въ этой юной груди; они не выдумываются, не пріобрѣтаются изъ сольфеджей, а бываютъ выстраданы, приходятъ наградой за страшные опыты". По прихоти своего владѣльца, эта дѣвушка, которую судьба обрекла быть рабой, попала въ міръ сценической иллюзіи и почуяла въ себѣ божественную искру вдохновенія, ее выучили по-французски, возили въ Италію и Парижъ, она видѣла Тальму и Марсъ. Но вотъ она попадаетъ къ новому владѣльцу—князю Скалинскому. Меценатъ смотрѣлъ на нее не только какъ на артистку, и когда

встрѣтилъ отпоръ со стороны дѣвушки, старый селадонъ, не привыкшій къ отказамъ, считавшій свою благосклонность счастьемъ для тѣхъ, кого онъ удостаивалъ ею, возненавидѣлъ Анету. Начался рядъ мелкихъ жестокихъ преслѣдованій и издѣвательствъ, начиная съ того, что ей давались неподходящія или мелкія роли, обращались на „ты", и кончая публичными оскорбленіями, обвиненіями въ развратѣ. „Онъ не такъ могъ бы поступить со мною,—разсказываетъ дѣвушка артисту, — онъ поделикатился, онъ меня уважилъ гоненіями, въ то время какъ онъ могъ наказать меня розгами". Несчастная не вынесла этой жизни. Почти на-зло князю полюбила она. Этотъ романъ не оставилъ ей „тѣхъ кроткихъ сладкихъ воспоминаній счастья, упоеній, какъ у другихъ: въ немъ все лихорадочно, безумно, въ немъ не любовь, а отчаяніе, безвыходность". Черезъ два мѣсяца послѣ родовъ она умерла. Артистъ заканчиваетъ ея печальную повѣсть слѣдующими словами: „Бѣдная артистка!—думалъ я:—что за безумный, что за преступный человѣкъ сунулъ тебя на это поприще, не подумавъ о судьбѣ твоей? Зачѣмъ разбудили тебя? Затѣмъ только, чтобы сообщить вѣсть страшную, подавляющую? Спала бы душа твоя въ независимости, и великій талантъ, не извѣстный тебѣ самой, не мучилъ бы тебя; можетъ-быть, подчасъ и поднималась бы со дна души твоей непонятная грусть, зато она оставалась бы непонятной". Повѣсть кончается бѣгствомъ артиста изъ богатыхъ чертоговъ князя, который ухаживалъ за своимъ гостемъ и стремился удержать на своей сценѣ профессіональнаго даровитаго артиста, предлагая ему хорошія условія. „Климатъ здѣшній нездоровъ для художника", говоритъ онъ своему товарищу, и бѣжитъ въ свой старый театръ, „съ его декораціями, въ которыхъ мудрено отличить тѣнистую аллею отъ рѣки, въ которомъ море спокойно, а стѣны волнуются". Когда товарищъ напоминаетъ

ему, что тамъ нетрудно умереть съ голоду, онъ восклицаетъ: „А здѣсь отъ сытости. Голодъ можно вылѣчить кускомъ хлѣба... Болѣзни отъ сытости не такъ легко лѣчатся“.

Кто не помнитъ разсказа Счастливцева въ „Лѣсѣ“ Островскаго, — разсказа о томъ, какъ изголодавшійся артистъ попалъ къ зажиточному родственнику, гдѣ чинно текла жизнь, гдѣ его встрѣтили привѣтливо, гдѣ онъ обогрѣлся, „поправился и толстѣть уже сталъ“. Да вдругъ какъ-то за обѣдомъ пришла ему мысль въ голову: не удавиться ли мнѣ? „Я, знаете ли, тряхнулъ головой, чтобы она вышла; погодя немного опять эта мысль, вечеромъ опять. Нѣтъ, вижу, дѣло плохо, да ночью и бѣжалъ изъ окопка“. Есть что-то чуждое и враждебное свободному духу въ общепринятомъ строѣ жизни. „Свобода, Санчо,—говорилъ Донъ-Кихотъ своему оруженосцу, покидая раззолоченныя палаты герцога,—есть одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ неба людямъ... Среди этихъ изысканныхъ блюдъ и замороженныхъ напитковъ мнѣ казалось, что я страдаю отъ голода, потому что я не могъ ими пользоваться съ той свободою, какъ если бы они принадлежали мнѣ... Счастливъ тотъ, кому Небо даетъ кусокъ хлѣба, за который онъ долженъ благодарить только Небо и никого другого“. Та же идея непримиримости между истинной свободой человѣка, съ одной стороны, и мѣщанскими требованіями — съ другой, положена въ основу „Сорокиворовки“. Въ заключеніе своей повѣсти Герценъ приводитъ резюме славянофила, слушавшаго разсказъ артиста объ Анетѣ: „Все-таки... зачѣмъ она не обвѣнчалась тайно?“ Больше, чѣмъ желаніе посмѣяться надъ православными крайностями славянофильства, скрыто въ этомъ замѣчаніи. Оно еще ярче должно выставить непримиримый конфликтъ между индивидуальной свободой и предубѣжденіями. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, на чьей сторонѣ симпатіи автора. Міръ ин-

дивидуальной жизни блещетъ разнообразными красками, представляетъ собою богатую сложную гамму тонкихъ, полныхъ внутренней красоты ощущеній, представляетъ самодовлѣющую цѣль, оправдывающую царственную роль человѣка. И въ видѣ контраста съ этимъ прекраснымъ міромъ все, чѣмъ общество опутало жизнь человѣка, представляется банальнымъ, трафаретнымъ кодексомъ, который поддерживается стадными инстинктами ординарностей, боящихся выйти за предѣлы традиціи. Все выдающееся гибнетъ въ этомъ мѣщанскомъ мірѣ, гдѣ всѣ живутъ не во имя своихъ естественныхъ чувствъ и стремленій, а ради какихъ-то предписаній, принесенныхъ откуда-то со стороны, установленныхъ чужой внѣшней силой.

Если въ „Сорокѣ-воровкѣ" Герценъ является апологетомъ личности, ея страстей и правъ ея сердца, то въ „Докторѣ Круповѣ" передъ нами крайній индивидуалистъ, приближающійся къ идеямъ Штирнера и Ницше, почти предшественникъ современной намъ поэзіи безумія, возставшей противъ мѣщанства, его логическо-правильнаго мышленія и его трафаретной морали во имя безумія и опьянѣнія. Ненависть къ мѣщанству и установленному имъ строю жизни приводитъ къ отрицанію всѣхъ его цѣнностей и къ культу того, что нарушаетъ этотъ строй. Теоретическія требованія мѣщанства заключаются въ правильномъ, логическомъ пониманіи жизни, въ общеобязательномъ методѣ мышленія, которое не признаетъ ничего ирраціональнаго, объявляетъ безуміемъ и караетъ всякое изъ ряду вонъ выходящее своеобразное воззрѣніе. И современные противники мѣщанства возводятъ въ идеалъ противоположную крайность,—провозглашаютъ культъ безумія, какъ высшаго отрицанія мѣщанской правильности мышленія. Практическія требованія мѣщанства сводятся къ однородному общепринятому порядку жизни, къ трезвости и традиціонной морали,

къ соблюденію установленныхъ формъ въ проявленіи сердечныхъ чувствъ, къ освященію любви бракомъ. И какъ противоположная крайность, возводятся въ культъ опьянѣніе и полная свобода чувства. Докторъ Круповъ взялъ на себя задачу показать несостоятельность мѣщанства, приведя его точно въ гегелевской тріадѣ къ его противоположности. Онъ составилъ интересныя записки, въ которыхъ доказываетъ, что безуміе является истиннымъ названіемъ для мѣщанскаго благоразумія. Уже въ дѣтствѣ онъ былъ пораженъ судьбой своего злополучнаго товарища Левки, котораго тщетно старались научить грамотѣ и, наконецъ, оставили въ покоѣ, признавъ его идіотомъ. Съ тѣхъ поръ Левкой больше не интересовались. Несчастный одинокій мальчикъ полюбилъ Крупова, и въ судьбѣ этого ребенка Круповъ впервые постигъ ужасъ мѣщанства и красоту своеобразной индивидуальности. Въ немъ зародились антисоціальныя чувства. Чѣмъ,—думалъ Круповъ,—Левка хуже другихъ? Онъ не приноситъ никакой пользы, ну, а пятьдесятъ поколѣній, которыя жили только для того на этомъ клочкѣ земли, чтобы ихъ дѣти не умерли съ голоду сегодня и чтобы никто не зналъ, зачѣмъ они жили, и для чего жили, гдѣ же польза ихъ существованія? Наслажденіе жизнью—но они ею никогда не наслаждались, по крайней мѣрѣ гораздо меньше Левки. Дѣти? Дѣти могутъ быть и у Левки, это дѣло нехитрое. Зачѣмъ Левка не работаетъ? Что за бѣда; онъ ни у кого ничего не проситъ, кое-какъ сытъ. Работа не наслажденіе, кто можетъ обойтись безъ работы, тотъ не работаетъ, всѣ остальные на селѣ работаютъ безъ всякой пользы, работаютъ цѣлый день, чтобы съѣсть кусокъ черстваго хлѣба, а хлѣбъ ѣдятъ для того, чтобы завтра работать, въ твердой увѣренности, что все выработанное принадлежитъ не имъ. Эти мысли Крупова чрезвычайно характерны. Въ нихъ заключается про-

тестъ противъ соціальнаго принципа, противъ идеи труда на пользу общую, въ виду того примѣненія, которое нашелъ и трудъ и общественная дѣятельность въ мѣщанскомъ міровоззрѣніи и въ крѣпостническомъ строѣ жизни. Круповъ указываетъ на жизнь помѣщика, который ничего не дѣлаетъ, а пользы получаетъ больше всѣхъ, и жизнь котораго болѣе пуста, чѣмъ жизнь Левки. Итакъ, язвы существующаго общественнаго строя привели доктора Крупова не къ мысли о борьбѣ съ этими язвами, ни къ идеѣ общественнаго переустройства, а къ отрицанію самыхъ общественныхъ началъ, къ апологіи безраздуманнаго индивидуальнаго существованія. Если крѣпостное право создаетъ трутней, праздныхъ людей, не думающихъ о своемъ общественномъ долгѣ, то отсюда слѣдуетъ, что не крѣпостное право нужно отмѣнить, а просто относиться безъ порицанія къ тѣмъ, кто не желаетъ работать на пользу общую и, по крайней мѣрѣ, открыто слѣдуетъ своимъ индивидуальнымъ влеченіямъ. „Левка никогда дома не живетъ, не исполняетъ ни гражданскихъ, ни семейныхъ обязанностей сына, брата. Ну, а тѣ, которые дома живутъ, развѣ исполняютъ?“ Изъ общественнаго неустройства для Крупова нѣтъ другого выхода, какъ въ міръ индивидуальной жизни: Левка „вжился въ природу“, онъ понимаетъ ея красоты по-своему, а для другихъ жизнь есть „пошлый обрядъ, тупое одно и то же, ни къ чему не ведущее“. И Круповъ приходитъ къ выводу, что причина всѣхъ гоненій на Левку состоитъ въ томъ, что „Левка глупъ на свой особенный салтыкъ, а другіе повально глупы“. По Крупову, какъ будто выходитъ, что единственнымъ спасеніемъ отъ „повальной глупости“ является „глупость на свой особенный салтыкъ“.

Впослѣдствіи, сдѣлавшись докторомъ по душевнымъ болѣзнямъ, Круповъ убѣдился еще болѣе въ справедливости мысли, поразившей его во время раз-

мышленій надъ судьбой Левки. Онъ убѣдился, что „офиціальные, патентованные сумасшедшіе въ сущности и не глупѣе и не поврежденнѣе всѣхъ остальныхъ, но только самобытнѣе, сосредоточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе, даже можно сказать геніальнѣе тѣхъ“. Раздражительная злоба безумныхъ является результатомъ того, что окружающіе жестоко отрицаютъ ихъ любимую идею. „Все несчастіе явно безумныхъ—ихъ гордая самобытность и упрямая неуступчивость, за которую повально поврежденные со всей злобой слабыхъ характеровъ запираютъ ихъ въ клѣти, поливаютъ холодной водой и пр.“. И Круповъ всюду наблюдаетъ этихъ „повально-поврежденныхъ“. Къ нему, какъ къ доктору, является жена съ горькими жалобами отчаянія на ненавистнаго мужа и этотъ мужъ съ проклятіями по адресу своей жены. Онъ даетъ единственный совѣтъ, диктуемый здравымъ разсудкомъ: „Зачѣмъ вамъ этотъ адъ совмѣстной жизни, вѣдь вы богаты, что васъ держитъ другъ возлѣ друга, разъ вы не любите одинъ другого“. Въ отвѣтъ онъ слышитъ: „За кого вы меня считаете, я родился въ благочестивой дворянской семьѣ“... Чиновники канцеляріи поражаютъ Крупова сходствомъ съ его больными. Онъ убѣдился, что чиновничество есть особое специфическое пораженіе мозга, и ему даже стали противны журнальныя нападки на чиновниковъ, такъ какъ смѣяться надъ больными жестоко. Вліяніе эпидеміи было до того сильно въ канцеляріи, что поступающіе туда здоровые люди чувствовали тоску по безумію и „излѣчивались отъ умственныхъ способностей спиртными напитками“. *Докторъ Круповъ*—жестокая сатира на тотъ строй жизни, который создало офиціальное мѣщанство. Въ этомъ произведеніи слышится вопль умственно-аристократической личности о свободѣ, о вызвышенной своеобразной жизни, о всестороннемъ самоопредѣленіи индивидуальности, точно

такъ же, какъ звучитъ этотъ вопль въ печальной повѣсти о погибшей артисткѣ. Крѣпостное право и хранитель этого института, офиціальное мѣщанство, образуютъ только фонъ, на которомъ разыгрываются душевныя драмы. Нигдѣ авторъ не противопоставляетъ имъ другого общественнаго строя, при которомъ не могло бы быть этого гнетущаго униженія человѣческой личности, грубаго оскорбленія тонко чувствующей натуры.

Лучшимъ произведеніемъ этого періода былъ романъ „Кто виноватъ?“ Въ самомъ заглавіи его отразилось основное настроеніе идеалистовъ 40-хъ годовъ. „Роковые вопросы“, вопросы о причинахъ человѣческихъ страданій, вопросы объ его виновникахъ, стояли передъ ними. Миръ традиціоннаго существованія былъ нарушенъ, исчезали постепенно патріархальныя идилліи стараго барства, жившаго по старинѣ, свыкшагося съ мыслью о своемъ правѣ на угнетеніе человѣческой личности. Роковые вопросы встали во всемъ своемъ грозномъ значеніи и требовали отвѣта. И люди 40-хъ годовъ поставили ихъ, но не могли дать отвѣта. Въ романѣ Герцена больше безсилія и тайной тоски, чѣмъ спокойной увѣренности въ томъ, куда итти. Въ этомъ романѣ много сарказма, когда изображается жизнь „ихъ превосходительствъ“, когда развертываются картины разврата, описываются проявленія жестокаго и наивнаго эгоизма,— словомъ, все то, что, какъ грязная накипь, всплывало на поверхность крѣпостническаго быта. Но много грусти и нѣжной безсильной любви слышится при изображеніи Круциферскихъ и Крупова, при разсказѣ о скитаніяхъ Бельтова. Кто виноватъ въ той драмѣ, которая разыгралась между этими благородными характерами? Чистый мечтательный юноша, со студенческой скамьи, Круциферскій попадаетъ въ домъ генерала Негрова. Въ этомъ домѣ одно существо возвышается надъ общимъ уровнемъ,—это Любанька,

плодъ добрачнаго увлеченія его превосходительства, его дочь отъ приглянувшейся ему крѣпостной дѣвки. Ея превосходительство простила мужу его „грѣхъ“ и взяла Любаньку въ барскій домъ. Тяжело приходилось бѣдной дѣвушкѣ отъ доброты ихъ превосходительствъ. Въ качествѣ благодѣтельницы, Негрова не находила нужнымъ быть деликатной, не избѣгала оскорбительныхъ намековъ на происхожденіе Любаньки. Глубокая и тонкая натура, Любанька тяжело страдала отъ грубаго прикосновенія къ ея ранѣ. Круциферскій влюбился и женится на Любанькѣ къ тайному удовольствію Негрова, не знавшаго, куда сбыть Любаньку, и къ большому неудовольствію генеральши, которая сама заглядывалась на интереснаго и робкаго юношу. Круциферскій женился, несмотря на предостереженіе своего опытнаго друга доктора Крупова: „Не пара тебѣ твоя невѣста, ужь что ты хочешь — эти глаза, этотъ цвѣтъ лица, этотъ трепетъ, который иногда пробѣгаетъ по ея лицу — она тигренокъ, который еще не знаетъ своей силы; а ты — да что ты? Ты — невѣста, ты, братецъ, нѣмка, ты будешь жена — ну, годно ли это?“ Слова Крупова оказались пророческими, и сущность романа заключается въ непримиримомъ конфликтѣ страстей и чувствъ, который возникъ съ появленіемъ на сцену Бельтова. Бельтовъ — одинъ изъ тѣхъ героевъ, вереница которыхъ проходитъ чрезъ русскую литературу, начиная съ Онѣгина и Печорина. Далѣе мы остановимся подробнѣе на этой фигурѣ. Бельтовъ явился для того, чтобы разбудить Круциферскую. Съ его появленіемъ поняла она, что ея любовь къ мужу не была истинной любовью. И три героя стали лицомъ другъ къ другу со своими благородными чувствами, колеблющіеся между долгомъ и природой. Столкновеніе этихъ трехъ натуръ составляетъ главный предметъ романа, и Герценъ производитъ тщательный анализъ созданнаго имъ положенія. Неизбѣжность кон-

фликта и связанныхъ съ нимъ страданій лежала въ самой природѣ героевъ. Круциферскій—нѣжная и любящая натура, натура женская и податливая: „Онъ имѣлъ столько простосердечія и чистоты, что его нельзя было не полюбить, хотя чистота его и сбивалась на неопытность, на невѣдѣніе ребенка“. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ была та же кротость, что и на лицѣ, то же спокойствіе, та же искренность и та же робкая задумчивость. „Нужно ли говорить, какъ такой человѣкъ долженъ былъ любить свою жену? Любовь его росла, тѣмъ болѣе, что ничего не развлекало его; онъ не могъ двухъ часовъ провести, не видавши темно-голубыхъ глазъ своей жены, онъ трепеталъ, когда она выходила со двора и не возвращалась въ назначенный часъ; словомъ, ясно было, что всѣ корни его бытія были въ ней“. Иной характеръ имѣла любовь Бельтова къ Круфицерской. Сильной натурѣ,—говоритъ авторъ, „не занятой ничѣмъ особенно“, почти невозможно защититься отъ вліянія энергичной женщины. Пылкій отъ природы, „увлекающійся отъ непривычки къ самообузданію“, Бельтовъ не разъ отдавался во власть какой-нибудь хорошенькой кокетки, не разъ до безумія влюблялся въ танцовщицу или примадонну. Въ началѣ знакомства онъ пытался и въ отношенія къ Круциферской внести пріемы привычнаго кокетства, но она была такъ естественна и проста, что у Бельтова вскорѣ прошла охота интриговать ее. Онъ полюбилъ ее, потому что она „поняла его грусть, поняла ту острую закваску, которая бродила въ немъ и мучила его“; поняв ши, она не могла больше смотрѣть на него безъ участія, безъ симпатіи, а глядя на него такъ, она все болѣе и болѣе узнавала его, съ каждымъ днемъ раскрывались для нея новыя и новыя стороны этого человѣка, „обреченнаго уморить въ себѣ страшное богатство силъ и страшную ширь пониманія“. Бельтовъ сразу оцѣнилъ разницу между „добросо-

вѣстно-нравоучительнымъ участіемъ“ Крупова, „романтическимъ сочувствіемъ“ Круциферскаго и „тѣмъ вѣрнымъ тактомъ“, который онъ видѣлъ въ ней. Она стала для него необходимостью. Онъ чувствовалъ, что она одна можетъ спасти его. Что же переживала Круциферская, ставшая столь дорогой и необходимой этимъ обоимъ людямъ? Она любитъ своего мужа, относящагося къ ней съ такой беззавѣтной трогательной нѣжностью: „Я люблю его, мнѣ было бы невозможно не любить его,—пишетъ она въ своемъ дневникѣ. — Надо имѣть каменное сердце, чтобы не любить такого человѣка... Я не боюсь признаться, что и Бельтова люблю, это такой сильный человѣкъ, что я не могу не любить его, это человѣкъ, призванный на великое, необыкновенный человѣкъ; изъ его глазъ свѣтится геній“. Она думаетъ, что ему нужна „любовь иная“, что „нѣжная дружба женщины“ могла бы облегчить его страданія. Нѣтъ надобности прибавлять, что Круциферскій скоро догадался о чувствахъ своей жены, и, измученный борьбой между чувствомъ ревнивой злобы и благородной жаждой жертвы, онъ „изнемогъ, палъ подъ бременемъ такой ноши“, впервые въ жизни напился у товарища, вступивъ на наклонный путь. Бельтовъ, повинуясь чувству долга, покинулъ городъ, разбитый, съ тупымъ равнодушіемъ ко всему въ мірѣ, и отправился снова скитаться. А Круциферская, съ разбитымъ сердцемъ, тоже повинуясь долгу, осталась жить при мужѣ, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Бельтовъ былъ правъ, когда передъ отъѣздомъ сказалъ Крупову, что эта жертва не спасетъ Круциферскую. „Кто виноватъ?“—Этотъ вопросъ авторъ предоставляетъ рѣшить читателю, стараясь самъ остаться въ тѣни, въ роли объективнаго разсказчика событій. Но его собственный голосъ нетрудно услышать въ страстныхъ словахъ Бельтова. Если любовь мужа дала ему такія права, отчего же „любовь другого, искрен-

няя, глубокая, не имѣетъ никакихъ правъ?“ Онъ знаетъ, что въ ея сердцѣ пробудилось отвѣтное чувство. Онъ проситъ, чтобы она хоть разъ въ жизни была откровенной, „сошла поглубже въ свою душу и посмотрѣла, что тамъ дѣлается“. Быть откровеннымъ это значитъ сбросить предубѣжденія и традиціи, наслоившіяся надъ человѣкомъ вѣками, отыскать самого себя, противопоставить голосъ природы общественнымъ требованіямъ. Герценъ не рѣшаетъ вопроса „кто виноватъ?“, но идея освобожденія человѣческой личности—главный мотивъ этого романа. „Герой всѣхъ романовъ Искандера (Герцена),—говоритъ Бѣлинскій, - всегда былъ и будетъ одинъ и тотъ же: это человѣкъ, понятіе общее, родовое, во всей обширности этого слова, во всей святости его значенія. Искандеръ по преимуществу поэтъ гуманности“. У него есть одна основная мысль, которая является какъ чувство, какъ страсть. „Это—страданіе, болѣзнь при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства, оскорбляемаго съ умысломъ и еще болѣе безъ умысла“. Таковъ смыслъ герценовскаго романа—правильно поставленный вопросъ объ освобожденіи человѣческой личности и безсиліе передъ этой проблемой.

Это безсиліе ярко воплотилось въ лицѣ главнаго героя романа. Бельтовъ — типъ той „умной ненужности“, о которой говорилъ Герценъ по поводу своего отца. Его исторія—это исторія Агариныхъ, Рудиныхъ, Лаврецкихъ, даже Обломовыхъ и безконечной вереницы дворянъ, тоскующихъ подобно ему и не находящихъ дѣла для примѣненія своихъ силъ. Характеризуя Бельтова, мы можемъ опредѣлить происхожденіе и главныя черты этихъ лишнихъ людей.

Воспитаніе Бельтова точно нарочно велось такимъ образомъ, чтобы Россія казалась ему какимъ-то невѣдомымъ, чуждымъ краемъ, который менѣе всего упоминался въ усвоенныхъ имъ знаніяхъ. Онъ развивался

подъ руководствомъ честнаго женевца, изучившаго всѣ педагогическіе трактаты отъ Эмиля и Песталоцци до Базедова и Николаи. Этотъ женевецъ отказался отъ предложенныхъ ему 4,000 р. жалованья, взявъ только 1,200 р., на томъ основаніи, что „собирать капиталъ—дѣло безчестное“. Вотъ кому ввѣрили воспитаніе будущаго владѣльца пустошей и угодій. Женевецъ зналъ всевозможные педагогическіе идеалы, кромѣ одного,—именно, что важнѣйшее дѣло воспитанія состоитъ въ приспособленіи молодого ума къ окружающему. Молодой отшельникъ росъ, изучая ботанику и біографіи великихъ людей. Были приняты всѣ мѣры, чтобы онъ не имѣлъ понятія о дѣйствительности. „Вмѣсто горькаго посвященія въ жизнь, ему передали блестящіе идеалы; вмѣсто того, чтобы вести на рынокъ и показать жадную нестройность толпы, мечущейся за деньгами, они привели его на прекрасный балетъ и увѣрили ребенка, что эта грація, что это музыкальное сочетаніе движеній съ звуками—обыкновенная жизнь“. Бельтовъ воспитался по рецепту женевца, Лаврецкаго воспитывали по Руссо, Рудинъ самъ научился мыслить по Гегелю, и они становились мечтателями, а не людьми дѣла, безсильные передъ русской дѣйствительностью. Университетъ дополнилъ эту систему. Товарищи Бельтова усвоивали западную философію и „чертили себѣ колоссальные планы“, не подозрѣвая, что одинъ изъ нихъ кончитъ преферансомъ и должностью начальника отдѣленія, другой пьянствомъ въ провинціальной глуши, и т. д.

Что же получилось изъ этого воспитанія? Набросать портретъ Бельтова и его сверстниковъ нетрудно. Они живутъ въ одинаковыхъ условіяхъ жизни, въ нихъ съ изумительной точностью повторяются однѣ и тѣ же черты. Бельтовъ богатъ, и это прежде всего нужно имѣть въ виду. Ему не нужно думать о хлѣбѣ насущномъ; его какъ и всѣхъ этихъ тоскующихъ ге-

роевъ, „наслѣдье богатыхъ отцовъ освободило отъ малыхъ трудовъ“. Если они бѣдны, какъ Рудинъ, они все равно безсильны добывать трудомъ необходимое, живутъ на чужой счетъ или бѣдствуютъ. Далѣе, Бельтовъ уменъ и образованъ. Онъ возвышается не только надъ обитателями уѣзднаго городка, но и въ Петербургѣ сразу обращаетъ на себя вниманіе „простою рѣчью, многостороннимъ образованіемъ и пылкимъ пламеннымъ умомъ“. Даже чиновники отдѣленія, куда опредѣлился Бельтовъ, враждебные всякому свѣжему дуновенію, благоговѣйно преклонявшіеся предъ канцелярскими традиціями, поняли, что Бельтовъ — „малый умный“. За границей онъ удивлялъ нѣмецкихъ спеціалистовъ многосторонностью русскаго ума, французовъ глубокомысліемъ. Другая черта Бельтова — полная неспособность засыпать пропасть, раздѣляющую теорію отъ практики, идею отъ дѣла. „Ходитъ и со всякой дрянью носится,—говоритъ о немъ столоначальникъ,—горячится, точно отца родного рѣжутъ, а онъ спасаетъ... всѣ они только *на словахъ* выѣзжаютъ: я-де злоупотребленія искореню, а самъ не знаетъ, какія злоупотребленія и въ чемъ они“. И Бельтовъ покинулъ службу, „не дослуживъ четырнадцати лѣтъ и шести мѣсяцевъ до пряжки“. Онъ пошелъ по медицинской части, но вскорѣ бросилъ и это, рѣшивъ, что онъ артистъ, и сталъ заниматься живописью. И все это съ паѳосомъ, съ грандіозными планами при всякомъ новомъ увлеченіи, съ благородной жаждой дѣла и жертвы, съ снисходительнымъ отношеніемъ къ окружающимъ. Когда по поводу увлеченія медициной мать Бельтова высказала опасеніе насчетъ „прилипчивыхъ болѣзней“, ея сынъ, съ снисходительностью скромнаго героя, нѣжно сказалъ: „Маменька! какой вы эгоистъ, преисполненный любви! Жить, сложа руки, конечно, безопаснѣе; но я полагаю, что на бездѣйствіе надобно также имѣть призваніе, какъ и на дѣятельность“.

Третья черта Бельтова—его безсознательный наивный эгоизмъ, развившійся на почвѣ его барской избалованности. Бельтовъ никогда не думалъ о тѣхъ, чьими усиліями досталась ему на долю праздная и сытая жизнь. Онъ проигрываетъ крупныя суммы въ карты и не замѣчаетъ, что его мать, слабая и состарѣвшаяся не по лѣтамъ, поѣхала въ Бѣлое Поле поправлять бреши, сдѣланныя векселями, да уплачивать годовыми заботами своими минутныя увлеченія сына, да копить новыя деньги, чтобы Володя на чужой сторонѣ ни въ чемъ не нуждался.

Въ лицѣ Бельтова передъ нами одинъ изъ яркихъ типовъ лишняго человѣка. Какъ же относится къ нему авторъ? Вскрылъ ли онъ тѣ нити, которыя связуютъ Бельтовыхъ съ условіями тогдашней русской жизни, сказалъ ли онъ прямо и ясно, что крѣпостное право было той почвой, на которой возникали и развивались эти „умныя ненужности", сознавалъ ли онъ, что измѣняющіяся экономическія условія дѣлали невозможнымъ дальнѣйшее наивное и спокойное существованіе мыслящей части русскаго дворянства, что эти тоскующіе герои должны были появиться какъ предвѣстники будущаго, что самое страданіе ихъ должно быть расплатой за прошлое и указаніемъ новыхъ путей, по которымъ направится общественная жизнь, отвѣчающая назрѣвшимъ потребностямъ?

Несомнѣнно, что Герценъ сознавалъ связь между обезпеченнымъ положеніемъ Бельтова и его тоскою. „Вамъ жизнь надоѣла отъ праздности,—говоритъ ему Круповъ, — вы, какъ всѣ богатые люди, не привыкли къ труду. Дай вамъ судьба опредѣленное занятіе, да отними она у васъ Бѣлое Поле, вы бы стали работать для себя изъ хлѣба, а польза-то вышла бы для другихъ; такъ-то все на свѣтѣ и дѣлается". Нужно ли доказывать, что Герценъ врагъ эксплуатаціи, что угнетеніе крестьянъ дворянами всегда встрѣчалось рѣз-

кимъ осужденіемъ съ его стороны? Но, съ другой стороны, съ какимъ теплымъ сочувствіемъ обрисована личность Бельтова. Уже Бѣлинскій замѣтилъ, что въ изображеніи этого празднаго человѣка скрывается извѣстная двойственность, что къ концу романа герой измѣненъ авторомъ. Бельтовъ, вначалѣ просто праздный эгоистъ, становится въ концѣ неоцѣненнымъ геніемъ, которому нѣтъ мѣста и дѣла среди житейской пошлости и окружающаго общества съ его низменными интересами. Его тоска не чужда самому автору. „Зачѣмъ мы проснулись?“ съ отчаяніемъ восклицаетъ Герценъ въ своемъ дневникѣ. Пока старый порядокъ еще не былъ расшатанъ неудержимымъ ходомъ экономическаго развитія, замѣчаетъ Бельтовъ (Плехановъ) въ своей статьѣ о Некрасовѣ, эти странные люди представляли собою чрезвычайно отрадное, но очень рѣдкое исключеніе, были тѣми одинокими ласточками, которыя не дѣлали весны и сами задыхались въ тяжелой атмосферѣ всеобщей спячки. Не только Герценъ, но и Толстой и Тургеневъ, Пушкинъ и другіе наши великіе художники „изображали дворянскій бытъ не съ его отрицательной стороны, т.-е. не съ той стороны, съ которой обнаружилось бы противорѣчіе интересовъ дворянства съ интересами крестьянства, а съ той, съ которой *это противорѣчіе совсѣмъ незамѣтно*, и съ которой дворянинъ, жившій болѣе или менѣе суровой эксплуатаціей крестьянина, все-таки оказывается человѣкомъ, способнымъ понимать и переживать многія важнѣйшія человѣческія чувства; стремленіе къ истинѣ, исканіе серьезнаго общественнаго дѣла, жажду борьбы, любовь къ женщинѣ, наслажденіе природой и т. п.“. Поскольку обитатели дворянскихъ гнѣздъ переживали эти чувства, они и интересовали художника, а отношеніе ихъ къ крестьянамъ или обходилось совершенно (Печоринъ), или обрисовывалось легкимъ штрихомъ (Онѣгинъ, за-

мѣняющій барщину легкимъ оброкомъ, Пьеръ Безухій, строящій школы и больницы), либо рисовалось въ видѣ патріархальныхъ идиллій. Ужасовъ крѣпостного права мы почти не видимъ въ романахъ писателей-дворянъ. Почти одиноко стоящія „Записки охотника" тоже представляютъ скорѣе психологическій, чѣмъ соціальный интересъ. Но мы забѣжали впередъ. Бельтовъ остается прекраснымъ памятникомъ „проснувшихся" представителей гуманнѣйшей части дворянства. Его тоска по свободной жизни была залогомъ лучшаго, хотя и неяснаго еще будущаго.

Въ то время какъ Герценъ рисовалъ фигуры Круповыхъ и Бельтовыхъ, въ лицѣ которыхъ воплощалъ свое собственное тоскующее стремленіе къ полному освобожденію человѣческой личности,—его мысль работала надъ изысканіемъ путей, ведущихъ къ завоеванію истины и пересозданію жизни. Въ сороковыхъ же годахъ одновременно съ романомъ „Кто виноватъ?" пишетъ онъ свои статьи о „Дилеттантизмѣ въ наукѣ", о „Буддизмѣ въ наукѣ" и т. д. Эти статьи интересны потому, что въ нихъ заключается предчувствіе той роли, которую должно будетъ сыграть точное знаніе въ разрѣшеніи роковыхъ вопросовъ жизни. Герценъ чувствуетъ несостоятельность метафизики и идеализма и противопоставляетъ имъ позитивное изслѣдованіе, матеріализмъ и методы, заимствованные у естествознанія. „Главное, что дѣлаетъ науку *ученыхъ* трудною и запутанною,—говоритъ онъ,—это метафизическія бредни и тьма-тьмущая спеціальностей, на изученіе которыхъ посвящается цѣлая жизнь и схоластическій видъ которыхъ отталкиваетъ многихъ". Онъ нападаетъ на дилеттантовъ за то, что они „держатся за мечты". Но „человѣкъ, поднявшійся до современности, съ живой душой, не можетъ удовлетвориться внѣ науки. Глубоко прострадавъ пустоту субъективныхъ убѣжденій, постучавшись во всѣ двери, чтобы утолить жгучую

жажду возбужденнаго духа и нигдѣ не находя истиннаго отвѣта, измученный скептицизмомъ, обманутый жизнью, онъ идетъ нагой, бѣдный, одинокій и бросается въ науку". Не слѣдуетъ, конечно, думать, что Герценъ окончательно порвалъ съ метафизикой и идеализмомъ и выступилъ законченнымъ проповѣдникомъ чисто-эмпирическаго изслѣдованія. Онъ смѣшиваетъ еще оба направленія. Такъ, напримѣръ, Гегель у него „высшій представитель науки". То „всеобщее", которое упускаютъ изъ виду цеховые ученые, погружающіеся въ частности, у Герцена иногда сильно сбивается на Абсолютъ докантовской метафизики. Но, съ другой стороны, онъ высказываетъ рядъ цѣнныхъ мыслей, дѣлающихъ его предшественникомъ послѣдующаго научнаго отношенія ко всѣмъ вопросамъ теоретической мысли, общественной и частной жизни. Во-первыхъ, онъ провозглашаетъ, что факты, а не прирожденныя идеи должны лечь въ основу всякаго познанія. Міръ фактическій, говоритъ онъ, служитъ основой науки; наука, опертая не на природѣ, не на фактахъ, есть именно туманная наука дилеттантовъ". Люди отвлеченной метафизики должны опуститься изъ своего поднебесья именно въ *физику* (въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова), и въ нее же должны подняться роющіеся въ землѣ спеціалисты. Послѣ католической науки новая наука требовала иныхъ, болѣе положительныхъ фактическихъ основаній. Она не требуетъ ничего впередъ, не дастъ никакихъ началъ на-вѣру. Во-вторыхъ, онъ выступаетъ поборникомъ идеи демократизаціи знаній. Привычка превращать научную работу въ исключительное достояніе избранныхъ, традиціонное убѣжденіе, что наука — принадлежность исключительно ученаго цеха, является наслѣдіемъ католической эпохи, когда наука находилась въ вѣдѣніи посвященныхъ. Наука становится теперь достояніемъ всѣхъ. Всегда будетъ техническая часть отдѣльныхъ

отраслей знанія, и она останется дѣломъ спеціалистовъ, но „не въ ней дѣло“. Наука въ „высшемъ смыслѣ своемъ сдѣлается доступна людямъ, и тогда только она можетъ потребовать голоса во всѣхъ дѣлахъ жизни“. Всякую мысль можно высказать просто и ясно. Ученые, подрывши во имя всеобщаго права изслѣдованія касту католическихъ духовныхъ пастырей, обнаруживаютъ стремленіе образовать новую касту изъ самихъ себя. Спеціалистъ, проводящій жизнь въ монотонномъ и одностороннемъ занятіи, не можетъ претендовать на истину въ большей степени, чѣмъ любой купецъ или артистъ. Напротивъ, есть основаніе думать, что любой человѣкъ, искусившійся самыми событіями, прошедшій черезъ тысячи разнообразныхъ столкновеній съ людьми, будетъ обладать болѣе яснымъ взглядомъ и болѣе глубокою мыслью, чѣмъ цеховой ученый. Наконецъ, третья важная идея этихъ статей—это мысль о конечной цѣли науки: она должна овладѣть жизнью, „потребовать права голоса во всѣхъ дѣлахъ жизни“. Одинъ изъ главныхъ упрековъ, которые дѣлаетъ Герценъ ученому цеху, заключается въ томъ, что цеховой ученый разобщился съ современностью, и „нужны нечеловѣческія усилія, чтобы ему войти живымъ звеномъ въ живую цѣпь“.

Такіе взгляды или, вѣрнѣе, предчувствіе новыхъ путей, на которые вступала русская мысль, унесъ Герценъ съ собою за границу. Къ идеалистическому міровоззрѣнію съ первыхъ шаговъ русской общественной мысли стали примѣшиваться элементы матеріализма, а къ либерально-гуманнымъ идеямъ—соціалистическія. Мы видѣли, что уже Бѣлинскій во вторую половину своей дѣятельности склоняется къ мысли, что въ разрѣшеніи соціальной проблемы скрывается разгадка рокового вопроса о страданіяхъ человѣческой личности. И въ старыя идеалистическія представленія Бѣлинскаго подъ конецъ его жизни все болѣе

вторгается духъ научнаго изслѣдованія, методы естествознанія, матеріалистическія струи. И Герценъ, какъ видимъ, уже въ 40 хъ годахъ, въ ту эпоху, когда онъ весь еще захваченъ проблемой личности, склоняется къ матеріализму. Онъ преклоняется предъ методами естествовѣдѣнія, гдѣ „нельзя такъ играть, какъ въ философіи". Тамъ изслѣдователю приходится отказаться отъ своей личности, отъ своихъ субъективныхъ воззрѣній, такъ какъ органы его чувствъ — неутомимые свидѣтели. „Въ этомъ отношеніи матеріалисты стоятъ выше,—говоритъ онъ,—и могутъ служить примѣромъ мечтателямъ-дилеттантамъ... Какую теорію ни броситъ, какимъ личнымъ убѣжденіемъ ни пожертвуетъ химикъ, если опытъ покажетъ другое,—ему не придетъ въ голову, что цинкъ ошибочно дѣйствуетъ, что селитряная кислота—нелѣпость. Къ философіи же каждый приступаетъ съ своей маленькой эгоистичной философіей, въ которой „удовлетворены всѣ мечты, всѣ прихоти эгоистическаго воображенія". Не видны ли въ этихъ словахъ проблески научнаго соціализма и начинающееся отреченіе отъ идеалистическаго либерализма: фактъ долженъ быть поставленъ на мѣсто идеи. Реальныя силы и ихъ отношенія, а не наши идейныя усилія, вызванныя нашими идеалами, опредѣляютъ ходъ исторіи. Наука должна опереться на природу и овладѣть всѣми вопросами жизни. Бѣлинскій умеръ въ предчувствіи этихъ новыхъ воззрѣній. Герценъ унесъ ихъ съ собой за границу. Здѣсь предъ нимъ открылись новыя перспективы. До сихъ поръ передъ русскимъ мыслящимъ обществомъ стоялъ общій врагъ. И Бѣлинскій, и Чаадаевъ, и Герценъ, исходя изъ разныхъ основъ, сходились на одномъ—на отрицаніи офиціальной Россіи. Отмѣна крѣпостного права была до такой степени насущной необходимостью, что передъ этимъ общимъ зломъ умолкали несогласія, не видны были различные пути. Но близилась эпоха реформъ

Александра II. Предстояло вступить на путь положительной творческой работы и людямъ, стоявшимъ въ одномъ лагерѣ, пришлось разойтись по разнымъ дорогамъ.

XII.

Послѣдніе годы николаевскаго царствованія.—Начало реформъ имп. Александра II.—Правительство и общество въ эпоху реформъ.—Тайныя общества.—Реакція.—Литературная дѣятельность Герцена за границей и главныя идеи его въ теченіе этого періода.—„Съ того берега“.—„Русскій народъ и соціализмъ“.—„Письма къ старому товарищу“.—Заключеніе.

Послѣдніе годы царствованія императора Николая были эпохой жестокаго правительственнаго террора. Время, отдѣляющее кончину Бѣлинскаго отъ кончины Николая, было самымъ мрачнымъ періодомъ въ исторіи русскаго общества. Эпоха Бѣлинскаго представлялась теперь сравнительно счастливымъ временемъ. „Благо Бѣлинскому, умершему во-время“, это восклицаніе опредѣляетъ подавленное состояніе лучшихъ умовъ. Въ это время дѣлалъ первые шаги русскій соціализмъ. Онъ не былъ еще такимъ широкимъ теченіемъ, какъ либерализмъ. Онъ былъ еще мечтой, далекой цѣлью отдѣльныхъ личностей. Онъ не претворялся въ практическое дѣло или въ опредѣленную организацію. Но правительство Николая казнило не только за поступки, но и за идеи, за преступныя мысли, и въ 1848 году былъ раскрытъ „заговоръ“ Петрашевскаго, чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ. Вина „заговорщиковъ“ заключалась въ томъ, что они собирались у Петрашевскаго, обсуждали вопросы соціальнаго и политическаго характера, причемъ одни изъ нихъ являлись сторонниками республиканскаго строя, другіе допускали въ качествѣ переходной конституціонную форму правленія, третьи стояли за учрежденіе общинъ

въ родѣ фалангъ Фурье, которыя должны были замѣнить существующую систему европейскаго политическаго строя. Эти платоническіе планы, раскрытые при помощи шпіоновъ, вызвали драконовскую кару. Двадцать одинъ человѣкъ, большею частью молодые офицеры и чиновники, были приговорены къ смертной казни, которая, впрочемъ, была замѣнена каторгой или отдачей въ солдаты. Послѣ этой жестокой расправы воцарилось, по выраженію Туна, полное безмолвіе, длившееся до конца николаевскаго царствованія.

Какъ ни жестоко было отношеніе николаевскаго правительства ко всякому проявленію независимой русской мысли, именно въ это царствованіе рядомъ съ либерализмомъ начинало крѣпнуть соціалистическое направленіе, — лучшее свидѣтельство того, что теоретическія ученія не зависятъ отъ давленія сверху и являются только идеологіей реальныхъ интересовъ, возникающихъ въ массахъ. Уже въ проектахъ декабристовъ мы встрѣчаемъ слѣды соціалистическаго ученія. „Мнѣ казалось,—говоритъ Пестель въ своей „Русской Правдѣ", — что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на происхожденіи основанными". Мы уже видѣли далѣе, какое огромное вліяніе оказали соціалистическія идеи на кружокъ Герцена и Огарева, а затѣмъ на все западническое направленіе съ Бѣлинскимъ во главѣ. Незадолго до смерти императора Николая подавленная русская мысль начинала пробуждаться снова. Было ясно, что страшный гнетъ становится невыносимымъ и разразится катастрофой. Крымскій разгромъ сыгралъ роль этой катастрофы. Это былъ смертный приговоръ системѣ офиціальнаго народничества. Вступленіе на престолъ императора Александра II въ 1855 году сопровождалось большими ожиданіями со стороны русскаго общества. И начи-

навшаяся „эпоха великихъ реформъ“, когда съ почвы общаго протеста пришлось перейти на почву положительной строительной работы, сразу обнаружила, что и въ отдѣльныхъ группахъ народныхъ массъ, и среди ихъ идеологовъ пониманіе народныхъ интересовъ далеко не одинаково.

Правительство вовсе не было склонно передать рѣшеніе судебъ Россіи въ руки общества. Главную изъ назрѣвшихъ реформъ оно проводило по прежнему бюрократическимъ путемъ. Вызваннымъ въ Петербургъ представителямъ дворянства было предложено дать только письменные отвѣты на поставленные вопросы, и даже запрещено было устраивать публичныя собранія. По мѣрѣ развитія работъ реакціонное направленіе ихъ усиливалось. Въ февралѣ 1860 г., по смерти Ростовцева, человѣка либеральнаго образа мыслей, предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи былъ назначенъ извѣстный реакціонеръ, защитникъ помѣщичьихъ интересовъ графъ Панинъ. Такимъ образомъ, даже либеральная часть дворянства была обманута въ своихъ ожиданіяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланскій въ своемъ докладѣ, который былъ одобренъ государемъ, писалъ, что правительству полезно имѣть отъ депутатовъ „справки не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетомъ члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ“. Недовольство дворянъ выразилось въ цѣломъ рядѣ адресовъ, въ которыхъ въ почтительной формѣ проводилась идея необходимости участія народнаго или дворянскаго представительства въ рѣшеніи общегосудар-

ственныхъ вопросовъ. Но правительство отвѣчало на эти домогательства выговорами, внушеніями и даже ссылками и запретило дворянскимъ собраніямъ касаться вопроса объ освобожденіи крестьянъ, давъ ясно понять, что рѣшеніе государственныхъ вопросовъ будетъ осуществляться только верховной властью при помощи бюрократіи безъ участія общественныхъ элементовъ.

Такой политики держалось правительство во время подготовительныхъ работъ. Въ прогрессивномъ обществѣ уже въ это время обнаруживались два теченія: одно-либеральное, державшееся примирительнаго направленія по отношенію къ правительству, другое — соціалистическое, относившееся съ недовѣріемъ къ намѣреніямъ правительства. Вначалѣ и тѣ и другіе, и либералы и соціалисты, относились съ полнымъ сочувствіемъ къ молодому монарху, который самъ взялъ на себя иниціативу освобожденія крестьянъ. Напомнимъ въ краткихъ чертахъ послѣдующія событія. Соціалисты выставляли три главныхъ требованія: личное освобожденіе крестьянъ, передачу въ ихъ собственность всей земли, которую они обрабатывали до освобожденія, даромъ или за умѣренное вознагражденіе, и сохраненіе общины, которая въ глазахъ соціалистовъ являлась зерномъ будущаго соціалистическаго строя. Еще до реформы между соціалистами и либералами обнаруживалось разногласіе по вопросу объ отношеніи къ правительству. Въ то время какъ первые постепенно теряли вѣру въ правительство, либералы надѣялись на то, что реформа будетъ осуществлена царемъ. Когда, наконецъ, день 19-го февраля принесъ давно жданную вѣсть объ освобожденіи крестьянъ, реформа не удовлетворила оппозиціонныя партіи. Крестьянамъ досталась не вся обрабатываемая ими земля, которая во многихъ мѣстахъ была значительно урѣзана въ пользу помѣщиковъ. Кромѣ того выкупные платежи ложились

большей тяжестью на крестьянъ, чѣмъ прежніе оброки. Мѣстами у крестьянъ получилось впечатлѣніе, что положеніе ихъ ухудшилось по сравненію съ предшествовавшимъ временемъ крѣпостничества, потому что земли у нихъ стало меньше, а платить приходилось больше. Чтобы обезпечить поступленіе платежей въ казну, крестьянамъ запрещено было покидать свои надѣлы, и они остались такимъ образомъ прикрѣпленными къ землѣ. Съ этого момента до нашихъ дней не прекращалось недовольство крестьянства, продолжающаго жить мечтой о томъ, что земля вся цѣликомъ принадлежитъ ему и рано или поздно должна стать его собственностью. Съ этого момента до нашихъ дней аграрный вопросъ остается нерѣшенной проблемой. Уже тотчасъ послѣ опубликованія манифеста начались аграрныя волненія, которыя подавлялись силой, иногда жестокими мѣрами.

Если крестьянство не было удовлетворено реформой, то еще менѣе были довольны интеллигентскія оппозиціонныя группы. Либералы не только находили неудовлетворительнымъ самое освобожденіе крестьянъ въ томъ видѣ, какъ оно было выполнено 19-го февраля. Они требовали реформы государственнаго строя на конституціонныхъ началахъ, что, по ихъ мнѣнію, являлось логическимъ слѣдствіемъ даже неполной реформы, похоронившей старый сословный и бюрократическій строй. Офицеры организовали тайное общество, выпустившее три номера газеты „Великоруссъ". Послѣдній номеръ, которымъ закончилось существованіе газеты, заключалъ въ себѣ адресъ императору Александру II. Авторы адреса просили о созывѣ „представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи". Далѣе авторы адреса требовали доведенія крестьянской реформы до конца, устраненія злоупотребленій во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Адресъ указывалъ на „величайшія бѣд-

ствія", которыя ждутъ Россію въ случаѣ неисполненія этихъ требованій. Несмотря на радикальный характеръ намѣченныхъ въ немъ реформъ, „Великоруссъ" не имѣлъ революціоннаго характера. Газета предлагала добиваться осуществленія ихъ мирнымъ путемъ, при помощи подачи всеподаннѣйшаго адреса, рекомендовала удерживать молодежь отъ демонстрацій и самый адресъ предполагала подать тогда, когда большинство публики будетъ подготовлено къ этому и можно будетъ собрать многочисленныя подписи и приступить къ выбору депутатовъ для представленія адреса государю. Адресъ этотъ никогда не удалось подать государю. Именно въ это время усиливается расколъ между либерализмомъ и радикальнымъ соціализмомъ. Въ то время какъ либералы (какъ видно и изъ проекта упомянутаго адреса) стоятъ на конституціонной точкѣ зрѣнія и на почвѣ легальныхъ домогательствъ и ходатайствъ,—вторые все болѣе переходятъ на путь революціонной борьбы, отказываются отъ довѣрія не только правительству, но и либеральному обществу, съ его наполовину дворянскимъ составомъ и недостаточно радикальными требованіями. Главное отличіе либерализма отъ нарождавшагося соціализма заключалось именно въ этомъ отношеніи къ правительству, въ мирномъ характерѣ перваго и революціонной тактикѣ второго. Соціализмъ предполагалъ опереться не на общество, а на „народъ", который, замѣчаетъ Сватиковъ, понимался тогда въ формѣ крайне отвлеченной. Въ это понятіе входили и войска, и молодежь, и крестьяне. Второе различіе заключалось и въ самой программѣ. Въ либеральныхъ требованіяхъ преобладалъ идеалъ политической свободы, представлявшійся конкретно въ формѣ конституціи, въ соціалистическихъ съ первыхъ шаговъ движенія преобладаетъ экономическій и соціальный идеалъ, причемъ соціалисты въ своихъ политическихъ требованіяхъ

были республиканцами, не скрывали своего равнодушія къ вопросу о конституціи, осуществленію которой „не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать“. „Великоруссъ“ былъ выразителемъ либеральныхъ требованій, посланіе „къ молодому поколѣнію“ извѣстнаго поэта М. Л. Михайлова, появившееся тоже осенью 1861 года, было раннимъ выраженіемъ болѣе радикальныхъ требованій. Это посланіе взволновало студенческую молодежь, и безъ того уже оппозиціонно настроенную вслѣдствіе репрессій противъ университетовъ, склонило ее къ радикально-соціалистической программѣ и привело на каторгу его автора. Въ посланіи говорилось о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, въ государственныхъ тягостяхъ, податяхъ и повинностяхъ, о невмѣшательствѣ правительства въ вопросъ объ отмѣнѣ или сохраненіи общины, о контролѣ народа надъ расходованіемъ собранныхъ съ него денегъ. Разойдясь уже въ годъ осуществленія крестьянской реформы, либералы и соціалистически настроенные радикалы продолжали все болѣе расходиться въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Либеральное движеніе выражалось по преимуществу въ подачѣ адресовъ, радикально-соціалистическое — въ образованіи тайныхъ обществъ. На адреса, исходившіе отъ либеральнаго дворянства различныхъ губерній, напримѣръ, тверского и московскаго, правительство отвѣчало прямыми или косвенными репрессіями. Изъ тайныхъ обществъ необходимо упомянуть общество подъ названіемъ „Земля и Воля“ и „Молодую Россію“. Первое въ 1863 году выпустило брошюру подъ заглавіемъ „Что нужно народу?“. Отвѣтомъ служило самое наименованіе общества. Второе произвело особенно сильный переполохъ не только среди правительства, но и среди умѣренно-либеральныхъ группъ общества. Въ своей прокламаціи 1862 года эта революціонная организація призывала къ цареубійству, къ умерщвленію всей

царской фамиліи, объявляла войну не только правительству, но и либераламъ и всѣмъ группамъ, державшимся мирной тактики. Всѣ люди порядка были напуганы появленіемъ этого общества. На него возлагали отвѣтственность за всѣ смуты, между прочимъ за ужасные пожары, истребившіе въ Петербургѣ многочисленныя зданія. Правительство начало жестокія преслѣдованія: члены „Земли и Воли“ и другихъ тайныхъ обществъ вѣшались, разстрѣливались и ссылались въ каторжныя работы. Печать подвергалась гоненіямъ, „Современникъ“ былъ запрещенъ, Чернышевскій сосланъ. Само либеральное общество повернуло вправо подъ вліяніемъ революціонныхъ страховъ, и пропасть, отдѣлявшая русскій либерализмъ отъ соціализма, еще болѣе углубилась. Уже воззваніе „Молодой Россіи“ отказалось отъ стараго дѣленія страны на политической основѣ. Оно дѣлило Россію не на правительство и оппозицію, а клало въ основу экономическій принципъ. Россія, по ихъ мнѣнію, дѣлится на двѣ партіи: въ одной — народъ, въ другой — всѣ имущіе классы. Либеральничающіе собственники хотя и обижены правительствомъ, не дающимъ имъ конституціи взамѣнъ отнятой у нихъ даровой рабочей крестьянской силы, но имущественная партія въ душѣ готова поддерживать существующій политическій строй. И воззваніе требовало кровавой революціи и радикальнаго измѣненія „всѣхъ безъ исключенія основъ современнаго общества“.

Вспыхнувшее въ 1863 году польское возстаніе еще болѣе содѣйствовало дифференціаціи русскаго общества. Соціалисты-радикалы сочувствовали движенію, и между русскими тайными обществами и поляками завязались сношенія. Либералы колебались вначалѣ, но вскорѣ чувство патріотизма взяло верхъ, особенно когда иностранныя державы стали поддерживать возстаніе. Талантливый публицистъ Катковъ, нѣкогда

принадлежавшій къ кружку Бѣлинскаго, сталъ глашатаемъ этихъ патріотическихъ чувствъ. Не только либералы, но и болѣе радикальные круги русскаго общества стали относиться отрицательно къ польскому возстанію, когда руководство имъ оказалось въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ и аристократовъ, и Катковъ искусно сумѣлъ поставить вопросъ объ избавленіи крестьянъ отъ помѣщичьяго гнета въ Польшѣ. Кромѣ польскаго возстанія, русское революціонное движеніе задерживалось либеральными реформами правительства. 1-го января 1864 года получило силу закона Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Какъ и крестьянская реформа, земское самоуправленіе было проведено въ значительной степени при участіи реакціонныхъ элементовъ и бюрократіи. Достаточно отмѣтить, что первыя два трехлѣтія существованія земства среди гласныхъ было дворянъ 45,5% и 44,9%, а крестьянъ 38,5% и 37,4%, и въ теченіе четверти вѣка сохранялось такое соотношеніе, изъ чего ясно видно, что Положеніе 1864 года менѣе всего имѣло въ виду обезпечить крестьянству вліятельный голосъ въ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства. Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ судебная реформа и временныя правила о цензурѣ и печати, нѣсколько облегчившія положеніе послѣдней,—все это ослабляло революціонное движеніе и возбуждало въ либеральныхъ слояхъ общества надежду на скорое введеніе конституціи. Въ особенности земское самоуправленіе представлялось первымъ шагомъ на этомъ пути. Земскія учрежденія представлялись ячейкой, изъ которой вырастетъ земскій соборъ. Несмотря на то, что реформы не вполнѣ удовлетворяли либераловъ, тѣмъ не менѣе онѣ содѣйствовали повороту либеральной части общества вправо и вмѣстѣ съ указанными выше причинами (польское возстаніе, страхъ передъ революціей) еще болѣе содѣйствовали расколу среди русскаго прогрессивнаго

общества. Наконецъ, въ 1866 году совершилось событіе, послѣ котораго правительство окончательно повернуло на реакціонный путь. Одно изъ тайныхъ обществъ организовало покушеніе на императора Александра II, разсчитывая этимъ путемъ вызвать броженіе въ народѣ. Одинъ изъ членовъ организаціи Каракозовъ, произвелъ 4-го апрѣля 1866 года неудачное покушеніе на цареубійство, при чемъ спасеніе государя было приписано крестьянину, и такимъ образомъ покушеніе получило совершенно не тотъ смыслъ, который хотѣли придать ему заговорщики,—желавшіе показать, что оно исходитъ изъ среды народа. Съ этого момента начинается рѣшительная реакція, императорскій рескриптъ 23-го мая 1866 года объявляетъ задачей правительства охрану вѣковыхъ устоевъ общества, религіи и священнаго права собственности противъ революціи, начинаются преслѣдованія печати, репрессіи противъ оппозиціонныхъ общественныхъ дѣятелей, урѣзываются на практикѣ права земствъ.

Таковъ приблизительно былъ ходъ событій съ вступленія на престолъ императора Александра II до конца 60-хъ годовъ. Разсмотримъ вкратцѣ, какъ относился къ нимъ Герценъ. Послѣ смерти Николая I Герценъ обратился къ молодому монарху съ письмомъ, въ которомъ въ пламенныхъ выраженіяхъ призывалъ его „дать свободу русскому слову“ и „смыть съ Россіи позорное пятно крѣпостного состоянія“. Онъ подсказывалъ императору ту либеральную программу, которая ликвидировала бы печальное наслѣдіе николаевской эпохи, эпохи безмолвія и рабства. Въ 1855 г. стала выходить въ Лондонѣ „Полярная Звѣзда“, а въ 1857 г.—„Колоколъ“, и Герценъ становится руководителемъ русскаго общественнаго мнѣнія. Мы уже видѣли, какое огромное вліяніе оказывалъ „Колоколъ“ не только на общество, но и на правительственныя сферы. Освобожденіе крестьянъ съ землею, освобожденіе печати отъ

цензуры, гласный судъ и отмѣна тѣлеснаго наказанія — таковы были минимальныя требованія „Колокола“. Это изданіе не было органомъ революціи. Напротивъ, въ первые годы царствованія Александра II, когда оппозиціонное общество и даже радикальные элементы вѣрили въ благія начинанія правительства, „Колоколъ“ иногда шелъ рука-объ-руку съ правительствомъ, поддерживая тѣ его дѣйствія, которыя соотвѣтствовали либеральнымъ стремленіямъ. И правительство считалось съ „Колоколомъ“. Такъ, коммиссія по вопросу объ освобожденіи крестьянъ принимала въ соображеніе его указанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Герценъ подвергалъ рѣзкой критикѣ ложные шаги правительства, обличалъ злоупотребленія, отмѣчалъ половинчатый характеръ правительственныхъ начинаній. 19-е февраля 1861 года Герценъ привѣтствовалъ восторженной статьей. Правда, онъ видѣлъ въ крестьянской реформѣ только „первый шагъ“, и ждалъ второго, но онъ заявлялъ, что имя Александра II уже теперь „стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ“, что „ни русскій народъ ни всемірная исторія не забудутъ“ никогда, что онъ „боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія противъ хищной толпы закоснѣлыхъ негодяевъ“. И изъ дали своей ссылки Герценъ привѣтствовалъ императора именемъ „освободителя“. Мы видимъ, что Герценъ принадлежалъ къ умѣренной оппозиціи, и по мѣрѣ того, какъ усиливалось разочарованіе русскаго общества, вліяніе Герцена начало падать, и пропасть между нимъ и радикальными элементами стала углубляться. Еще въ 1860 году изъ кружка Чернышевскаго вышло открытое письмо въ „Колоколѣ“, упрекающее Герцена въ умѣренности и оптимизмѣ и требующее отъ него призыва къ возстанію и къ борьбѣ съ правительствомъ императора Александра II, который „вскорѣ пойдетъ по пути своего отца“. Революціонный манифестъ къ

„Молодой Россіи“ въ 1862 г. окончательно низлагалъ Герцена, какъ руководителя русскаго освободительнаго движенія, въ виду умѣреннаго характера „Колокола“. Одновременно съ радикальными группами на Герцена ополчилась и начавшая торжествовать реакція. Освободительныя стремленія поляковъ были поддержаны „Колоколомъ“, и на Герцена ополчился Катковъ, когда, повернувъ вправо, онъ началъ борьбу съ польскимъ возстаніемъ и русской революціей. Паденію герценовскаго вліянія содѣйствовали появившіяся въ „Колоколѣ“ зажигательныя статьи, поддерживавшія польское возстаніе и звавшія къ насилію. Герценъ помѣстилъ ихъ неохотно, подъ вліяніемъ Бакунина и по настоянію представителей польскаго комитета. Герценъ чувствовалъ, что возстаніе не вызоветъ сочувствія въ Россіи, такъ какъ является дворянскимъ, шляхетскимъ, а не народнымъ возстаніемъ. И, тѣмъ не менѣе, уступая друзьямъ, онъ выступилъ защитникомъ безнадежнаго дѣла. Это усилило позицію Каткова. На Герцена посыпались обвиненія со стороны реакціи, его обвиняли чуть ли не въ принадлежности къ обществу поджигателей. Съ польскимъ возстаніемъ окончилось вліяніе Герцена. Съ переѣздомъ въ Женеву въ 1864 году Герцену пришлось столкнуться съ представителями молодого поколѣнія, посѣщавшими его, и онъ убѣдился, какая глубокая пропасть выросла между нимъ и ими.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ русскаго общественнаго движенія послѣ смерти императора Николая I и участіе, которое принималъ въ этомъ движеніи Герценъ. Разсмотримъ теперь главныя идеи Герцена во второй заграничный періодъ его литературной дѣятельности. Въ задачу историко-литературнаго обзора не входитъ разсмотрѣніе всѣхъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній Герцена. Но необходимо отмѣтить тѣ его идеи, которыя тѣсно связаны съ нашими

общественно-литературными направленіями. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что среди многочисленныхъ колебаній, среди моментовъ отчаянія и горячей вѣры можно выдѣлить три главныя вѣхи, которыя отмѣчаютъ путь развитія общественно-литературной дѣятельности Герцена: во-первыхъ, граничащее съ отчаяніемъ разочарованіе въ западно-европейской культурѣ, въ буржуазномъ строѣ западно-европейской жизни, въ возможности осуществленія соціалистическихъ идеаловъ; во-вторыхъ, близкое къ славянофильству преклоненіе предъ Россіей, ея самобытнымъ укладомъ жизни, прославленіе общины; наконецъ, въ-третьихъ, синтезъ западническихъ и славянофильскихъ идей, легшій въ основу народничества, глубокая вѣра въ то, что Россія призвана осуществить соціалистическій идеалъ, который провозглашенъ въ Европѣ, но котораго ея дряхлѣющее общество не въ силахъ осуществить: русскій народъ и его общинный строй жизни представляетъ собою благородную почву, на которой взойдетъ зерно соціализма, брошенное западно-европейской мыслью. И надъ этими основными настроеніями царитъ то неопредѣленное стремленіе къ свободѣ, та ненависть къ гнету и насилію, та скорбь о поруганномъ человѣческомъ достоинствѣ и о подавленной личности, которыя являлись характерными чертами всѣхъ идеалистовъ, воспитавшихся въ атмосферѣ крѣпостничества и полицейскаго режима николаевской эпохи. Эти идеи—главныя идеи Герцена въ заграничный періодъ его литературной дѣятельности. Онъ не перестаетъ неутомимо повторять ихъ. Въ рѣдкой статьѣ „Колокола“ мы не встрѣтимъ отголосковъ той или другой изъ этихъ идей. Въ статьѣ „Repetitio est mater studiorum“ („Кол.“ 1861, № 107) онъ самъ иронизируетъ надъ тѣмъ, что ему приходится твердить одно и то же. Въ этой статьѣ мы найдемъ сжатую формулу его міровоззрѣнія. „Мысль Запада

легко усвоивается нами—у насъ нѣтъ азіатскаго отвращенія къ наукѣ". Но историческій бытъ Запада для насъ необязателенъ. Мы отдѣлились отъ своего народа и утратили связь съ нимъ. „Его *незападный бытъ* былъ непонятенъ намъ, да и не интересовалъ насъ. Между тѣмъ Западъ коснулся вопросовъ, несовмѣстныхъ съ его государственными формами, и на первый случай срѣзался. И мы вспомнили тутъ особенно ярко, что подъ внѣшними западными формами русскаго государства сохранился какой-то *иной* народный бытъ, основанный на *иномъ понятіи* объ отношеніи человѣка къ *землѣ* и *ближнему*. Труды славянофиловъ подготовили матеріалъ для пониманія,—имъ принадлежитъ честь и слава почина. Они первые поняли, что въ подавленныхъ и дремлющихъ силахъ народа русскаго, въ разъединеніи народа съ государствомъ, въ тѣсныхъ формахъ, сдѣланныхъ не по мѣркѣ, въ которыя попалась русская жизнь, больше, чѣмъ tabula rasa, —задатокъ будущаго развитія. Что же тутъ удивительнаго, что, видя народъ общинный, артельный, съ *своимъ* понятіемъ о правѣ на землю и о круговой порукѣ, живущій въ какомъ-то чужестранномъ государственномъ неустройствѣ, которое ничему не удовлетворяетъ, ни, наконецъ, даже защитѣ границъ, нашлись люди, которые предположили, что этотъ народъ ближе къ осуществленію экономическаго, т.-е. соціальнаго переворота, чѣмъ римско-феодальная, мѣщански-индустріальная Европа? Сказалъ же Христосъ, что богатому Никодиму труднѣе совлечь съ себя стараго Адама, чѣмъ нищему. То, что на Западѣ можетъ совершиться рядомъ катастрофъ, потрясеній, то можетъ развиться въ Россіи на основаніи существующаго. Одинъ фактъ *общиннаго владѣнія землею*... и передѣлежа полей самъ по себѣ оправдываетъ предположеніе, что наша невоздѣланная почва, нашъ черноземъ способнѣе для посѣва зерна, собраннаго съ западныхъ

полей". Въ этомъ отрывкѣ основные элементы общественнаго міросозерцанія Герцена: преклоненіе предъ западной мыслью и наукой, признаніе необходимости соціальнаго переворота, идея самобытнаго развитія русскаго народа, вѣра въ его миссію, основанная, прежде всего, на фактѣ существованія общины, наконецъ мысль о взаимномъ непониманіи между интеллигенціей и народомъ. Изъ этой послѣдней мысли вытекала та опредѣленная идея Герцена, которая дѣлаетъ его родоначальникомъ народничества: интеллигентамъ слѣдуетъ не поучать народъ и не устраивать его счастье, а, напротивъ, учиться у него. Въ другой статьѣ „Мясо освобожденія" („Кол." 1862, № 121) Герценъ нападаетъ на вождей революціи, которые, „желая возстановить свободу народа, для скорости обращались съ нимъ какъ съ матеріаломъ благосостоянія, какъ съ *мясомъ освобожденія*". Вожди, эти „квартальные правъ человѣческихъ" и „Петры I свободы" долго не слыхали, что говоритъ „государь-народъ". Они были увѣрены, что „лучше народъ поучать, чѣмъ учиться у него". Славянофиламъ Герценъ обязанъ идеей самобытности русскаго народа и горячей вѣрой въ его миссію, западникамъ—уваженіемъ къ западной мысли и наукѣ. Самъ онъ своеобразно слилъ и то, и другое въ одно цѣлое и положилъ начало народничеству. Такова схема развитія его общественныхъ воззрѣній. Но и отчаяніе Герцена, и его протестъ противъ мѣщанскаго строя европейской жизни, и его „духовное возвращеніе на родину" (какъ удачно назвалъ послѣдній актъ его душевной драмы С. Н. Булгаковъ) сопровождались потокомъ идей и мыслей, обогатившихъ нашу литературу прекрасными твореніями, къ обзору которыхъ мы теперь обращаемся.

„Съ того берега" была первая книга, изданная Герценомъ на Западѣ. Рядъ статей, составляющихъ ее, былъ написанъ по-русски въ 1848 и 1849 году. Въ

1850 году она произвела много шума въ Германіи. Эта книга — прекрасный памятникъ не только политическо-философской, но и художественной литературы. Чтобы понять это произведеніе, слѣдуетъ вспомнить, послѣ какого страшнаго разгрома пролетаріата и соціализма писалъ Герценъ эти пропитанныя горечью и отчаяніемъ строки. Февральская революція 1848 года была великой попыткой пролетарскихъ массъ осуществить однимъ ударомъ идеалы соціалистическаго строя; за эту мечту рабочіе подставляли подъ пули свои головы на баррикадахъ. Но когда побѣда была одержана, тогда выяснилось, что капиталистическій строй далеко еще не сыгралъ своей роли. На сторонѣ буржуазіи была организація. Она крѣпко держала въ своихъ рукахъ нити экономической жизни, армію и пушки. Она провела своихъ представителей въ составъ временнаго правительства. Еще не было реальной почвы для существованія національныхъ мастерскихъ, которыя были неохотно открыты правительствомъ въ уступку соціалистическимъ требованіямъ. И когда послѣ закрытія этихъ мастерскихъ, около которыхъ кормились безработные, пролетаріатъ возсталъ съ цѣлью вырвать власть изъ рукъ буржуазнаго правительства,—тогда кровавые іюньскіе дни показали, какъ преувеличена была вѣра пролетаріата въ наступленіе трудового царства на землѣ. Четыре дня лилась кровь на улицахъ Парижа, тысячи рабочихъ пали жертвой этой вѣры, на четвертый день, 26-го іюня, возстаніе было подавлено, и буржуазія снова закрѣпила свою власть надъ трудящимися классами.

Первое чувство Герцена было безысходное отчаяніе. Сразу были опрокинуты надежды всей жизни, вѣра въ Западъ, въ человѣчество. „Съ того берега“ даетъ яркую картину этого отчаянія, безсильной злобы и жажды мести. „Вечеромъ 26-го іюня мы услышали послѣ побѣды National'я надъ Парижемъ правильные

залпы, съ небольшими разстановками... Мы всѣ взглянули другъ на друга, у всѣхъ лица были зеленыя... „Вѣдь это разстрѣливаютъ“,—сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна. За такія минуты ненавидятъ десятъ лѣтъ, мстятъ всю жизнь. — Горе тѣмъ, кто прощаетъ такія минуты!“ Герценъ не видитъ элементовъ, на которые можно было бы опереться, не видитъ силъ, которыя выкуютъ новую жизнь. „Проклятіе тебѣ, годъ крови и безумія, годъ торжествующей пошлости, звѣрства, тупоумія!“—обращается онъ къ истекшему 1849 г. „До какого времени слезъ и отчаянія мы дожили!.. Послѣдняя надежда, которая согрѣвала, поддерживала, надежда на месть — на месть безумную, дикую, ненужную, но которая бы доказала, что въ груди у современнаго человѣка есть сердце,—исчезаетъ; душа осталась безъ зеленаго листа, все облетѣло... и все затихло... мгла и холодъ распространяются... только порой топоръ палача стукнетъ, падая; да пуля, тоже палача, просвищетъ, отыскивая благородную грудь юноши, разстрѣливаемаго за то, что онъ вѣрилъ въ человѣчество“.

Это первое чувство отчаянія и злобы, которое наполняетъ письма „Съ того берега“, начинаетъ постепенно принимать болѣе ясныя формы. Герценъ разбирается въ ошибкахъ прошлаго и старается установить пути будущаго. Онъ останавливается на двухъ теченіяхъ, которыя несли знамя революціи,—на либерализмѣ и утопическомъ соціализмѣ. Въ его горькихъ упрекахъ этимъ теченіямъ слышится голосъ замѣчательнаго политическаго мыслителя, который набросалъ яркую картину соціальной борьбы, развертывавшейся въ Европѣ, и правильно опредѣлилъ роли каждой изъ борющихся группъ. Герценъ указываетъ на то, что либерализмъ является освободительнымъ движеніемъ буржуазіи, которая не дойдетъ въ этомъ направленіи

до конца. Либералы хотятъ кружковой, а не общенародной свободы, они освободители, пока дѣло касается освобожденія всего, что дорого образованному классу. Но они реакціонеры, когда видятъ, что чувство свободы овладѣваетъ массами и опасность угрожаетъ „современной цивилизаціи, образу жизни, религіи, условной нравственности". Они долго „шутили съ идеей революціи—и дошутились до 24-го февраля". Народный ураганъ вознесъ ихъ на вершину колокольни и указалъ имъ, куда они идутъ и куда ведутъ другихъ; посмотрѣвши на открывавшуюся передъ ними пропасть, они поблѣднѣли. Люди, провозглашавшіе республику, сдѣлались палачами свободы. Прежніе либералы стали ретроградами, измѣнниками, инквизиторами. „Либералы всѣхъ странъ со времени реставраціи звали народы на низверженіе монархически-феодальнаго устройства во имя равенства, во имя слезъ несчастнаго, во имя страданій притѣсненнаго, во имя голода неимущаго. Они радовались, когда одна феодальная подставка падала за другой, и до того увлеклись, наконецъ, что перенили собственныя желанія. Они опомнились, когда изъ-за полуразрушенныхъ стѣнъ явился - не въ книгахъ, не въ парламентской болтовнѣ, не въ филантропическихъ разглагольствованіяхъ, а на самомъ дѣлѣ - пролетарій, работникъ съ топоромъ и черными руками, голодный и едва одѣтый рубищемъ. Этотъ „несчастный, обдѣленный братъ", о которомъ столько говорили, котораго такъ жалѣли, спросилъ, наконецъ, гдѣ же его доля во всѣхъ благахъ, въ чемъ *его* свобода, *его* равенство, *его* братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступомъ улицы Парижа, покрыли ихъ трупами и спрятались отъ *брата* за штыками осаднаго положенія, спасая цивилизацію и порядокъ".

Таково отношеніе Герцена къ европейскому либерализму: великая французская революція была бур-

жуазной революціей; уничтоживъ феодально-монархическую Европу, она создала новый гнетъ въ лицѣ мѣщанско-буржуазной Европы. Она умираетъ. Не ей выполнить великое дѣло освобожденія человѣчества. Въ ней „всѣ побѣждены, все побѣждено, а побѣдителя нѣтъ“. Старая Европа не въ силахъ „обновить свою остывающую кровь и броситься стремглавъ въ это необозримое будущее, куда увлекаетъ ее необозримая сила“. Великое значеніе книги „Съ того берега“ заключается не только въ геніальномъ пониманіи историческаго момента; протестъ противъ буржуазной Европы 1848 года превратился здѣсь въ неотразимую критику мѣщанства вообще. Въ злобѣ дня Герценъ сумѣлъ уловить неумирающія основы. Изъ преходящихъ событій минуты онъ извлекъ вѣчные уроки, и его краткій блещущій парадоксами памфлетъ надолго останется лучшимъ выраженіемъ горечи и ненависти современнаго человѣчества, бьющагося въ тискахъ торжествующаго мѣщанства. Онъ былъ смертнымъ приговоромъ не только отжившему политическому строю, но и соціальному строю, который обреченъ на гибель, но который еще крѣпко цѣпляется за жизнь. Въ книгѣ Ч. Вѣтринскаго (Герценъ. Спб. 1908) приведенъ интересный разсказъ Мальвиды ф.-Мейзенбургъ, участницы освободительнаго движенія въ Германіи, свидѣтельствующій о томъ, что вдохновенный протестъ Герцена вливалъ могучія силы во все, что рвалось къ лучшему будущему и бросалось на бой съ старымъ отживающимъ міромъ. „Огневой потокъ живого чувства, страсти и страданія, жгучая любовь, неумолимая логика, ѣдкая сатира, холодное презрѣніе, подъ которымъ кроется разочарованіе вѣрующаго, стоическое самоотреченіе и полный отчаянія скептицизмъ,—все это бурно хлынуло на меня со страницъ этой книги, разбудило въ душѣ моей тысячеголосые отзвуки и озарило безжалостнымъ свѣтомъ истины и

разлагающимъ пламенемъ критики все недавно пережитое—отъ весеннихъ надеждъ февраля и марта 1848 г. вплоть до событій въ Вѣнѣ и до 2-го декабря 1852 г. съ его свитой рѣзни, тюремъ, каторги. Какъ поразило меня это отраженіе нашихъ собственныхъ разрушенныхъ идеаловъ и желаній, нашихъ собственныхъ безпадежности и покорности—въ душѣ русскаго!.. Еще больше поражала въ книгѣ смѣлость и сила мыслителя, который, въ противоположность большинству, послѣ столькихъ разочарованій, не сталъ тѣшиться революціонными иллюзіями и смѣло погрузилъ насъ въ самую рану, примѣнилъ горькія истины историческаго развитія къ оцѣнкѣ и нашихъ ошибочныхъ надеждъ и напрямикъ, безъ фразъ опредѣлилъ причину неудачи".

„Съ того берега"—книга разочарованія, за которой скрывается глубокая вѣра въ соціализмъ. „Письмо къ Мишле"—самое яркое изъ ряда произведеній („Крещеная собственность", „Старый міръ и Россія", „Концы и начала" и другія), въ которыхъ Герценъ выступаетъ родоначальникомъ народничества, полуславянофиломъ, съ горячей вѣрой въ то, что именно русскому народу предстоитъ осуществить идеалы соціализма, оказавшіеся не подъ силу Европѣ. Письмо къ Мишле носитъ названіе „Русскій народъ и соціализмъ". Оно было напечатано въ 1851 году. Оно было отвѣтомъ на статью Мишле, появившуюся въ L'Evenement. Отвѣчая на нападки Мишле, Герценъ беретъ подъ свою защиту русскій народъ. Главныя идеи „Письма" слѣдующія. Славянскій міръ, несмотря на русско-польскія отношенія и на взаимную вражду отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, не такъ разнороденъ, какъ кажется. И подъ властью турокъ, и подъ „благословеніемъ черногорскаго владыки", и въ византійской Россіи, и подъ бюрократическимъ ярмомъ Австріи живетъ народъ физіологически и этнографически тожествен-

ный. Россія является „зерномъ кристаллизаціи, тѣмъ центромъ, къ которому тяготѣетъ стремящійся къ единству славянскій міръ, и это тѣмъ болѣе, что Россія покуда единственная часть великаго племени, сложившаяся въ сильное и независимое государство“. Другая важная идея этой статьи — мысль о коммунизмѣ, какъ основномъ вопросѣ столѣтія. „Развѣ въ XIX столѣтіи есть какой-нибудь серьезный интересъ, лежащій внѣ вопроса о коммунизмѣ, внѣ вопроса о раздѣлѣ земли“. Изъ этой идеи вытекаетъ та, которую можно считать итогомъ соціальныхъ чаяній Герцена. Русскій народъ—общинникъ по природѣ, община—залогъ его великой роли въ осуществленіи коммунистическаго строя. „Жизнь русскаго народа до сихъ поръ ограничивалась общиной; только въ отношеніи къ общинѣ и ея членамъ признаетъ онъ за собою права и обязанности. Внѣ общины ему все кажется основаннымъ на насиліи... Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства и отъ императорской цивилизаціи, отъ выкрашенныхъ по-европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хотя и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти; она благополучно дожила *до развитія соціализма въ Европѣ*“. Поэтому русское правительство такъ боится освобожденія крестьянъ, и при всемъ своемъ всемогуществѣ, при полномъ порабощеніи всѣхъ общественныхъ силъ оно чувствуетъ тревогу: „на мѣсто либерализма, который императоръ Николай гналъ съ ожесточеніемъ“, совершенно напраснымъ, потому что „этотъ экзотическій цвѣтокъ не можетъ укорениться на русской почвѣ, встаетъ другой вопросъ, грозный какъ громовая туча“. Правительство поняло, что освобожденіе крестьянъ сопряжено съ освобожденіемъ земли; что „освобожденіе земли, въ свою очередь, начало соціальной революціи, провозглашеніе сельскаго коммунизма“. Наконецъ, изъ этихъ

идей вытекаетъ преклоненіе передъ русскимъ крестьяниномъ, то преклоненіе, которое долго служило одушевляющимъ стимуломъ крупнаго литературнаго направленія. Не интеллигенція, а именно крестьянинъ совершитъ эту соціальную революцію. Образованные классы, прошедшіе черезъ западную цивилизацію,— только „закваска, посредники между русскимъ народомъ и революціонной Европой". И Герценъ восторженно восклицаетъ: „Человѣкъ будущаго въ Россіи — *мужикъ*, точно такъ же, какъ во Франціи—работникъ". Отъ этой сжатой формулы могутъ и въ наше время вести исторію своего возникновенія двѣ главныя соціалистическія партіи: соціалъ-демократы съ ихъ тяготѣніемъ къ „работнику" и соц.-революціонеры съ ихъ вѣрой въ крестьянскій классъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей Герценъ выступаетъ апологетомъ этого мужика, онъ склоненъ къ идеализаціи его быта и вѣрованій, столь типичной для будущихъ народниковъ: крестьяне рѣдко обманываютъ другъ друга; между ними господствуетъ почти неограниченное довѣріе, они не знаютъ контрактовъ и письменныхъ условій; семейный бытъ у нихъ сильно развитъ и т. д. „Письмо" пестритъ этими похвалами крестьянству. Таковы основныя идеи статьи „Русскій народъ и соціализмъ". Послѣдующія представляютъ только дальнѣйшее развитіе этихъ идей. Въ „Крещеной собственности" мы слышимъ тревогу за неприкосновенность общины. Коснуться ея — это значитъ отдать русскій народъ, связанный по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. Такое покушеніе было бы преступленіемъ въ то время, „когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству". Артель — лучшее доказательство „естественнаго безотчетнаго сочувствія славянъ съ соціализмомъ".

Намъ остается упомянуть о послѣдней стадіи въ

развитіи идей Герцена. Это моментъ грусти и тоски, вернувшихся къ нему въ послѣдніе годы жизни. Послѣ польскаго возстанія, торжества реакціи въ Россіи, разрыва съ молодежью и паденія „Колокола“ Герценъ посвятилъ свой досугъ „Былому и Думамъ“ и философскимъ размышленіямъ. Онъ подвелъ грустные итоги своимъ мечтамъ и вѣрованіямъ. Онъ видѣлъ, что осуществленіе ихъ отдалилось въ неопредѣленное будущее, и его вѣра была снова поколеблена, всѣ пути къ счастью родины снова показались сомнительными и длинными. Не разъ возникалъ вопросъ, почему Герценъ среди многочисленныхъ системъ Запада, въ которыя онъ углублялся, не остановился внимательно на одномъ ученіи, которому предстояла такая великая роль въ исторіи умственнаго развитія европейскаго общества. Когда Герценъ писалъ свои полныя отчаянія письма „Съ того берега“, въ это время „Коммунистическій манифестъ“ Маркса уже переводился на всѣ языки, озарялъ новымъ свѣтомъ соціальныя отношенія въ европейскомъ обществѣ. Въ этихъ двухъ твореніяхъ есть немало точекъ соприкосновенія — одинаково могучая критика буржуазіи, одинаково вѣрное пониманіе силъ, дѣйствующихъ въ развитіи историческаго процесса. И у Герцена мы находимъ отрицательное отношеніе къ идеалистическому пониманію исторіи, признаніе реальныхъ интересовъ массъ ея главнымъ факторомъ. Что же помѣшало Герцену вступить на путь научнаго соціализма? Почему, разочарованный крушеніемъ утопическихъ идеаловъ, онъ не вступилъ на путь, который диктовался ходомъ вещей, и не остановился на великой системѣ, которая придала соціалистическому движенію новыя силы? Трудно съ увѣренностью отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ своей статьѣ о Герценѣ В. Богучарскій (Изъ прошлаго русскаго общества) тщательно изслѣдовалъ этотъ вопросъ. Главной причиной враждебныхъ отношеній Герцена къ

Марксу были личные счеты. Марксъ будто бы пустилъ инсинуаціи и клеветы на друга Герцена Бакунина. Подъ конецъ жизни Герценъ измѣнилъ свое отношеніе къ марксизму. Но едва ли личныя столкновенія могли послужить единственнымъ основаніемъ, почему Герценъ не вступилъ на путь научнаго соціализма. Если Герценъ и не былъ знакомъ съ сочиненіями Маркса, то, во всякомъ случаѣ, такой крупный соціальный умъ не могъ не уловить его идей и не погрузиться въ ихъ изученіе, если бы онъ обладалъ предрасположеніемъ къ нимъ. Намъ кажется, что въ ученіи Маркса, которое въ своемъ конечномъ логическомъ выводѣ приводитъ къ полному отрицанію значенія личности, исчезающей за реальнымъ интересомъ класса, было что-то чуждое и враждебное всему духовному складу Герцена, для котораго проблема личности никогда не исчезла и даже въ моменты его высшаго увлеченія соціальнымъ вопросомъ сохранила свое мѣсто въ его міровоззрѣніи. Что Герценъ могъ знать и слышать объ идеяхъ Маркса хотя бы изъ устъ своихъ друзей, показываютъ письма Бакунина къ Герцену. Изъ этихъ писемъ видно, что не одни личные счеты отдѣляли друзей Герцена отъ марксистовъ. „Марксъ,—пишетъ въ 1869 г. Бакунинъ („Письма М. А. Бакунина къ Герцену и Огареву". Спб. 1907 г., стр. 333),—несомнѣнно полезный человѣкъ въ Интернаціональномъ обществѣ. Онъ въ немъ еще до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ твердыхъ, умныхъ и вліятельныхъ опоръ соціализма, одна изъ самыхъ сильныхъ преградъ противъ вторженія въ него какихъ бы то ни было буржуазныхъ направленій и помысловъ. И я никогда не простилъ бы себѣ, если бы, для удовлетворенія личной мести, я уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благодѣтельное вліяніе. А можетъ случиться, и, вѣроятно, случится, что мнѣ скоро придется вступить съ нимъ въ борьбу, *не за личную обиду, а по во-*

просу о принципѣ, по поводу государственнаго коммунизма, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть. Но все въ свое время, теперь же время не пришло".

Какъ бы то ни было, но Герценъ прошелъ мимо научнаго соціализма, хотя не разъ близко подходилъ къ его идеямъ. Лучшимъ памятникомъ разочарованія, овладѣвшаго имъ въ концѣ жизни, являются его „Письма къ старому товарищу", подъ которымъ разумѣлся Бакунинъ. Въ этихъ письмахъ итоги всей жизни, „соціально-политическое завѣщаніе Герцена" (по выраженію Ч. Вѣтринскаго). Герценъ особенно рѣзко подчеркиваетъ теперь ту мысль, что не „начала и теоріи", а „методы, практика и оцѣнка силъ, средствъ и времени" — главная причина разногласія у тѣхъ, у кого „конечное разрѣшеніе одно". Главнымъ тормазомъ къ достиженію желаннаго идеала является отсутствіе пониманія и знанія у того большинства, которое наиболѣе страдаетъ и стремится выйти изъ своего положенія, въ лицѣ городскихъ рабочихъ, но „удержано старымъ традиціоннымъ міросозерцаніемъ другой и самой многочисленной части"; никакіе перевороты не дадутъ этихъ знаній. 1848 годъ былъ возстаніемъ въ минуту отчаянія и гнѣва людей, спохватившихся „только на баррикадахъ, что у нихъ нѣтъ знамени". Поэтому сплоченный въ одну дружину консервативный міръ раздавилъ это возстаніе. Герценъ не сомнѣвается и теперь, что „исключительному царству капитала и безусловному праву собственности пришелъ конецъ". Но онъ не вѣритъ, что взорвать старый міръ — значитъ создать новый. Послѣдній не можетъ возникнуть на развалинахъ прошлаго, пока нѣтъ для него достаточно твердой почвы. „Подорванный порохомъ весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и расчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными

измѣненіями—*какой-нибудь буржуазный міръ*. Потому, что онъ внутри *не конченъ, и потому еще, что ни міръ построяющій* ни новая организація не настолько готовы, чтобы пополниться, осуществляясь". Всѣ опоры стараго міра еще не расшатаны. Народное сознаніе—фактъ, и съ нимъ слѣдуетъ бороться. Никто не виноватъ въ соціальныхъ нелѣпостяхъ современнаго быта. Надобно смотрѣть проще, физіологичнѣе. „Экономическій переворотъ имѣетъ необъятное преимущество передъ всѣми религіозными и политическими революціями въ трезвости своей основы... По мѣрѣ того, какъ онъ вырастаетъ изъ состоянія неопредѣленнаго страданія и недовольства, онъ невольно становится на *реальную почву*". Быть-можетъ, никогда Герценъ такъ близко не подходилъ къ марксизму, какъ въ этихъ посмертныхъ письмахъ. Никогда не смотрѣлъ онъ „физіологичнѣе" на ходъ историческаго процесса, никогда не говорилъ такъ ясно о безплодности личныхъ и идейныхъ усилій, если они не сопровождаются естественнымъ развитіемъ реальныхъ силъ и отношеній. „Обрушивать отвѣтственность за былое и современное на послѣднихъ представителей „прежней правды", дѣлающейся „настоящей правдой", такъ же нелѣпо, какъ было нелѣпо и несправедливо казнить французскихъ маркизовъ за то, что они не якобинцы". Поэтому и соціализмъ долженъ выйти изъ сферы утопій и фантазій. Пора перестать стыдить собственниковъ ихъ богатствомъ, склонять ихъ „на добровольную бѣдность страшной картиной страданій". Не безнравственность и незаконность собственниковъ слѣдуетъ указывать. Имъ слѣдуетъ доказать, что „нелѣпость контрафорсовъ" обладанія вошла въ сознаніе неимущихъ, въ силу чего оно становится *невозможнымъ*. „Имъ надобно показать, что борьба противъ неотвратимаго—безсмысленное истощеніе силъ и что чѣмъ упорнѣе она и длиннѣе, тѣмъ къ бо́льшимъ потерямъ и гибе-

лямъ она приведетъ". Это — развитіе основной идеи научнаго соціализма, той мысли, что крушеніе капиталистическаго строя неизбѣжно въ силу хода экономическаго развитія, а не въ силу идеальныхъ и нравственныхъ соображеній. Но, становясь на точку зрѣнія научнаго соціализма, Герценъ остается утопистомъ въ томъ смыслѣ, что обращается (если ужъ не къ доброму сердцу), то къ разуму и расчету эксплуатирующихъ классовъ, и подобно Сенъ-Симону и Фурье не возлагаетъ главныхъ надеждъ на силы и организацію эксплуатируемыхъ. Основная идея „Писемъ"— необходимость продолжительной предварительной работы, необходимость тщательной подготовки массъ. „На неразумѣніи и невѣжествѣ зиждется вся прочность существующаго порядка". Онъ не боится слова „постепенность". Великіе перевороты не дѣлаются разпуздываніемъ дурныхъ страстей. Онъ не вѣритъ „въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ".

Рядомъ съ Бѣлинскимъ Герценъ стоитъ у колыбели новой русской литературно-общественной мысли. Отъ него также можно вести святѣйшія традиціи новѣйшей нашей литературы, съ ея боевымъ пыломъ, съ мощно бьющимся въ ней пульсомъ соціальной и политической жизни, съ мученическимъ вѣнцомъ ея лучшихъ вождей. Мы пережили уже народничество, родоначальникомъ котораго былъ Герценъ, жизнь разбила многія его вѣрованія, община не крѣпла, а рушилась, путь къ соціализму во многомъ пошелъ не по тому направленію, которое рисовалось воображенію Герцена, и, тѣмъ не менѣе, его творенія не утратили своего значенія. Разныя проблемы основного соціальнаго вопроса охвачены въ нихъ оригинальнымъ и великимъ, хотя и нетерпѣливымъ, умомъ. Будущее исправитъ не одну ошибку Герцена, но оно долго будетъ питаться его идеями. Его жизнь была драмой,

исторія его мысли - трагедіей. Русская общественная мысль только что расправляла свои крылья, когда онъ началъ писать, и въ пламенномъ стремленіи нетерпѣливаго духа разобраться въ наплывѣ идей, которыя рождали и дѣйствительность, и западная философія, въ поспѣшномъ желаніи примѣнить къ первой вторую заключался источникъ страданій и Бѣлинскаго, и Герцена. Гоненія николаевской полиціи были для этихъ людей ничтожными уколами по сравненію съ неустанными преслѣдованіями ихъ собственнаго пытливаго духа.

Бѣлинскій и Герценъ воплотили въ своемъ лицѣ работу общественной мысли, проснувшейся въ 30-е годы истекшаго вѣка. Знакомство съ сомнѣніями и колебаніями, пережитыми ими, а вмѣстѣ съ ними и русскимъ обществомъ, поможетъ намъ глубже заглянуть во внутренній міръ героевъ, которыхъ начала съ этихъ поръ выводить русская художественная литература.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Николаевская эпоха.—Западныя вліянія: сенсимонизмъ и гегеліанство.—Бѣлинскій.

Стр.

I. Николаевская эпоха.—Основной принципъ правительственной системы. — Бюрократія.— Чиновничество, церковь, армія, внѣшняя политика Россіи. — Общество. —Теоретическое обоснованіе системы офиціальной народности.—Формула: православіе, самодержавіе, народность.—Прогрессивные элементы.—Наука.—Графъ Уваровъ.—Положеніе университетовъ. -Культурная роль университетовъ: Грановскій.—Положеніе литературы . 5

II. Западныя вліянія.—Различіе историческихъ условій, вліявшихъ на развитіе общественной мысли въ Германіи и во Франціи. — Нѣмецкая метафизическая философія.—Локъ и Юмъ.—Кантъ и его ученіе о познаніи.—Фихте.—Шеллингъ.—Гегель.—Абсолютная идея и діалектическій методъ; гегеліанство и дѣйствительность. . 26

III. Сенъ-Симонъ.—Его ученіе: отношеніе къ наукѣ и къ религіи, къ рабочимъ и предпринимателямъ. — Попытка примиренія религіи и науки. — Защита промышленнаго строя.—Фурье и организація фаланги. Жоржъ-Зандъ.— Романы, въ которыхъ рѣшается семейный вопросъ: „Индіана“ и „Жакъ“.— Соціальные романы: „Грѣхъ г. Антуана“.—Идеализація деревни. 55

Стр.

IV. Бѣлинскій. — Дѣтство.— Школа.— Университетъ.— Юношеская трагедія „Дмитрій Калининъ".— Вліяніе Надеждина. — Кружки. — Станкевичъ. — Вопросъ о „переворотѣ" въ направленіи Бѣлинскаго по переѣздѣ въ Петербургъ.—Начало славянофильства.— Послѣдніе годы жизни Бѣлинскаго 74

ОТДѢЛЪ II.

Три главныхъ направленія въ русской литературѣ 40-хъ годовъ: офиціальная народность, славянофильство и западничество.— Булгаринъ.— Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковъ.— Чаадаевъ. — Бѣлинскій.

V. „Литературныя мечтанія". — Основная точка зрѣнія Бѣлинскаго въ этой статьѣ.— Взгляды на народъ, на офиціальную дѣйствительность, на русскую исторію, на прошлое русской литературы, на искусство.—Общественный элементъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ".—Либерализмъ и соціализмъ. 91

VI. Періодъ „фихтіанства".— Культъ „я" въ этотъ періодъ. — Статья о системѣ нравственной философіи Дроздова, какъ отраженіе этого періода.—Главныя мысли этой статьи: преклоненіе предъ апріорнымъ методомъ познанія и отрицаніе эмпирическаго метода; сознаніе, какъ основа нравственности; безпрерывное совершенствованіе субъекта, какъ основная задача человѣка.—Гегеліанскій періодъ. — Діалектическій методъ и „разумная дѣйствительность" — главныя гегеліанскія идеи, воспринятыя Бѣлинскимъ. — Вопросъ о томъ, правильно ли понялъ Бѣлинскій Гегеля.— Идеализація николаевскаго режима въ письмахъ этого періода. — Статьи о Бородинской годовщинѣ и Менцелѣ, какъ отраженіе гегеліанскаго періода. — Политическія и эстетическія идеи, высказанныя въ этихъ статьяхъ . 112

VII. Причины, обусловившія „переломъ" въ міросозерцаніи Бѣлинскаго.—Критика кружка, пробужденіе общественныхъ интересовъ, нападки на дѣйствительность николаевской эпохи и на отвлеченную философію.— Главные представители, органы и писатели-художники направленія офиціальной народности.—Отно-

Стр.

шенія между славянофилами и западниками.—Главные представители и органы славянофильскаго направленія. — Міросозерцаніе славянофиловъ.—Связь ихъ основной идеи съ ученіемъ Шеллинга.—Мистическое представленіе о народѣ.—Историческія воззрѣнія славянофиловъ: различіе между ходомъ европейской и ходомъ русской исторіи, идеализація русской старины, взглядъ на петровскую реформу.—Православіе, самодержавіе и народность съ славянофильской точки зрѣнія.—Заслуги школы и отрицательныя стороны ея вліянія . 136

VIII. Западничество, его органы и представители. — Чаадаевъ.—Европейская реакція и мистицизмъ.—„Философическія письма".—Европа и Россія и сравнительная оцѣнка ихъ прошлаго и настоящаго у Чаадаева.—Его отношеніе къ славянофильству, западничеству и офиціальной Россіи.—Чаадаевъ и освободительное движеніе 163

IX. Міросозерцаніе Бѣлинскаго въ 40-хъ годахъ.—Переходъ къ реальной, научно-позитивной точкѣ зрѣнія.—Приложенія этой точки зрѣнія къ исторіи, къ ученію о національности и народѣ и къ общественнымъ вопросамъ.—Эстетическія воззрѣнія.—Главныя идеи натурализма: вѣрное изображеніе дѣйствительности, анализъ ея, общественная роль искусства, отношеніе поэта къ изображаемому, чистое и тенденціозное искусство, защита угнетенныхъ.—Бѣлинскій и офиціальное народничество.—Бѣлинскій и славянофилы.—Бѣлинскій и передовая литература.—Бѣлинскій въ исторіи русской мысли. 180

ОТДѢЛЪ III.

Герценъ.

X. Бѣлинскій и Герценъ. — Обстановка, въ которой совершалось развитіе Герцена.—Дѣтская въ барскомъ домѣ.—Слуги и народъ.—Деревня и природа.—Императоръ Николай и Герценъ.—Впечатлѣніе декабрьскаго бунта.— Огаревъ.— Университетъ.— Ссылка.— Литературныя отношенія Герцена въ 40-хъ годахъ.— За границей.—Разочарованіе послѣ 1848 года—„Колоколъ".—Заключеніе 206

Стр.

XI. Первый періодъ литературной дѣятельности Герцена.— Индивидуалистическая точка зрѣнія.— Страданія личности и защита ея правъ.—Главныя мысли статьи „По поводу одной драмы": личное и общее.— „Сорока-воровка", „Докторъ Круповъ" и „Кто виноватъ".— Типъ Бельтова и его значеніе.— Идеи реализма и защита научнаго метода въ статьѣ „Дилеттантизмъ въ наукѣ" и въ другихъ статьяхъ этого періода 234

XII. Послѣдніе годы николаевскаго царствованія.— Начало реформъ императора Александра II. — Правительство и общество въ эпоху реформъ.— Тайныя общества.—Реакція.—Литературная дѣятельность Герцена за границей и главныя идеи его въ теченіе этого періода. - „Съ того берега".—„Русскій народъ и соціализмъ".— „Письма къ старому товарищу".— Заключеніе 261

Указатель источниковъ.

Полное собраніе сочиненій *Бѣлинскаго*. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. I—VIII. Спб. 1900—1907 гг.

Сочиненія *Бѣлинскаго*. Съ портретомъ и собраніемъ писемъ автора, гравюрой съ картины Наумова и статьей А. М. Скабичевскаго. Т. I—IV. Спб. 1906—1907 гг.

В. Г. Бѣлинскій. Избранныя сочиненія. Съ пред. и вступительн. статьей Н. Котляревскаго. Въ двухъ томахъ. Спб. 1898 г.

А. Н. Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. Изданіе 3-е. Спб. 1906 г.

А. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изд. Спб. 1908 г.

С. А. Венгеровъ. Эпоха Бѣлинскаго. Спб. 1905 г.

Его же. Очерки по ист. русск. литературы. Спб. 1907 г.

В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества.

Мих. Лемке Николаевскіе жандармы. Спб. 1908 г.

Его же. Очерки по ист. русской цензуры. Спб. 1904 г.

В. А. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ. Т. I — II. Спб. 1905 г.

А. К. Бороздинъ. Литерат. характеристики. Т. I II. Спб. 1903 1907 гг.

А. Н. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской лит. Т. I—II. Изд. 2-е. Москва. 1903 г.

Исторія Россіи въ XIX в. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ, въ особенности статьи. *Сакулина*, О русской литературѣ, и *Н. Н. Бороздина*, Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

Ч. Вѣтринскій. Грановскій и его время. Изд. 2-е. Спб. 1905 г.

В. М. Семевскій. Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ концѣ 1840 годовъ.

С. Г. Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи. Ростовъ-Дону. 1905 г.

А. Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи.

П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Изд. 2-е. Спб. 1903 г.

Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Спб. 1905 г.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I -II. 1907 г.

В. Бонучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества. Спб. 1904 г.

Туганъ-Барановскій. Очерки изъ исторіи новѣйшей политической экономіи. Спб. 1906 г.

Випперъ. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв.

Жоржъ-Сандъ. Романы, особенно „Le péché de monsieur Antoine".

В. Виндельбандъ. Исторія новой философіи. Т. II. Отъ Канта къ Ницше. Спб. 1905 г.

Куно-Фишеръ. Исторія новой философіи. Пер. подъ ред. Н. О. Лосскаго.

В. Вундтъ. Введеніе въ философію. Пер. С. Штейнберга и С. Львова. Спб. 1902 г.

А. Шаховъ. Гете и его время. Изд. 3-е. Спб. 1908 г.

Кронеберъ. Философія Канта и ея значеніе въ исторіи мысли. Спб. 1898 г.

Кудъ. Гегель. Съ статьями кн. Трубецкого и Вл. Соловьева. М. 1898 г.

М. Гершензонъ. П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 1908 г.

Сочиненія *А. И. Герцена,* въ 11 томахъ. Genève—Bale-Lyon.

Сочиненія *А. И. Герцена* и переписка съ Н. А. Захарьиной. Т. I—VII. Спб. 1906 г.

А. Діесперовъ. А. И. Герценъ.

Письма *М. А. Бакунина* къ Герцену и Огареву. Спб. 1907 г.

Ч. Вѣтринскій. Герценъ. Спб. 1908 г.

Ч. Вѣтринскій. Въ сороковыхъ годахъ. М. 1899 г.

В. П. Батуринъ А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Т. I. Спб. 1904 г.

С. П. Бумаковъ. Душевная драма Герцена. Кіевъ. 1905 г.

Книгоиздательство „ЗАРЯ“
Москва, кн. маг. „Сотрудникъ Провинціи“, уг. Тверского бул. и М. Бронной, Тел. 27-96.

П. Коганъ. Очерки по исторіи древнихъ литературъ. Т. I. *Греческая литература.* Изданіе II. Ц. 1 р. 25 к.

— Очерки по исторіи западно европейск. литературъ. Т. I. В. I. *Средніе вѣка, Данте. Эпоха Возрожденія. Сервантесъ. Шекспиръ. Ложноклассн. направл. и начало національнализма. Мильтонъ. Локкъ. Корнель. Мольеръ. Просвѣтителн. и сантиментальн. направленіе. Нѣмецк. литература въ XVIII в. Лессингъ. Гёте. Шиллеръ. Романтизмъ и поэзія „міровой скорби“. Новалисъ. Байронъ.* Изд. VI. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки по исторіи западно европейск. литературъ. Т. III. В. I. *Соціальн. подкладка соврем. поэзіи. Макъ Штирнеръ. Ницше. Ибсенъ. Метерлинкъ. Шницлеръ. О. Уайльдъ.* Изд. II. Ц. 1 р. 25 к.

— Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. В. II. *Кающееся дворянство. Лишніе люди. И. С. Тургеневъ. Л. Н. Толстой. Д. В. Григоровичъ.* Изд. II. Ц. 1 р.

— Очерки по исторіи новѣйш. русск. литературы. Т. III. Современники. В. III. Мистики и богоискатели. *Мережковскій. А. Бѣлый. В. Ивановъ.* Ц. 1 р.

— Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. III. Современники Вып. I. *Купринъ. Арцыбашевъ. Сологубъ. Юшкевичъ. Телешовъ.* и др. Изд. Ц. 1 р.

П. Коганъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. В. I. *Николаевская эпоха. Западныя вліянія: сенъ-симонизмъ и гегеліанство. Бѣлинскій. Три главныхъ направленія въ русской литературѣ 40-хъ гг.: оффиціальн. народность, славянофильство и западничество. Булгаринъ. Хомяковъ. Кирѣевскіе. Аксаковъ. Чаадаевъ. Герценъ.* Изд. III. Ц. 1 р.

— Бѣлинскій и его время Ц. 70 к.

— Бѣлинскій (Для народа и школъ) Ц. 30 к.

Юмористическая библіотека.

№ 1. **К. Макушинскій.** Веселые разсказы и романтическія исторіи. Пер. *В. Блажевича.* Ц. 1 р.

№ 2. **Шоломъ Алейхемъ** Юмористическіе разсказы. Перев. *Я. Данилина.* Ц. 1 р.

№ 3. **Розы и шипы.** Избр. разсказы изъ „Simplicissimus'a". Перев. *С. Бердяева.* Ц. 1 р.

№ 4. **К. Макушинскій.** Романтическія исторіи и „Въ калейдоскопѣ". Пер. *В. Блажевича.* Ц. 1 р.

№ 5. **Маркъ Твэнъ.** Разсказы. Пер. *Я. Данилина.* Ц. 1 р.